

Анна Седова

*Хвост, плавники, чешуя -
вот мои документы!*

Зеленая

Если сварить русалку, какой получится суп? Рыбный, или мясной?

Зачем я это спрашиваю? Так ответ прост. Это первое что пришло в голову, когда открыла глаза и поняла, что попала. И плевать на другой мир, не важно, что вместо ног у меня рыбий хвост и длинные плавники по позвоночнику, главное то, где я очнулась и что со мной собрались делать.

Работа в процессе. Буду выкладывать главы по мере написания.

Хвост, плавники, чешуя — вот мои документы!

— Ты уверена? — смотрела на внимательно наблюдающую женщину ее лучшая подруга по приключениям, пакостям и разговорам против старших. Глаза цвета горького шоколада смотрели пристально, тонкие брови как обычно сдвинуты к переносице, носик скорчен и щечки надуты, — он ведь не оценит твоих стараний, — смотрела на объект пристального наблюдения. Молодой мужчина, синие как море волосы, раздвоенные синие рога, холодные голубые глаза с вертикальным зрачком, вытянутый кончик уха, чешуя вокруг глаз, метка стихии на лбу, сжатые губы, сдвинутые к переносице синие брови, в белом одеянии с синей окантовкой и вышивкой волн. Он и правда красив, умен и привлекателен, но от одного его взгляда бросает в дрожь, от движений хочется передернуть плечами, а от голоса залезть в теплую, даже горячую ванну, — он мрачный, холодный и жестокий, — напонила, — скольких достойных девушек он погубил, растоптал и уничтожил. Думаешь ей, и так испытанной жизнью на прочность ни раз, доставит удовольствие общение с ним? Она же сбежит, от него, как и все ее предшественницы.

— Возможно у нее получится его разтормозить, — смотрела девушка с темными волосами, — ему не нужны любовь и чувства, нужна та, кто сможет лишь одним присутствием улыбнуться, выйти из пучины тоски.

— И ты в ней уверена? — не верила подруге блондинка.

— Уверена, с ее опытом и взглядами на жизнь, она вправит ему мозги и развеет тысячелетнюю скуку и пяти вековой траур, — прищурилась девушка, глядя на подругу. Та смотрела на нее пронзительными голубыми глазами в обрамлении пушистых ресниц, ее светлые брови то сползали к переносице, то наоборот взлетали вверх от изумления, светлые локоны лежали, будто бы только после укладки, тонкая ниточка алых губ была вся искусана от нервов, как и носик, расчесан на самом кончике, по щекам шли нервные розовые пятна, а от шикарного маникюра практически ничего не осталось, лишь огрызки, — так что бери ее в руки и сюда, — но была заминка, об этом сказала подруга:

— Для того, чтобы притащить ее сюда, она должна умереть или быть на грани жизни и смерти, — показала пальцем, — а она умирать не собирается, и жизни ее ничего не угрожает, — подруга, скрестив руки на груди, топнула ногой сказала:

— Ради него я сделаю то, за что получу наказание в сотню лет и столько же ударов плетью, уйду в уединение, но выполню обещание, данное брату, — тут погрустнела подруга и сказала:

— А он того стоит? — показала на холодного и мрачного мужчину, сидевшего в с воем кабинете, уткнувшись в бумаги и документы.

— Стоит, — сказала девушка, — только не он, а брат, его жертва, ради его народа, — показала на синеволосого мужчину в белом одеянии.

Больше разговор на эту тему между ними не поднимался, а девушка думала, как привести план в действие. И ничего не оставалось кроме как самой сделать то, что нужно. Подставить ее так, чтобы девушка оказалась здесь, в мире, где требуется ее присутствие, чтобы вывести из раковины горя и отчаянья того, кто был дорог и близок ее брату. Лучший друг, всегда готовый подставить плечо, дать совет или просто вытащить куда-нибудь на приключения и подвиги. Его больше нет на этом свете, но обещание, которое она ему дала, девушка выполнит. И плевать чего ей этого будет стоить.

Глава 1 «Народ, что происходит?»

Таисия

Корабль, корма и музыка. Громкая, тупая, которую слушают такие же тупые подростки и люди, как и те, кто эту музыку пишут. Но это сугубо мое мнение. Мой вкус в музыке сейчас не важен, так как не я важная персона, а подруга и ее новоиспеченный супруг, они поклонники подобного творчества и все что слушают они, приходится слушать и мне, как и всем гостям. Не поклонник подобного творчества. Наоборот, ярый сторонник их искоренения. Не считаю современную музыку творчеством и музыкой. Отдельный набор слов и непонятных звуков.

Слышно было на весь теплоход. Со всех уголков доносились эти жуткие завывания и рифма, от которой хотелось залить себе уши воском, лишь бы не слушать этих горе музыкантов. Я же нашла место, где сегодняшней репертуар не так слышно, лишь отдаленно что-то раздается. Смотрела на море, волны и летающих чаек. Мне нравилось море, привкус соли на губах и запах. Как будто я вернулась домой. Что-то во мне просыпалось, когда я сидела на берегу или плавала на теплоходе. Смотря на волны, буря в душе или печальные мысли отходили на задний план.

— Хочешь сбежать отсюда? — спросил женский голос, повернулась и увидела девушку, по модельной внешности, тонкой талии, бюсту и смазливому личику, можно дать лет двадцать пять, длинные черные волосы, восточная внешность, круглое лицо, пухлые губки, маленький носик, восточный разрез глаз и густые черные до поясницы волосы. Одета в юкату, голубого цвета с рисунками волн, талию перетягивает жёлтый пояс, в руке мундштук, — могу устроить, — предложила девушка. Смотрелось смешно. Особенно ее внешний вид. У нас не тематическая вечеринка и японок среди знакомых с обеих сторон брачующихся нет. Странно видеть гостя, которого не приглашали. Но не мое дело. Просто посмотримся мы странно. Она молодая, красивая, с яркой внешностью и я пусть и не старая и не пожилая, но девушкой меня не назовешь. За тридцать, не высокая, худюшая, как говорит подруга, с короткими волосами по плечи, вечно длинной челкой, закрывающей карие, даже черные глаза, круги под глазами от усталости и тонкие губы, светлая кожа, тонкая шея, худые плечи и почти нет груди, зато, как говорит та же подруга талия и стройные ножки. Не знаю почему, но никогда не набирала лишнего веса, даже после родов и ухода в депрессию, заедаемую тортами, мороженым и бургерами с колой. Никогда не превышала отметку своего веса в шестьдесят два килограмма. Это мой максимум. Все быстро сгорало и приходило в привычное состояние. Я не удивлялась, а вот мое окружение даже завидовало. Мне не нужны спортзалы, диеты и таблетки. Просто работа, полная отдача и правильное расписание приемов пищи. Я все это соблюдала. А те, кто не верил, надо мной смеялись, шутили и придумывали всякие прозвища. Подруга отрицала свою причастность, я ей верила. А потом как прозрела. Все те приколы и разводы, перестали срабатывать. Так что я знала, о чем говорю, когда сказала:

— Если ищите объект насмешек, то не по адресу, — у меня богатый опыт в общении с мошенниками, так что на подобное заявления я точно не куплюсь. Да и куда я с теплохода денусь? Так что я просто отказалась. Старалась как можно вежливее. Но она не понимала или делала вид. Подола и шепнула:

— Тогда я сама приму за тебя решение, — в меня было выпущено сизое облачко

сигаретного дыма. Я кашляла, и понимала, это какая-то отравка, перед глазами все плывет. Тело не слушалось, немели пальцы рук и ног, не шевелился язык. Она продолжала улыбаться. Толкнула меня в воду. А сама словно и не существовала, растворилась у меня перед глазами.

Пыталась сопротивляться волнам, держаться на плаву, но заканчивались силы, я стала идти ко дну. Могла лишь смотреть, как погружаюсь все ниже и ниже, около меня проплывали рыбы, окружая и кружа, но так же проплывали дальше, не задерживаясь. А я все глубже спускалась под воду. И глаза сами собой закрылись, пришла легкость.

Где-то...

— А ты не перестаралась? — спрашивала блондинка свою подругу, обеспокоенная из-за подопечной и всем тем, что повлечет за собой ее перенос в этот мир. Но девушка в юкато, мундштуком в руке, отмахнулась, заявив:

— Не переживай. Ее не найдут, я ее спрятала, — и подмигнула блондинке.

— Что ты сделала? — брюнетка подмигнула блондинке и шепнула:

— Она стала частью моего народа, — тут у блондинки случился шок, она шарахнулась в сторону и замотала головой, прося подругу одуматься, — я все продумала, не переживай. Она стала частью старого рода, — уточнила, — оказалось, в ее крови были гены моих подопечных, я даже не напрягалась, — блондинка немного успокоилась, ведь если так, то наказание подруге будет только за незаконный перенос, а не из-за изменения.

— И где она сейчас?

— Надо посмотреть, — выпустив облачко пара, развернула поисковую руну, и увидев в каком месте оказалась Таисия, девушка тут же удалилась, — вот черт! — ругалась она, — надо было не досмотреть и перепутать знак моря со знаком реки, да еще в человеческие земли закинула. Когда богиня, а она богиня решила исправить свою оплошность, девушки там не оказалось. Зато были следы магии знакомого тритона, они говорили о том, что он спас ее, забрав из котла и заведения с меню на любой вкус. Не тот, ради которого все затевалось, но тот, кто может свести этих двоих. Богиня успокоилась, но не надолго.

— Ями, — ее имя звучало из уст главного бога жестко, — ты арестована за незаконное перенесение души. Проследуй за нами, Владыка ждет тебя!

— Я и не сомневалась, — сказала девушка, улыбаясь тому, что обещание, данное брату она выполнила. Ее вели во дворец верховного бога. Отца всех богов, владыку миров и континентов. Судьей является тоже он и лишь он имеет право казнить ее или отпустить. Она была готова ко всему, даже к казни. Как и ее брат. Сотворивший то, за что отец его уничтожил.

Брат вопреки приказу отца спас от гнева отца и полного уничтожения существ, по словам отца, возмнивших себя равными богам. Их создавал еще дед, прежний владыка мира. Из своих слез, дыхания моря и сердца океана. Внешне существа прекрасны, но как море холодны и мрачны, характер их как буря, может быть полнейший штиль, а может и шторм в девять баллов, уничтожающий все на своем пути. Они не способны любить, так думал отец, не слушая слов брата. Но брат перед смертью сказал сестре, лишь две фразы: «У них есть сердце, они могут любить. Но только тех, кто примет их такими, какие они есть», и растаял темной дымкой. Она помнила его слова, и каждый раз пыталась найти ту, единственную для друга. И каждый раз от него сбегали, не выдерживая характер. Одна даже на тот свет, пусть и под конец жизни таки поняла, что он ей не безразличен. А он, страдав в

глубине души, не показывая всем свою трагедию, решил не пускать никого в сердце, закрыть его и стать таким, какой есть, злым, холодным и мрачным, как и говорят о морских драконах.

Таусия

Пришла в себя странно, даже резко. И ладно как именно и в каком виде, а это отдельная история. Но где? В котле. Тут же вспоминается шутка, какой будет суп, если сварить русалку? Рыбный или мясной? А почему русалку, так просто. Я стала русалкой. Или это сон или я брежу в дурке под какими-то препаратами. Тогда почему все так реалистично? Не понимаю. Руки связаны, ноги, точнее хвост, надо отметить шикарный, пусть и страшный, похож на мурену, темно-серый, длинный с рваными плавниками по бокам, и идущими от середины хвоста, а на поясице еще плавники, три больших, широких, и несколько тонких, маленьких, рот заткнут, чтобы не кричала или не пела, кто знает, что русалки могут. А я продолжила свой осмотр новой внешности и мне не нравились длинные волосы, даже больше страшных и кривых когтей, жабр вместо легких, которых у меня нет, и ушей, похожих все на те же плавники. И да, лифчика нет, так что моя пусть и маленькая грудь была на обозрение всем.

— Как там наш ужин? — кричал грубый, низкий голос.

— Естественно молчит, — и подошел ко мне. Я увидела и поняла, что не сплю. Ведь усни я и приснись мне все это, от вида такого чудовища точно бы проснулась. А приснился мне гоблин, так выглядят гоблины, если верить писателям фэнтези и мультипликаторам страны восточного материка. Большой, накаченный, зеленый и непропорциональный, маленькая по сравнению с телом голова, крупный нос картошкой, круглые глаза без белков полностью черные, широкая пасть и торчащие две пары нижних клыков, как бивни у мамонтов, вытянутые уши и рыжая борода, а еще поварской костюм, залитый кровью и жиром.

— Пришла в себя? — и шел ко мне со сковородой, чтобы ударить и вырубить, но я пусть и с заткнутым ртом, пыталась кричать, но не выходило, — дура, что ты на суше без голоса сделаешь? — ржал гоблин, — вы же немые, как есть рыбы! — зашибись! Я еще и немая! Вот весело! Но при мне хвост и пусть я не знаю, как им пользоваться, попытка не пытка. Со всей доступной мне силой, выгнулась и наотмашь шарахнула хвостом по морде гоблина. Вода еще не вскипела, лишь начинала нагреваться, так что я его не ошпарила, как собственно и сама не сварилась, но плесканула я в него почти половину содержимого.

— Эй, ты как? — вбежал еще один гоблин не менее уродливый, как и повар, — что тут происходит? — спрашивает у повара, и смотрит на меня, пытающуюся перерезать когтями веревки. Но я только и могла порезать руки, до веревок не дошло. Но тут появился еще один персонаж. Через черный вход влетел как вихрь мужчина в форме. Короткие по плечи черные волосы растрепаны, торчит кончик заостренного уха, золотые глаза смотрят на меня и гоблинов с гневом, те готовы были побросать все и бежать, но мужчина что-то произнес и гоблинов окружил алый свет. Магия! Это, мать ее, магия! Я точно рехнулась и в дурке. Но почему тогда все так реалистично?

Этому есть два разумных или близких к этому предположения. Первое — я в другом мире, стала русалкой, меня пытаются сварить два гоблина, а этот мужик с магией в руках спасти, второе — я и правда в желтом доме, в мягкими стенами, под лекарствами, от которых ты реально ощущаешь себя в чане с закипающей водой, видишь магию и странных

существ. Но после того, что я видела, и что со мной произошло, на дурку и лекарства я перестала грешить. Зато появилось желание узнать, каким образом я попала сюда и где я вообще? Гоблинов благополучно повязали, а ко мне подошли. Тот самый мужик, скрутивший поваров магией.

— Вы как? — снимая кляп с моего рта, спрашивает мужчина. Смеясь, ему за меня отвечает повар, первый мной увиденный гоблин, которого я окатила водой из котла:

— Она не говорит, — сказал гоблин, — из клана мурен, никто не разговаривает, — как я и думала, смотря на хвост, — они только поют и корабли топят, затуманивая разум, — а потом добавил, да еще с улыбкой, — а еще человечинку едят, — я не знала, что сказать или подумать, ведь у меня проблемы. Страж, а он им оказался, так представился, назвав имя и должность. Зовут этого мужчину Сэльмир Ваэ, тритон из клана осетров. Благородная рыба, помню еще с океанариума, а еще знаю цену в ресторанах и на рынках. А вот мурены и правда не лучший представитель рыбных. Хищники, питаются не только мелкими подводными жителями, но и крупными рыбами не прочь закусить. И падалью тоже. А человека и подавно могут не съесть, по покусать и отравить. Зубы таких рыб ядовиты. И эти рыбы предпочитают охотиться ночью, днем они спят.

— Значит, мурена? — спросил у меня страж, развязывая руки и вытаскивая из рта кляп. Я лишь кивнула, мол, чего отрицать, — имя есть? — кивнула и губами произнесла:

«— Таисия», — пыталась сказать в слух, но не получилось, как и сказал гоблин, голоса нет. Даже не стоит пытаться.

— Ясно, — взял на руки, прикрыл кителем мою голую часть тела и вышел из подвала, ведя на поводке гоблинов, как сказал за незаконную ловлю морских жителей, попытку сварить и прописать в накладных как морепродукт деликатес. А на меня смотрел и говорил: — не знаю, что с тобой делать, Сия. Может, идеи есть? Могу по губам читать, если медленно, — я кивнула и стала произносить медленно:

«— Для начала хочу вернуть человеческую форму», — он кивнул и спросил:

— Они тебя чем-то накачали? — кивнула и произнесла:

«— Какой-то дым, я потеряла сознание и очнулась уже в кастрюле», — он смотрел и думал как мне стать прежней. И ничего лучше не придумал, как ждать когда эффект сам собой пройдет. А пока посидеть в комнате допроса и написать все, что со мной произошло. Я так подумала и решила не рассказывать ему о моем настоящем мире, придумать что-нибудь близкое к ситуации. И пока он нес меня на руках до отделения, придумала весьма правдоподобную историю.

— Пиши, — положил передо мной листок и бумагу, я посмотрела и поняла, а как я буду писать на незнакомом мне языке? И стала пробовать. Не знаю, как так получалось, но писала я странные символы с осознанностью что делаю. Думала как обычно, а писала рунами или иероглифами, но при этом понимая, что пишу, читая все то, что написала и еще то, что лежало рядом, какой-то отчет или докладная, но я разобрала все и поняла, это из-за той японки, она меня сюда отправила, а тот дым не простой, он стал частью меня. И кто знает какие сюрпризы меня еще ждут. Не считая того, кем я стала. Надеюсь, меня не убьют за то, что я из рода мурен. Не хотелось бы умирать еще раз, и не в знакомом месте. Хотелось узнать мир, познакомиться поближе, стать частью общества. Но пока у меня написание истории, на листе все не уложилось, пришлось одолжить чистый и продолжить рассказ, в подробностях.

— Строчишь, рыбка? — подошел еще один страж и оказался кентавром, стучали

копыта, метался из стороны в сторону хвост. Короткая стрижка русых волос, тяжелый подбородок, с горбинкой массивный нос и глубоко посаженные глаза, не красавец, еще и шрамы на лице, руках, шее. Доставалось ему в прошлом знатно. К нему подошел еще один страж, заглядывая через плечо. Этот был человеком, так мне показалось. Но вот рога на голове и чешуя вокруг них говорят об обратном. Скорее всего дракон, а может демон, я пока не разобралась. Но внешность необычная. Зеленые волосы заделаны в высокий хвост, торчат кончики острых ушей, высок, широкоплеч, проглядывают рельеф мышц через форму стражей, как и у кентавра, лишь разные нашивки, и кажется зеленоволосый старше по званию.

— Забыл, мурены немые и способны лишь на пение, — напомнил кентавру дракон, все-таки решила, что он именно дракон.

— Точно, — опомнился страж, — прости рыбка, — обратился ко мне, я лишь кивнула, — так что там с делом? — спросил у дракона кентавр, — гоблины эти рассказали, откуда нашу рыбку выловили? — показал на меня кентавр.

— Ничего конкретного. Им ее продали какие-то рыбаки, говорят, к берегу прибилась, — я сидела и слушала. Откуда и где так и не узнала. Зато поняла, убивать меня или судить не собираются. Пристроят куда-нибудь, и будут навещать и наблюдать. А еще я прямо посреди отделения, сидя на стуле, приобрела человеческую форму. И кто бы мне сказал, что я стану собой, не поверила бы. Ведь форма русалки и моя внешность разные. Но ладно, радовало что привыкать к новому облику не придется. Дракон поправил на мне одежду и сказал: — надо ей что-нибудь подобрать, — и ушел в другую сторону, а кентавр остался.

— Напиши хоть имя свое, а то все рыбка да рыбка, — я написала, — Тасия, — странно, вроде правильно писала, но пусть будет Тасия, мило звучит. И пока я над этим думала, пришел дракон с ворохом одежды и сказал выбирать. Ну я и вытащила, длинное в пол платье с горлом и длинными рукавами, явно на несколько размеров больше, но мне нравилось. Я тут же залезла в него и выдохнула, а потом мне дали обувь. Пусть так, остальное со временем приобрету.

— Куда ее пристроим? — спросил кентавр у дракона.

— Что ты делать умеешь?

«— А что нужно? Готовить? Стирать, убирать — все могу», — написала на листе бумаги, мужчины переглянулись, сказал кентавр:

— У моей матушки хозяйство, тут, неподалеку, лишние руки не помешают, — я согласилась, даже с радостью, — только предупреждаю, — пригрозил пальцем, — никого не есть, а то я тебя копытами забью, — на что я написала:

«— Я не ела людей, никогда».

— Ну-ну, — пригрозил мне кентавр, — раз так, то пошли, — и только я хотела встать, как ноги меня не послушались и решили не удержать на земле, стала падать. Под локоть меня схватил дракон, сказав:

— Видимо давно на ноги не вставала, — я кивнула, — тогда сажай ее к себе на спину, Арон, — рассмеялся дракон, — и вези домой к маме.

— Вот спасибо, Маэль, удружил. Мать меня доконает, но ничего не поделаешь, — взял меня за талию и посадил на спину, со словами: — держись за плечи.

Я держалась, а сама понимала, что заливаюсь краской. Сидеть на спине незнакомого мужчины, то же самое, что сидеть у него на руках, стыд и срам, как бы сказала бабуля. Но я

сидела, а он шел. По дороге ему свистели, подбадривали, поздравляли, и мне показалось, что именно так должны провожать в постель молодоженов. И не ошиблась, когда мы пришли к дому его матушки, а она не была кентавром, как он и его отец. Станный народ, надо побыстрее идти в библиотеку и искать информацию по всем расам и материкам. А то попаду впросак. Но сейчас меня волновало другое. Его родительница:

— Сын! Ты наконец-то привел в дом невесту! — и хотела меня снять, как Арон заявил:

— Нет, мама, я привел тебе помощницу, но она давно на ногах не стояла, — и подойдя к лавочке добавил, — русалка, трудолюбивая, работающая, не боится трудностей, — я кивала и соглашалась, — лишь не разговаривает, — тут мать Арона посерела, — не бойся, я проверил, она чиста перед законом и не занималась тем, чем обычно промышляют ее сородичи из клана.

— Раз ты так говоришь, — смотрела на меня женщина, — то прошу к нам, — показала на дом, — комнату дам, но будешь делить ее с сестрой Арона, — я кивнула, — вы с ней примерно одной комплекции, думаю, она поделится вещами.

— Тогда договаривайтесь, а я пошел работать.

— Угу, — сказала его мама, а я попыталась встать. Получилось, прошла несколько шагов, пока не поймала стену. По ней и зашла в дом. Хозяйка ко мне даже не притронулась. Понятно почему, мои сородичи опасные хищники, не мудрено меня сравнивать с ними и бояться. Я ее понимаю. А пока я старалась подняться по лестнице, пришла девушка, как и мать кентавра тоже являлась человеком. Странно, но я все выясню. А пока я дошла до комнаты. Девушка уже разбирала вещи, что-то отдала мне, а что-то на выброс. Я не воротила нос. Особенно от белья. Бюзгалтеров как у нас девушки не носят, зато в моде корсеты или что-то вроде нагрудников поверх одежды. Это если есть что показать, нет, прячь под одеждой. Что я и сделала. Надела под платье трусики и натянула носки и обувь. Легкие сапожки, в дырочку, узорные, удобные, а еще мне дали расческу, простой гребешок, но спасительный.

— Странная ты мурена, людей не ешь, не поешь, да и ведешь себя вполне обычно, — потом добавила, — знаю, ты мне не ответишь, но я бы хотела узнать, почему ты такая, как твои родичи.

Я бы сказала, но не скажу, даже не напишу. Пусть это останется со мной до гробовой доски или морской пены, не важно, как и то, как русалки умирают. Важно лишь устроиться в этом мире, и плевать, что придется работать, плевать на взгляды и пересуды, я выдержу и найду свой путь в этом мире.

Где-то...

— Ями! — громогласный голос владыки богов, — ты согласна с обвинением?

— Да, отец. Все что было сказано — правда. Я перенесла девушку из другого мира для того морского дракона, пробудила в ней наследие мурен и не доглядела, отправила вместо его владений в смешанные земли, — раскаивалась богиня, прощаясь с жизнью. Но ее пока не забирали. Лишь вынесли приговор:

— Ты не убила ее, чтобы перенести в этот мир, уже радуется, — выдохнули все, ведь если он снова приговорит свое дитя, сердце владыки не выдержит потери, он уйдет в затворничество, — а то, что пробудила наследие, что же, твои подопечные весьма экстравагантны, — улыбался владыка богов, — но опасны. Нужно приглядывать за девушкой, — богиня кивнула, — только после того, как получишь наказание, а именно

сотню плетей и лишение двухсот божественных лет накопленного опыта, — богиня выдохнула, не тысячу лет, уже радуется, — и еще ты будешь в уединении триста лет с возможностью наблюдать за своей подопечной и связываться с ней раз в месяц.

— Как будет угодно, владыке, — поклонилась богиня.

Пришел палач, в его руках кнут, владыка дал сигнал к началу показательной кары, богиня со стойкостью вынесла сотню ударов плетью, ее красивое платье было уничтожено в лохмотья, на спине не было живого места, она просто перестала существовать от боли, губы искушены, пальцы сломаны. Чтобы не закричать, она сжимала их с такой силой, что те не выдержали натиска и треснули. Но она богиня, у нее быстро заживают раны, не остаются шрамы, все это со временем пройдет.

Она прошла в себя, поняла, что заточена в ледяном дворце, именно тут пройдут триста лет ее уединения. Для связи с подопечной у нее зеркало и два артефакта. А еще подарок мурене, артефакт передающий мысли в звук. О чем она подумает с мыслью озвучить, то из раковины и услышат. Хорошая вещь, особенно для той, кто станет спасением морского дракона.

Глава 2 «Новые способности»

Два года спустя

Таусия

— Сия, давай скорее, — раздавала официантам и горничным команды тетушка Даэр, она в трактире кто-то вроде администратора, это если переводить на должности прошлого мира. Хотела внести их в обиход, но не знала как объяснить откуда их взяла и самое главное что они значат. Поэтому ими я пользовалась для себя, называя так всех тех, кто здесь назывался простым словом «помощник» или «подавальщица» — Виер! Протри подоконники и люстры, а то скоро открытие! Усин, чтоб тебе гоблин в помощники достался, — ругалась тетушка, — у нас стулья не на месте и столы после ремонта не протерты. Живо за работу! Тасси, — подошла ко мне тетушка, — готова к открытию? Переживаешь?

Я лишь улыбнулась и кивнула. Вспомнила все, что со мной случилось за эти два года. Как изменилась моя жизнь, когда я повстречала тетушку и всех друзей в трактире. Началось все с того, что я ушла из дома Арона. Точнее меня выгнали. В тот же день. Было поздно, семья кентавра собиралась ложиться спать. Как и мы с сестрой Арона. В комнату влетел кентавр, скинул с меня одеяло и чуть ли не за волосы вытолкнул вон. Со словами, не гоже всяким падальщицам в доме приличных граждан ошиваться, а то мало ли. Но что именно мало ли он так и не сказал. Вот и пошла я с пожитками, отписанными мне сестрой Арона по городу гулять. На дворе ночь, никто мне дверь не открывает, да и кто откроет. Мурена, изгой, отброс морского народа. Так и шла дальше. Пока не набрела на трактир. В окнах горел свет. Если можно так назвать свечи и керосиновые лампы. Полуразвалившийся, с протекающей крышей, заколоченными окнами, из меню только картофельная похлебка, вода и краюха хлеба. Зато душевно и тепло. Меня приютили, не смотря на время накормили, на расу и род мурен не посмотрели, на работу позвали. На утро приступила к работе. Вытирала пыль, мыла полы, столы, помогала на кухне.

Проработала несколько недель. Обжилась, привыкла к ногам и немоте. Жила в одной комнате с подавальщицей. В прошлом, до разорения ее рода, леди Тирин, а ныне дама Тирин. Без своих владений и регалий. Ее владения ушла за долги, семья покинула мир, а на могилу мужа она не ходит. Если только плюнуть и растоптать. Ведь это он уничтожил все то, что таким трудом наживала ее семья. Когда великий и процветающий род человеческих графов Тирин славился на весь смешанный материк. Их девушки и юноши, ученые и философы, маги и фехтовальщики. Но все это пошло крахом из-за одно единственного типа. О нем леди говорила мало, лишь раз рассказала мне свои историю и просила не упоминать ее прошлое. Я не затрагивала этих тем. Так как сама не люблю вспоминать прошлое и свою жизнь.

Не смотря на то, что леди уже в годах, работу выполняет на отлично. Рассказала многое про коллег. Учила жизни и просила ей спеть перед сном. У нее бессонница, а мой голос ее усыплял. Когда женщина высыпалась вся ее ворчливость и колючесть уходила. За это была благодарна не только она, но и персонал. Так я и пела, сначала ей, потом в трактире. Просто так, для развлечения своих товарищей по работе. Подбодряла их песнями моего мира, репертуар у меня богатый. Жаль, что местные языки не перекликаются с языками моего прошлого мира. Могла бы стать полиглотом и в этом мире. Но я пела исключительно на всеобщем языке.

Так бы и пела, не зная своих способностей, пока в один не особо благоприятный для трактира день открыла в себе возможность к магии голоса. Голосина у меня оказалась опасна для окружающих. Криком я могла разбивать стекла, сбивать с ног, валить на пол и держать до тех пор пока не закончится в легких воздух или я сама не отпущу. Так и работали. Благодаря моему пению трактир постепенно восстанавливался, появлялись средства для другой продукции, а не только картошки и хлеба. Мясо, курица и рыба. Гостей становилось все больше, а когда узнавали, что каждый день выступает певица и развлекает публику, звали друзей и знакомых, лишь бы получить дополнительные плюшки. Их я предложила, опираясь на знания прошлого мира. Тому, кто приведет друга бесплатная выпивка или десерт. Ребятам понравилась задумка, и они согласились. Трактир развивался, как и мои способности. Стали сильнее, обширнее, держать кого-то голосом я могла не пару минут, а десять или пятнадцать.

В трактире кроме должности совладельца, стала кем-то вроде вышибалы, выгоняла перепивших гостей, а так же тех, кто угрожал его состоянию, то есть мог разрушить и испортить мой новый дом. Средства мы с шеф-поваром накопили сами и выкупили заведение из лап одного зажиточного человека, скопив достаточно средств, откладывали свои чаевые с банкетов и именин, Кроме работы, использовала крик как защиту от нападения, такими способностями я овладела через несколько дней после ухода из домка кентавра. Они были со мной. Ими я пользовалась, не задумываясь и не настраиваясь.

Несколько месяцев назад, открыла в себе иного рода магию голоса. Не просто крик, как у баньши, рвущий барабанные перепонки, а именно подчинение. Могла голосом заставить сделать так, как мне надо. Направить голос в сторону объекта и тот полностью в моей власти. Делай что хочю. Время ограничено, но оно есть. Думала, есть еще способности, искала в библиотеках намеков на способности мурен, но кроме пения ничего, только воздействие голосом. А так же обыденная немота, не единого звука. Так настроены голосовые связки, особенность рода.

— У тебя сегодня особенное выступление, — сказала мне тетушка, — сходишь за платьем, украшением? Повод хороший, деньги есть, — я кивнула и решила что по такому случаю, можно обновить концертный наряд, взяла несколько серебряных монет, убежав за платьем.

Мы могли себе это позволить, так как за два года мы не только восстановили трактир, но и выкупили верхний этаж, сделав его гостиницей. Выгодное дело. Особенно для трактира, не только еда, но и номера. Не дорого. А если кто попытается наше дело нарушить, забудет зачем пришел, проверено, мной. Я таким пою с внушением, и они от нас отстают. Были желающие выкупить за копейки, угрожали, пытались поджечь, потом устраивали аферы и подставы. Но одна лишь моя песня и они забыли о нас и нашем трактире, как желаний его купить. Покинули трактир, и больше мы о них не слышали. Как сказал Сальмир, главный страж города, мы не первые, кого они пытались оставить без работы и их дела. Таких по городу несколько десятков. Они хотели сделать какую-то сеть или что-то подобное. Но ушли из города, забыв дорогу. Мне даже выписали благодарность, она стоит в рамочке.

На магию голоса у меня есть разрешение. Как и полагается, у всех есть документ о личности и способностях. Подписаны мои документы тритоном Сэльмиром Ваэ, на имя Тасии Миё, то есть без рода. А его и правда нет. Мурены одиночки, мало кто с ними роднится. Так что я Миё. Все коротко и ясно. Рода нет, да мне и так неплохо живется. Моя семья это все кто есть в трактире. Особенно тетушка. Она мне и правда как тетушка, к

которой придешь за советом, она пригреет, накормит, обнимет, обо всем спросит и по ситуации посоветует. Она мне дорога.

Я шла в ближайший магазин одежды. Магазин считался одним из элитных в городе. Имел награды и грамоты. В его распоряжении наряды любого уровня, от дешевых, обыденных, нужных в повседневности, как женщинам, детям и мужчинам, до дворцовых бальных платьев, костюмов, украшенных вышивками, бисером, жемчугом, которые не зазорно носить даже при дворе владыки людей или владыке драконов. Его содержал полуорк Рагог, милый мужчина средних лет, но любитель подколоть и опошлить все, что шевелится, в том числе и меня. Как и в этот раз, увидев меня, он заявил:

— Таси, опять будешь мужиков зазывать? — мне не нужно говорить, лишь посмотреть и пригрозить, а именно приготовиться петь, да так, что у него стекла потрескаются. Уже было и ни раз, он знает, чем ему грозит мой «Крик души» так я назвала это умение. Увидев стойку, полуорк заумолял: — Таси, милая, не стоит, я только пару месяцев как окна поменял, прости пошляка, — кланялся он. А я отмахнулась. Он тут же заулыбался и принес наряды и украшения, — вот, Тасечка, выбирай, — на меня смотрела одно, привлекало и манило. Черно-фиолетовое. Шелковое. Понимаю, у меня на такое денег не хватит. Я смотрю на Рагога и умолю взглядом дать мне его в рассрочку. На что полуорк сказал: — Таси, споешь для меня одну песню, и я тебе его подарю, — я знала, что тут дело не чисто, смотрела требовательно, он покаялся: — у меня есть недруг, неприятель, конкурент, выбирай любое название. Он ворует у меня идеи, перекупает моих поставщиков тканью, — я нашла бумагу и перо с чернилами, написав:

«— А стражи?»

— Пф, — отмахнулся, — они мне не верят, — я смотрю на него, ведь не просто так, он согласился с моим взглядом полным обвинения, и сказал: — да, были и у меня приводы за подобное, но я этим не промышляю.

«— Ага, а меня хочешь впутать в неприятности», — отложила платье. Нашла что по проще и положив плату вышла из его лавки. А в голове мысли, неужели у меня такая репутация, что ко мне можно обратиться, за подобной услугой. Я не против помочь, но если бы это было законно и тот, кому надо спеть и правда был отморозком и негодяем, не колебалась бы. Но тут личные разборки, в такие я не лезу.

За мыслями о Рагоге не видела куда шла и не заметила, как влетела кому-то в грудь. Отскочила назад, упал сверток с нарядом. Подняла взгляд и увидела их, два кусочка моря, вертикальный зрачок и раздвоенные синие рога с чешуей на лбу, а еще метку моря. На нем что-то вроде китайского наряда, с разлетающимися рукавами верхний халат, широкие штаны, тапочки на ногах, под верхним халатом нижняя нательная белая рубашка и нижний халат серого цвета с узорной окантовкой, перетянута поясом с теми же узорами что и серый халат. Все из шелка, ткань высшего качества, а верхний халат может считаться произведением искусства, тонкая работа, вышивки морских обитателей и волн, словно живые и вот-вот прыгнут тебе в руки. Открыла было рот, чтобы извиниться или восхититься, но все равно без толку, из него не выйдет и звука. Тем, в кого я врезалась, оказался драконом, он на меня посмотрел так, словно я на него ведро помоев вылила. Требовал взглядом извинений или объяснений. Но я молчу.

— Даже не извинитесь? — голос, словно лед, а тон, мама, думала, меня на месте убьют. Но я лишь трижды поклонилась и убежала, держа у груд покупку. А перед глазами его глаза. И мне плевать на все остальное, отношение, голос и желание меня прикопать, лишь его

глаза. Море в каждом из них. Ледяное, бушующее, шторм балов на семь. А еще рога, чешуя и вертикальный зрачок. Я уверена в том, что он не просто дракон, а морской.

Не знаю, как добежала до трактира, а там тетушка:

— Сия, ты чего так долго? — обеспокоено спросила тетушка, — Гости уже собираются, ждут твоего выступления. Нашла что-то новое? — показала на сверток, — давай быстрее, ты же наша звездочка морская, на тебя вся надежда, — как всегда притянула меня к себе, погладила по волосам и коснулась щек и носика, подбодрила как маленькую девочку. Но мне нравилось и я не возражала.

Я убежала в подсобку, развернула сверток, достала новый наряд, надела длинные в пол широкие белые штаны, платье с воротником стойкой и вышивкой на груди с левой стороны до колен и с разрезами до талии, на ноги балетки, руки перевязаны белыми лентами, для эффектов и махания рук с определенной целью. Волосы мои как были распущены и касались плеч, так и остались. Они не росли, лишь в форме русалки становились, непостижимой для меня длинны, наравне с хвостом. И когда подошло время, меня представили, я вышла, а на меня и сцену смотрят те же глаза, погружающие меня с головой в море. Их владелец как и при нашей прошлой встрече хмур и холоден.

Шиор Розй

(Морской дракон)

Город встречал меня шумной толпой, если бы не встреча с другом, не покинул бы свои земли. Но он просил о помощи и я не отказываю. Шел в орден стражей. Решил пройти переулками, так тише и быстрее. Но завернув за угол, получил по ребрам. На меня налетает девчонка, тощая, мелкая, со свертком в руках, не произнеся и слова, лишь трижды поклонившись и подобрав попку, умчалась в другую от меня сторону. Но ее глаза, я помню отчетливо. Бездонные кари, почти черные, смотрели на меня, и казалось, что-то искали. И даже промелькнуло восхищение. Но этого не может быть, скорее всего, я принял за этот бред выражение страха.

Пока шел, думал об этом, но забыл, когда пришел в орден. И как это бывает, у кабинета Сальмра меня встречала парочка верных друзей, кентавр Арон и дракон из клана воздуха Маэль. Спросил про старшего. Мне показали на кабинет, сказав что капитан уже несколько часов не покидает своих владений и зарылся с головой в дела. А сами продолжали обсуждать какой-то обновленный трактир и певицу, там выступающую. Говорили об ее божественном голосе, потрясающем репертуаре и сопровождении, танцы, магические эффекты. Звали с ними всех, кто подвернется. Там еще подарки тем, кто пришел первый раз по приглашению. На такое предложение соглашались и обедать шли туда. Так ушло пол отделения. Вторая пойдет позже. Звали и меня, но я не обращал внимания, шел к Сэльмиру, он с кем-то разговаривал, и все это происходило на повышенных тонах, тритон не сразу понял на кого наорал. Когда я зашел, на мне рывкнули:

— Вон из кабинета! — в меня или дверь что-то полетело, я развернулся и собирался покинуть отделение, но когда тритон увидел синий хвост волос и рога, в дверном проеме, тут же повинулся, попросив прощения: — Шиор,

прости пожалуйста, — и отложил все дела, выгнал подчиненного, сказав ему пару ласковы и напутственных слов, показал на стул и дал в руки папку, — это по твоей части, — показал на внушительный список моих подчиненных. А именно нарушение границ, на них приходят жалобы, что мои подчиненные вторгаются в воды соседних государств, пытаются

все выставить в ином свете, — прими меры, — и показал пальцем наверх, — не то по твою душу опять придут, мало пяти веков заточения в башне уединения? Еще хочешь? — мне не нравился тон и воспоминания моего прошлого наказания. Я отложил папку и сказал:

— Во-первых: — не пугай меня башней, ты там не сидел, — он сел и замолчал, — во-вторых: — я обещал, сделаю. Сам знаешь, мои просто так в чужие воды не вторгаются. Значит, были причины. Их я выясню и отчитаюсь, — хоть и не должен. Мы драконы выше тритонов и русалок. Не перед ними я должен держать ответ, а перед тем, кто сидит наверху. Но с ними я связываться не собираюсь. Поэтому и бегу на каждый зов и жалобу на мой народ, а поступают они к тритону, так как он единственный из морского народа. В остальных городах смешенного населения капитаны стражей города к морю не имеют значения, среди них нет морских жителей. Перед ними ответ держать не собираюсь. К нему меня и прикрепили, если что-то случается, то несет ответственность за меня и мой народ он. Или если что-то нужно, то он так же приходит ко мне и я помогаю. Выгодный союз. Он один из тех, кому плевать на мой статус и все те неприятности, что приносит мое общество. Как и плевать на мой нрав и характер.

— Вот и хорошо. А то мне мало проблем, еще и твои подчиненные воду мутят, — хотел спросить, что у него за проблемы помимо моих подчиненных и принесенных ими неприятностей, как он сам мне все выдал: — Шиор, я не знаю что делать! Дети пропадают. И не простые бродяги и беспризорники. Из знатных семей, у человеческих дворян ушло трое, все наследник родов, надежда семьи, — и не только люди похищены, видел сводки на его столе. Он посылал запросы, пропали ли джети в тех концах мира, ему приходили листовки, с просьбой найти детей и портрет пропавшего ребенка со всех концов мира, даже моря, всех коснулась беда и горе. Исчезали из своих постелей змеиные дети, птичьи, из вод выходили на сушу тритоны, русалки, осьминоги, из кроватей вставали и шли в неизвестном направлении кентавры, улетали бабочки, птицы, даже воздушные и земляные драконы. Не коснулось это наших морских и огненных крылатых, а так же мурен и скатов. Как не поступало жалоб от младших народов, орков, гоблинов и гномов. У них детей не похищали. Так написано в отчетах.

— На кого думаешь? — смотрел на всех пропавших, а их несколько десятков. И главное, похититель не повторяется, ни разу не был похищен один и тот же вид змеинового рода, птичьего или человеческого. Все они разные, в этом и загадка.

— Даже мыслей нет, — хватался за голову тритон, и тут на весь кабинет в его животе заурчало, — вот, даже желудок не выдерживает. Пойдем, поедим, а? — умоляюще смотрит Сальмир.

— Пойдем, — не отрицал, что тоже голоден, и не против составить ему компанию. Спросил куда мы пойдем, он предложил мне трактир, тот самый новый, про который говорили Аром и Маэль, он был простым заведением, почти умер и развалился, но два года назад стал восстанавливаться. По словам тритона, его возродили благодаря одной девушке и ее голосу. А сегодня открытие не только обновленного обеденного зала, но и гостиницы. Сотрудники выкупили второй этаж, обустроили номера и поднялись на новый уровень. За два года они не просто восстановили прежнее звание одного из лучших заведений, но и расширились, пользуются спросом и популярностью.

— Там есть певица, — по всей видимости, та самая, которая помогла восстановить трактир, — поет так, что хочется слушать ее целыми днями, репертуар не повторяется. Каждый раз что-то новое, необычное.

— А как кормят? — меня волновало другое. Голос и песни хорошо, но главное это то, за чем ходят в трактир. А это еда. Тритон меня успокоил:

— Еда вкусная, не дорогая, да и расположение удобное. Так что пошли, заодно поговорим, а то я тебя пять веков не видел, только слышал, расскажешь обо всем, — я не спорил. Пять веков в уединении, а еще и в трауре, оплакиваю ту, которая меня почти убила, то еще удовольствие. Шрам до сих пор ноет. Непроизвольно коснулся ребра, именно туда был вонзен кинжал, повредил легкое и сломал кость. Но мне не легкое повредили, а сердце. Ведь я его открыл, впустил и за это поплатился. Шрам служит напоминанием, что впредь нельзя никому верить и пускать в сердце.

Заведение в которое привел меня тритон и правда пользовалось популярностью. Свободных мест практически нет, народ все пребывает, суетятся подавальщицы, слышны с кухни крики и мат. Нас увидели кентавр и дракон, помахали нам рукой и пригласили к себе за стол. Мы пошли, а по дороге осматривали обновленный зал. Как сказал Сальмир, стало просторнее и светлее, столы переставили, стойку для заказов развернули и сократили, а еще поставили сцену. Раньше певица сидела около стойки, а теперь для нее отдельный постамент. Мы сели, тут же подбежала девушка в форме, юбка до колен, рубашка в клетку, передник в рюшках, руки в черных перчатках, в руках блокнот и кусочек угля, так писать удобнее. И руки благодаря перчаткам не пачкаются. Когда был сделан заказ, вышла дама в преклонном возрасте, попросила внимания и сказала:

— Господа и дамы, — поклонилась пожилая дама, ее волосы покрыты седой паутиной, заделаны в прическу, траурное черное платье, вуаль на лице, перчатки, — для вас как это бывало раньше, выступит наша леди, не считите за грубость, она не ответит, лишь споет, — а я смотрел на дракона, кентавра и тритона. В их глазах радость, восторг, они с нетерпением ждали начала. Они не просто знали девушку, а были близки с ней, поддерживал ее аплодисментами, — наша Тассия, — и на сцену вышла та самая девушка, налетевшая на меня в переулке. В белом костюме, необычного кроя. Широкие штаны в пол, длинная толи кофта, толи платье, с высоким горлом, вышивкой и разрезами по бокам до талии, на руках длинные белые ленты, концы которых лежат на полу. Короткие по плечи черные волосы, бездонные карие глаза. Весь ее сценический образ смотрится достойно. Хотелось бы услышать пение.

Девушка поклонилась и песня началась. Я не слышал текст, в моих ушах ее голос. И воспоминания прошлого. Что я совершил и чего не совершил и о чем жалею. И конечно все то, что хотелось забыть и не забывается. Ее голос поднимает бурю в моей душе, заставляет сердце биться чаще, словно волны бьются о высокие скалы, с целью выйти и разрушить эту каменную преграду на своем пути. И все в этом зале оказались в той же ситуации, смотрели на нее, слушали голос, но были совершенно в другом месте. Ее голос уводил их далеко отсюда. И когда закончилась песня, все словно вернулись с небес на землю, резко и болезненно. Но при этом в душе не гнев и злоба, а радость и восторг. Хотелось продолжения.

— Чтоб меня! — крикнул кентавр, — ты как всегда потрясающая Тасия! — вытирая рукавом слезы, с ним были согласен и тритон и дракон. В глазах последнего я видел прошлое, знал что он пережил и что его до сих пор грызет и корежит. Но он лишь кивнул, натянул улыбку, а я спросил про девушку:

— Кто она?

— А кто поет, но не говорит? — спросил дракон. Казалось и нет тех слез в глаза, лишь улыбка и веселье. А я тут же понял, кто она и почему не говорит, но при этом потрясающе

поет. Ведь только одни из народа этого мира поют, но не говорят:

— Мурена?

— Да, — я удивился, они обычно нелюдимы, лишний раз не показываются на глаза, а тут не только не скрывается, но и открыто о себе заявляет. Странно, как и то, что стражи с ней в хороших отношениях. У мурен своеобразный рацион, они не против перекусить человеческой плотью, а если не едят, то точно травят. Об этом сказал и получил ответ: — она не такая, — сказал дракон, — не знаем почему, но она не переносит вида мертвого тела, ее начинает тошнить, яда в ее зубах так же нет, проверяли. Обследовали, и все тесты показали, девушка ни разу не вкушала человеческой плоти и ни разу не травила, так как нет яда. Она чиста перед законом. Ее в этом городе почти все любят, — уточнил, кто не любит и по какой причине, — кто-то за голос и способности, ведь многие пытались уничтожить дело этого заведения, кто-то из зависти, а кто-то от ненависти к ней или тем, кто рядом с ней. Кто-то просто потому, что она мурена. Предвзятое отношение. Но она не обижается, наоборот, старается лишний раз не провоцировать таких личностей.

— Были прецеденты?

— Были. И все разрешилось в ее пользу, как говорят, что ни делается, все к лучшему, — тут же сник кентавр, — когда она появилась в нашем городе, там связано с контрабандой морских жителей, ее в качестве наполнителя в суп хотели употребить, но наш доблестный Сальмир спас девушку. Ее проверили, думали куда податься, я предложи свой дом, она не отказалась работать, написала что может многое. Привел ее к себе в дом, матушке в помощь, но она была выгнана из моего дома. Мать была не против, а вот отец, он ее в тот же день на ночь глядя выставил, сказав, что ей подобные не меняются, они подлые, лживые твари, которым самое место в расщелинах на дне моря или в каких-нибудь катакомбах. Так что пошла Тассия по городу, пока не пришла сюда. До ее появления это заведение готово было под снос, но она пришла, пару раз спела, публику полюбила ее голос, еду тетушки и постепенно трактир вернул былое величие. Его даже называли в честь Тасии «Мурена», — я видел вывеску, на ней открывшая пасть рыба, в окружении тарелок с едой и напитками. Красивая и яркая вывеска.

— Как говорит тетушка, Тасси сама ее рисовала, — талант, его не отнять. А если она и правда чисто перед законом, честь ей и хвала.

— А еще ее любят дети, — тут я напрягся, — не делайте такое лицо, — сказал мне дракон, — она потрясающая девушка, учит детей письму, чтению, рисует с ними, из бумаги фигурки складывает, а ее косички просто нечто. Даже взрослые девушки просят ее сделать прическу. Особенно невесты, там такие сложные плетения, а если и украшений добавить, смотрится не хуже, чем у придворных дам.

— И с ней разрешают общаться детям? Не возможно. При любых положительных отношениях со стороны взрослых, подпускать к мурене детей, опасно, — какая бы она безопасная не была, мурена остается муреной. Репутация ничем не выведется, будь ты хоть трижды оправдан и чист перед законом, они опасны, даже голосом, на что мне сказал тритон:

— А кто сказал про детей с родителями или о детях из благородных семей? Она помогает сиротам и брошенным, уличным детям. К ней приходят все беспризорники, наши и пришлые. За помощью и знаниями, благодаря ее обществу и учениям, они не воруют, работают, на кусок хлеба хватает, а кто читать и писать может, еще лучше живет. Вот к ней и ходят. Она хочет дом для сирот открыть. Но нет средств и места, где разместить всех наших бродяжек. Ходит к ним в бараки и учит их там. Иногда и здесь, когда посетителей не так

много. Дети тянутся к ней.

— И отсутствие голоса не помеха, — сказал кентавр, — видел как она учит читать, пение ей и в этом помогает, — улыбка и слова: — она поет, они подпевают и учатся.

— Интересная девушка, — слушал и не мог поверить в то, что такие люди правда бывают. Чистые, открытые, добрые, не ищущие корысти и выгоды. Я таких людей прежде не встречал, лишь одного, но его постигла участь не завидная, печальная. Не хотел бы я такой участи той, кто так похожа на того самого человека. Она как раз идет к нам, а ко мне с виноватым видом, поклоном и написанным текстом, — я не буду читать, и так понял, — отмахнулся, а она улыбнулась. Кентавр и дракон обнимали ее, а тритон отдал документ со словами:

— Обновления уровня, держи, — она взяла карточку и спрятала в карман. Ушла от столика, за ней тянулись ленты, от каждого шага разлеталась одежда. Все закрыто, но смотрится словно волны, блуждающие по воде. Завораживающе. Но мне пора к себе. Посещение других материков ограничено. Я не могу быть дольше суток вдали от своих владений. В противном случае меня настигнет кара владыки богов. Таков мой вердикт, наказание за мнимый бунт и возвышение себя и рода. Для большего нахождения вне своих владений нужно специальное разрешение с небес. На такое я не подписывался.

Тассия

Думала, что меня на месте уничтожат, когда подходила к столику дракона и стражей. Но нет. Меня помиловали, и я с облегчением ушла к себе в подсобку. Переделалась в привычную одежду. Наряд повесила в подсобке. После работы заберу домой. Вышла в зал и помогала с заказами. Тетушка так же присоединилась, спрашивала гостей все ли им нравится и если что-то нужно приносила и забирала. Улыбалась, кивала и соглашалась с тем, что мы вышли на новый уровень. Все нас поздравляли, желали дальнейшего процветания и роста, если это возможно.

Закончился этот длинный, рабочий день ближе к полуночи, первые жильцы были расселены по номерам, довольны, накормлены, а гости покинули трактир сытые и радостные, обещали приходить и звать знакомых. Когда дверь закрывалась, персонал уходил по домам до утра, как и я, ведь нужно отдыхать, ко мне пришел Рагог. Виноватый и слегка на хмеле, от него тянуло элем и луком, им он всегда закусывает. Протянул сверток и сказал:

— Сия, прости старого, я тогда не думал о тебе, лишь о возможности насолить неприятелю. Как и не задумывался о том, что обижу тебя, — все еще протягивал платье, — он слишком сильно ударил по моей репутации, меня в некоторых кругах считают ненадежным, крадущим идеи, — то есть плагиатором, я ему сочувствовала, но это не значит, что мной можно так воспользоваться, пострадает и моя репутация. Но есть выход из этой ситуации. И не смотря на то, что он меня задел, я готова ему помочь. Законным способом. Я написала на блокноте для заказов и протянула ему:

«— У меня есть знакомые в страже, давай днем сходим вместе и во всем разберемся. Они помогут, не откажут, на прошлое не посмотрят, разберутся», — он прочитал, кивнул и прижал меня к себе, со словами:

— Тасичка, ты просто нечто! Носи с удовольствием, — держа мои руки в своих, на свертке с платьем, я приняла подарок, мы договорились на завтра, встречаемся у него в магазине. А потом к стражам. Думаю, тритон не откажет в помощи другу. Я шла и думала над тем, как мне повезло оказаться здесь, встретить друзей, плюющих на мою причастность

к муренам, знающих меня настоящую. Вернула домой. Я переехала из квартиры, которую делила с леди Тирин. Леди какое-то время жила в комнате одна. Ее я навещала, пока она не представилась перед богами. Ушла и написала на меня завещание. Оставила мне комнату. Ее я сдавала одной девушке, которая так же работает у нас. Подавальщица Марита. Милая, добрая девушка. За квартиру много не беру, лишь плату за проживание, как полагается. Сверху не прошу.

Благодаря процветанию трактира у меня появились средства, не долго думая, я купила квартиру, не большую, всего десять на десять метров, с прилегающей кухней и ванной. Мне хватает. Кухню я делю с другой соседкой. Напоминало наши коммуналки. Несколько комнат, длинный коридор, одна кухня, ванна и туалет. Только тут две квартиры и одна общая кухня. Соседки сегодня нет, она на работе, появляется редко. Зашла в комнату, переделалась в домашнее платье. Повесила белый наряд, развернула сверток Рагога, улыбнулась. То самое платье, повесила его на плечики, убрала в шкаф.

Какое-то время лежала в кровати, вертелась и понимала, не усну. Было поздно, но сон не шел. Вышла на улицу. Ночной воздух, тишина и луна в россыпи звезд. Стареющий месяц, еще немного и будет новолунием. Благоприятное время для русалок, в эти дни удачная ловля жемчужных моллюсков. Но я не охочусь и не плаваю в эти дни. Не хочу сталкиваться с другими русалками и тритонами. Ноги вели меня по дороге к главной площади. Никого вокруг, лишь темнота и тишина. Шумит вода, единственный звук разносящийся на несколько метров вокруг, фонтан, вот что издавало звуки. В обычное время здесь многолюдно, постоянное кто-то что-то продает, покупает, показывает и вообще, это центр, что тут хочешь, не хочешь, но найдешь все что нужно. Даже художники рисуют, выступают бродячие артисты. Но это днем, при свете солнца. Сейчас это место было словно сонное, ничего и никого. Лишь фонтан и отблеск луны в воде. Фонари светили слабо, едва-едва. Подошла к фонтану, присела на край, зачерпнула воды и тут же за спиной услышала голосок:

— Мама? — ко мне приблизился ребенок, маленький, по человеческим меркам года три. Розовые волосы, острые ушки, золотые глазки с вертикальным зрачком, в рубашке, штанишках и босиком. Подошел ближе, взял за край платья, смотрит прямо в душу. Надеется, что я отвечу, а я не могу. Лишь беру на руки и сажаю на коленки. А он снова спрашивает, смотря на меня своими словно золото глазами: — Мама? — я киваю и беру на руки, несу ребенка к себе. Он держится за меня, обнимая за шею, улыбаясь, говоря, что я нашлась и что теперь не потеряюсь. На глаза наворачиваются слезы. Поднимаются из глубины души старые раны, болезненные воспоминания. Сегодня я побуду мамой, и не важно, что будет потом.

Завтра пойду к тритону, нужно узнать, где его родители. Но это будет завтра. Сейчас не это важно. Ребенок голодный, урчит его живот. Говорит, что ходил по улице долго, никто его не замечал, не кормил. Накормила ребенка, чем было, он уплетал за обе щеки. Потом на него напала зевота, слипались глаза, он клевал носом, готовый уснуть на столе, сложив руки. Взяла на руки, отнесла в комнату, уложила на кровать, укрыла одеялом, сегодня он будет спать рядом со мной. Легла рядом с мальчиком, притянула его к себе, он уткнулся носом мне в грудь и под его сопение я уснула.

Утром, под голос мальчика, «Пора вставать!» открыла глаза. И правда, пора вставать. У нас дело, и не одно. Помочь другу и найти родителей ребенка. Собралась, умылась, привела в порядок мальчика, взяла его на руки и пошла на оговоренную встречу. На меня смотрели все в трактире, в том числе и тетушка. Подошла, спросила, откуда ребенок, коротко написала

о вчерашней ночи и моей прогулке, она сказала, что я его спасение, но согласилась с тем, что нужно идти в отделение стражей. Мальчика, скорее всего ищут, видно что он из благородных. Дала мальчику пирожок и просила меня слушаться, на что он заявил:

— Она моя мама, я буду всегда ее слушаться! — тетушка в шоке, все кто слышал как меня называли тоже, как и я собственно. Ведь он уверен в том, что я мама и что я нашлась. Мы вышли из трактира и шли на встречу с полуорком. Ребенок на моих руках. Нет у меня для него обуви. А босиком ходить не безопасно.

Рагог ждал меня у магазина и увидев ребенка спросил тоже, что и тетушка, откуда и кто он, благо блокнот с собой, и все что писала тетушке сохранилось. Он прочитал и на минутку зашел в магазин. Вынес сандалии и носочки, мальчик надел и бегал радостный и довольный. Теперь мы шли в отделение стражи. Мальчик держал меня за палец, при этом улыбаясь.

Нас встречала полная тишина. Все в шоке, горе так и витает в отделении. Рагог спросил, что случилось, почему все рыдаю. Рассказал, что случилось кентавр, главный город воздушных драконов Амэльес настигло горе. Неделю назад влиятельная семья драконов «Бледной сакуры» скончалась от старого, жуткого проклятия, а их наследник, маленький ребенок был похищен. О нем ничего не слышно, его никто не видел. Мальчик считается убитым или похищенным и отданным в рабство. Услышав о том, что его ищут, показался из-за моей спины мальчик. Спросил:

— Кто меня потерял? — смотрят на мальчика и готовят для меня разделочную доску и ножи. Мальчик держит меня за руку и в глазах слезы, но он говорит: — Я нашел свою маму, — тритон в шоке, дракон в ступоре, а кентавр ржет, как есть конь, — она потерялась, а я ее нашел, — держит крепко, не хочет отпускать. Но при этом плачет и просит меня у него не забирать. Ведь он столько прошел, устал.

Понимая, что обошлось, мальчик жив и здоров, да в надежных руках, а репутация у меня хорошая, отделение оживилось, зашуршала работа. Стражи помимо своих обязанностей, готовили процессию воздушным драконам, скидывались, кто сколько может, внесла свою лепту и я, отсыпала монет и предложила услуги трактира. Меня пригласил к себе в кабинет Сальмир. Рагога просили подождать у кабинета. Посидеть на стуле и записать все, что он хочет рассказать. Его обращение будет рассмотрено. Проходя мимо, видела, как успокоились стражи, продолжали работать над прежними делами.

Зайдя в кабинет, села напротив тритона, мальчик на руках. Страж спросил, как я умудрилась подобрать дракона, и где он меня нашел. Я написала на бумаге, протянула Сальмиру. Он прочел и сказал:

— Ясно все, — тритон расслабился, и спросил: — имя у тебя есть, малыш? — смотря на мальчика, спросил Сальмир.

— Нет, — надул губки, опустил взгляд, а потом просиял, — но мама мне придумает красивое имя, — и посмотрел на меня, — правда, мама? — я кивнула, а мальчик прижался ко мне, улыбаясь. Тритон слегка кашлянул, и выдал:

— Что ж, Сия, — сказал мне тритон, — похоже, ты станешь опекуном мальчика, — уточняя, — если не против, — я кивнула, ведь большей радости чем стать мамой, пусть и приемной у меня нет, — вот и славно. Доверяю ребенка тебе. Документы на опеку над ребенком беру на себя. Сделаю все за пару дней, — сказал тритон. Вышли из кабинета, а там Рагого. Написал все, что было на душе, страж подошел к полуорку и сказал: - давайте, что вы там хотели мне рассказать, — показал на Рагога, — у меня есть время, благодаря Сию. Помогу, чем смогу.

Рагог остался, а мы с мальчиком пошли в трактир. Посетителей не много. Только приходят, но уже столы заняты. Думала, нужна помощь, но тетушка сказала, сами справятся. Нас накормили, напоили. Дали еды с собой. Тетушка сказала, сегодня петь не надо. публика от вчерашнего выступления не отошла. Да и процессию по воздушным драконом будут проводить. Посетителей вечером не предвидеться на целый зал. Так что справятся своими силами.

Раз появилось свободное время, уделила его сиротам и учебе. Уединилась за угловым дальними столиками. Соединила два и получила место на шестерых. Ко мне приходили дети, мы повторяли прошлые уроки, буквы, слоги и слова, и учили новые. Закрепляли счет и состав чисел. Так же учились писать пока печатными буквами. Мальчик сидел рядом, слушал и повторял. Так прошел день и вечер. Дети довольны, сыты. Их кормит Амир, мой совладелец трактира и шеф-повар. Говорит ему не жалко того, что остается и завтра уже не продается. Лучше накормить, чем выбросить.

Мы вернулись с ребенком домой. Было поздно. Несла из трактира ребенка на руках. По пути он уснул, прижавшись щекой к моему плечу. Уложила мальчика спать и только хотела заняться заданиями для следующих уроков, как по зеркалу стукнули. С той стороны зеркала сидит и ждет меня та самая японка, а точнее богиня. Все тоже кимоно голубого цвета с росписью волн и рыб, длинные черные волосы, восточный разрез глаз, пухлые губки, которыми она улыбается, в руках кисеру, японская курительная трубка. Но она словно устала, под глазами залегли темные круги, потеряла свой блеск кожа, да и видно, она замерзла. Но она та, кто есть. Богиня морского народа, тритонов, русалок и драконов. Я проводила в библиотеке не одну ночь, многое узнала, не все, правда удалось разобрать, были странные наречия или разновидность языка. Не суть. Главное для жизни в этом мире, чтобы не опростоволосится, я узнала. Как и пантеон богов. И она смотрит на меня, как та самая богиня с картинки. Я хочу сказать многое, но не могу. Но это не мешает показать мне свое недовольство ее поступком и злость за то, как именно она меня перенесла и что после этого со мной было.

— Вижу, злишься, — курила богиня, выпуская облачко дыма, — но я сделала так ради тебя и в память о моем брате, — взглядом просила пояснить, при этом скрестив руки на груди, перекинув ногу на ногу, — ну неужели нет в этом мире плюсов? — показала на ребенка, — ты стала матерью, он жив и здоров, — тут же вспомнился прошлый мир, моя тяжелая беременность и роды. А потом малыш просто не смог вдохнуть, легкие и сердце не заработали. Что-то случилось, и сердце просто отказало, а следом и легкие. Его пытались реанимировать, но увы. Вот и получилось, что родить родила, а не сохранила. За это меня упрекали родители мужа, моих не было в живых, но и они бы упрекали, от меня отреклись как от ненадежной. А тут. Я смотрю на мальчишку, спящего на моей кровати, поджавшего под себя колени, а богиня продолжает: — видишь, первый плюс переселения, — и повинилась, — да, говорить ты не можешь, но я не виновата. У тебя в роду были мурены, вот кровь и пробудилась. Так что это не мое решение. Род мурен принял тебя, — ага, самого рода нет, а принять принял. Богиня передернула плечами, а я увидела, где она сидит. Ледяной дворец, место уединения провинившихся божеств. Она заметила мою осведомленность и согласилась: — именно так. Меня наказали за то, что я перенесла тебя сюда. А еще за то, что недосмотрела и перепутала координаты. Ты должна была попасть в море, владения дракона, а попала в смешанные земли, — отложила кисеру и протянула мне ракушку на цепочке со словами: — и это все, что я могу для тебя сделать. Разговор раз в

месяц и подарок, — уточнила, — это ракушка позволит тебе говорить. Все, о чем подумает, она воспроизведет твоим голосом. Ее рука прошла через зеркало, протягивая артефакт. Я взяла, а она тут же убрала руку.

Не медля надела на шею. Меня окутало тепло, так сливаются артефакты с хозяином. Свет от раковины окутывал мою грудь, шею, плечи. Мы стали одним целым, ее не украдут, не отнимут, лишь со смертью владельца, она сможет стать доступной. А еще она могла менять размер, захотела сделать ее едва заметной, маленькой, чтобы не привлекать внимание. Увидев что я сделала богиня одобрила.

— Правильное решение.

— Так зачем ты меня перенесла? — голос, родной голос. Если бы не объяснения богини и не спящий на кровати ребенок, вопила бы как резанная от радости и возможности говорить.

— У меня есть последняя воля брата. Ее я пытаюсь реализовать семь веков. Но нет той, кто сможет вынести бремя, — я слушала, — выдержать характер этого дракона. Он своенравный, упрямый, гордый, — фыркала богиня.

— Так, стоп! Ты меня с кем-то свести хочешь? — мне не нравилась перспектива быть вынужденной невестой или женой. Всегда считала право выбора самым важным в отношениях. Никогда никого не принуждала и не собиралась, как и ставить перед фактом. Но тут дело в другом.

— Когда я выбирала тебя для него, сверяла на совместимость, это не так задумывалось, — повинулась Ями, закуривая снова, пуская дым, превращая их в морских жителей, рыб, медуз, осьминогов.

— А как? — что такого может быть, если не брак. На совместимость подбирают именно для этой цели. Но ее ответ меня удивил.

— Как сестра, так я хотела сделать, — уточняя, — ведь эта ледышка закрыла для всех свое сердце. Он никого не полюбит, не пустит в душу, даже друзья не шелохнут его шпиль в душе, не пройдут через шторм в сердце. Море шумит и волны безжалостны. Нужна та, кто растопит его сердце, разворошит душу. Не любовь, с загоревшимся от чувств сердцем, а дорогой человек, ставшей для него опорой. Та, кто заставит выйти из раковины отчаянья. Та, о которой захочется заботиться, младшая сестренка.

— И что ты мне предлагаешь? Ждать или самой на рожон лезть? Я как-то не планировала бурю усмирять, а морской дракон — это мини буря, — знаю о чем говорю, читала о них, могу с уверенностью сказать, там нужны не просто стальные нервы, там нужны титановые, а смотря на ребенка, добавила: — у меня теперь другая забота, — на что богиня посмотрела, улыбнулась, затаила дым, заявила:

— Все придет, — я не знала что сказать, а она уже собралась уходить, но у меня один вопрос, как звали ее брата, она опустила взгляд и назвала имя: — Кешин.

— Значит, так и буду звать ребенка, — она на прощание лишь улыбнулась и помахала рукой, со словами «Через месяц увидимся».

Я кивнула и подошла к мальчику. Легла рядом, накрылась одеялом. Уснула, обнимая его. Проснулась первая, мальчик еще спал. Посапывая, держа меня за палец. Погладила его по голове и назвала имя:

— Кешин, — он тут же проснулся и с радостным возгласом сказал:

— Мама назвала меня Кешин! — утром голос ребенка звучал звонко. У меня улыбка, радость от того, что теперь его не отнимут, он стал моей семьей, моим сердцем. Я могу

называть его сыном. Сын прижался ко мне, сказал: — доброе утро, мама. Ты теперь можешь разговаривать? — его золотые глаза, вертикальный зрачок и улыбка, а еще пальчики, которыми он держал мою руку.

— Да, — приставила палец к губам, — но это секрет.

— Наш с тобой секрет, — прижал пальчик, подмигнул, и тут в его животе заурчало, — кушать хочу, — улыбался ребенок.

— Пойдем, — сын надел сандалии, взял меня за руку. Мы умылись, почистили зубки, переоделись и пошли в трактир. Там постепенно приходили гости, заселялись постояльцы, суета, но помощь моя пока не требовалась, все успевали и заказы отдавались во время. Мы сели за столик, Марита подала меню, сын выбрал на завтрак кашу с ягодами и бутерброд с маслом и вареньем, а попить чай с молоком. Станный выбор, но я тоже люблю чай с молоком. Пока ждали заказ, Кешин складывал салфетки, как мы вчера складывали с детьми фигурки. У него уже получился журавлик и тюльпан. Через десять минут принесли завтрак, мальчик налетел на все, что перед ним стояло. Я же увидела, как в трактир зашла одна из моих воспитанниц. Девочка искала взглядом меня, оглядывалась по сторонам и смотрела на посетителей. Увидев меня, она подошла и шепнула:

— Тетя Сия, там дядя и он весь в крови, — испуганная, обеспокоенная, теребила платье, — он страшный, но не уходит, — я жестом позвала Мариту, написала записку, в которой попросила приглядеть за Кешиним, девушка убежала к тетушке, отпрашиваться с работы. Я шепнула сыну:

— Я помогу дяде, а ты слушайся Мариту, она тебе пирожное принесет и компот, — он улыбнулся и сказал:

— Конечно, мамочка, Кешин будет слушаться, — погладила ребенка по волосам, на прощание поцеловав. Пришла Марита, взяла Кешина за руку и повела на кухню. Сказала, что пока не закончится ее смена, за ним приглядит Ваер, наш повар по салатам. Покажет ему, как чистить овощи и нарезать их в салаты. Написала, чтобы те были осторожны и поблагодарила. Трактир покинули. Шла за девочкой.

Они жили в бараках на окраине города. Путь не близкий, но она знает тайные тропы, которыми можно добраться в два раза быстрее. Она вела меня за руку. И через час упорной ходьбы мы пришли к ее барaku. А там еще воспитанники, облепили меня и говорят дядя страшный, у него нет ног, только щупальца, как у осьминога, черные, с присосками. А еще он разговаривает на странном языке.

Подошла ближе и присела рядом с осьминогом. Русалки и осьминоги враги. Мы всегда делим море и никогда не приходим к единому мнению, лишь к тому, что друг друга ненавидим. А сейчас от меня зависит жизнь этого осьминога. И я не могу отвернуться от него на глазах детей. Так не правильно, в каких бы отношениях не были наши народы, помочь ему нужно. И первое что сделала, зажгла над головой легкий шарик, магия у меня голосовая, но такой фокус могу проверить.

Передо мной и правда осьминог. Щупальца черные, с присосками, серо-фиолетовая кожа, местами темнее, местами светлее, кажется, что кожа прозрачная, а под ней дымка из чернил, перетекает под кожей как кровь. На лице, руках не большие фиолетовые наросты из кораллов, на талии и ключицах, из раковин улиток и моллюсков, такие же наросты, переходящие на лопатки и позвоночник. Но массивнее, крупнее, только все обломанные и треснувшие. Раньше это было похоже на мантию короля драконов, скорее всего этот осьминог важная личность.

То, что дети приняли за кровь, были чернила. Скорее всего, пытался выбраться с их помощью. Они используют свои чернила, как оружие, и могут сделать из них все что угодно, придав форму. Он был весь в чернилах, скорее всего броня, защищавшая его тело. Отметила что осьминог в отличной форме. Рельеф мышц, кубики пресса, не перекаченный, но натренированный. Но не помогла его чернильная броня, щупальца, тело, руки и шея покрыты мелкой паутиной ран, словно от стальной сети, он рьяно вырывался, такая сеть сделана специально для подводного народа, русалки, тритоны и осьминоги ловились такой сетью и разорвать ее практически невозможно. Коралловые наросты, вензеля и украшения из морских жемчужин, почти все уничтожены, от величия и красоты не осталось и следа, как и от светлых волос. В свете светляка они отливали сиреневым. Не знаю, какой длинны они были прежде, но сейчас лишь касались ушей, которые так же пострадали в борьбе за свою свободу, были порваны и сочились чернильной кровью.

— Кто ты? — слышится шепот мужчины, — где я? — придется раскрывать свой секрет и говорить:

— Ты в городе смешанного материка, а я Тасия, тебя нашли дети, — протянула руку и спросила: — можешь человеком стать, они напуганы, — он закрыл глаза и спустя пару минут опираясь о стену спиной сидел уже в человеческой форме и при этом одетый, а не как я в первый свой скачок с русалки в человека. И внешность человеческой формы, как и моя значительно отличается от осьминожьей. Бледная кожа, длинные черные волосы, длинный ровный нос, восточный разрез глаз, тонкая ниточка бледных с синевой губ, заостренный кончик уха. Выше меня на полторы головы, в хаори темно-фиолетового цвета, перетянутый черным поясом с вышивкой ракушек и кораллов, а во лбу знак клана, черный полумесяц.

— Так кто ты? — смотрел на меня осьминог.

— Давай потом, — предложила ему руку, он ее принял и опираясь на мое плечо шел рядом. Мы снова шли бродяжьими тропами, пришли к моему дому. В окне горел свет. Значит, Кешин и Марита у меня дома. Осьминог не хотел стеснять меня своим присутствием, сказал, что может остаться в бараках. Что ему не привыкать. Да и не навредит он местным жителям. Я не спорила, но оставлять у детей не лучшая идея, они его боятся, да и что они смогут сделать? А ему нужна помощь.

Поднялись ко мне, он висел на моем плече, дышал тяжело, но падать без сознания не собирался. Как и предполагала, глядя на свет в окне, Марита привела Кешина домой. Они играли. Но игра резко закончилась. Оставила осьминога на полу. Я нашла лишний матрац, расстелила его на полу, постелила белье, кровать готова, подошла к раненому, подставила плечо и аккуратно перенесла гостя к кровати. Марита по моей просьбе, тут же побежала за лекарем. Сын смотрел за всем молча, гость его заинтересовал. Я готовила бинты и воду, чтобы промыть раны. Придет лекарь и все это спросит. Пока я готовилась к приходу лекаря, Кешин подошел ближе, внимательно смотрел на мужчину, а потом спросил:

— Это кто? Папа? — смотрел на осьминога, тот отвечал ему взаимностью и внимательно разглядывал. Он тяжело дышал, но при этом смотрел на нас, следя за каждым движением. А когда услышал про отца, даже улыбнулся.

— Нет, Кешин, это дядя которому нужна помощь, — услышав имя ребенка, осьминог спросил:

— Он дракон? — его выдавали розовые волосы, глаза и ушки.

— Да, — сказала я.

— А ты нет, — я не ответила, он продолжил, — и ты не простая девушка, так кто ты? —

смотрел и не видел. Если бы я молчала и не говорила, возможно, догадался бы, а так, пусть строит свои предположения. И он их строил, пока не пришла подруга и соседка по кухне. Она моя единственная в этом мире подруга, знающая всю правду. О том, откуда я. Мы с ней душевно сидим, когда у нее выдается свободная минутка. Она стала мне ходячей энциклопедией, в библиотеку я больше не хожу, у меня есть она — Сателла. Подруга влетела в квартиру и заявила:

— Ты знаешь, откуда меня вытащила Марита?

— Нет, — не удивилась приобретенному голосу, — потом скажешь.

— Конечно потом!

— Сателла, не ругайся, — просила подругу, она сняла обувь и вымыв руки потребовала воду и бинты. Я ей все предоставила. Но она никак не успокаивалась:

— Такая важная личность ушла из-под моего ножа, — операция и прибыль, а еще репутация. Даже не знаю чем ее отблагодарить и возместить, — Я тебя люблю, но в следующий раз прибью, Тассия! Утоплю в ближайшей реке, и плевать что ты русалка! — тут на меня посмотрел осьминог и закатил глаза со словами:

— Дожил, русалке должен! — тут дриада не поняла, что произошло, но когда я показала и рассказала, кого именно притащила в дом, она заткнула свой словесный фонтан и приступила к лечению. При этом сказав лишь одно, но не мне, а осьминогу:

— Вас никто не принуждает, не хотите не надо, — его окутало зеленое свечение. Раны постепенно затягивались, но по словам дриады ему все равно нужен покой, на неделю точно. Раны затянулись, а вот магический узор и энергетическая составляющая нуждается в отдыхе. Как и собранные ребра. Она их зафиксировала, но им необходим покой. Он сильно пострадал, когда выбирался из стальной сети.

— Спасибо, — поблагодарил ее осьминог.

Подруга фыркнула, что я ей должна и ушла на работу. А мы с сыном и неблагодарным осьминогом остались одни. Мальчик просил с ним поиграть, порисовать и еще много чего. Я не отказывала. Из-под его руки выходили картинки животных, морских обитателей, коряво, криво, но мило и симпатично. Талант явно есть. Потом настала очередь сказок. У меня есть книги с детскими сказками. Покупала для себя, агодились для сына. Под вечер, когда язык мой с непривычки устал, и говорить было тяжело, отправила его спать. Перед этим накормив, и не только сына, а еще и того самого неблагодарного типа. Марита принесла ужин из трактира. Его передал шеф и сказал что будет рад такому помощнику как мой сын. У него прекрасно получилось нарезать и чистить овощи.

— Русалка, тебя ведь Тассией зовут? — послышался голос осьминога.

— Допустим, — сказала я.

— Я тебе должен, — голос как будто он мне одолжение делает. Но нет, — просто я не думал, что русалка поможет мне, думал, ты бросишь меня где-нибудь в подворотне, а ты не только домой принесла, лекаря позвала, но и накормила, — рассмеялся, — кому скажу, не поверят. Меня, правителя Чернильного клана спасла русалка, накормила, приютила и даже спать уложила, — залихватский смех и треск ребер, скривился от боли и сказал: — рано радуюсь, больно, зараза.

— Что с тобой произошло? Как в сети попал?

— Увидела следы стального плетения? — показал на раны.

— Да.

— Между нами осьминогами и вами русалками война идет, сколько себя помню, а это

пять веков, — много, но я молчу, — и все это время мы бьемся за территорию. И никогда не одерживали победу, как ваши, так и наши. Все оставались при своем. А тут победа была близка, «Пенная бухта» уже грела нам руки, мы праздновали победу, как прошла волна и всех, кто был на расстоянии трехсот метров вокруг, затянуло в стальную сеть. И твоих и моих сородичей. Контрабандисты из пустынных земель ловили экзотику для тех правителей. А русалки и мы осьминоги можем быть как в гареме, так и на кухонном столе, — вспомнилось как я сюда попала и где очнулась, смех и слезы, — знакомо? — спросил осьминог.

— Не то слово. Меня одурманили, и продали гоблинам, проснулась я в чане с водой, вокруг плавала морковка, лучок, картошечка, еще что-то из съестного, рот закрыт, руки связаны, а на человеческую форму никак не перейти. Если бы не страж, прибежавший по наводке рыбаков, я стала бы частью супа. И так до сих пор не знаю какого, рыбного или мясного, — осьминог смеялся в голос. Сын спал, а мы разговаривали.

— Забавная ты, Тассия, — сказал осьминог, — мое имя Урсул, из клана «Чернильного марева», точнее я его глава. Но не знаю, верну ли я себе это звание. А может придется сдать пост и быть одним из генералов.

— А это плохо?

— Нет, но лучше глава, чем подчиненный. К тому же, вкус власти я уже испробовал. Так почему я должен ее отдавать?

— Да, нужно за титул сражаться. И вообще, давай спать. Утро скоро, а мне еще работать, — осьминог сказал лишь одно:

— Тассия, мне плевать из какого ты народа и рода, ты моя тииль, — что значит спасительница, — а я твой таиль, — что значит должник, — так что не отвертись от меня, пока не отдам долг. А когда я его отдам, вопрос времени, — что правда, то правда. При моей спокойной жизни, с минимум опасностей долг жизни отдать не так-то просто. Значит, Урсул будет долго рядом со мной. С одной стороны я не против, с другой у меня своя жизнь и его присутствие не всегда будет на пользу. Но с этим мы разберемся, а пока ответила:

— Я и не собиралась.

На этом разговор закончен. Мы спали. Сын сопел мне в плечо, а я его обнимала. Быстро уснул и Урсул. Его дыхание я слышала и под него уснула. Утром осьминога на матрасе не было, сложено одеяло, заправлено все аккуратно, а с кухни доносился запах еды. Вкусно, на этот запах проснулся сын, подошел к Урсулу и спросил, теребя его за верхний халат:

— Ты точно не мой папа? — но я ответила за него:

— Точно, — осьминог улыбался и раскладывал яичницу по тарелкам, — вкусно пахнет, не думала, глава Чернильного клана готовит, — смотрела на Урсула, а тот ответил:

— Я не всегда главой был, да и не из благородных я, как тот же главный страж в вашем городе. Он таким родился, а я всего добился, вышел с низов, — и тут шикнул, не так повернулся, и боль отдалась в боку, — черт! Думал, все прошло, но видимо нет. Лучше не напрягаться, — съел и пошел в кровать, — мне нужно полежать, — сказал осьминог и пошел на свое место. Мы все съели, вымыла посуду, стала собираться на работу в трактир.

— Мам, а дядя Урсул? Его дома оставим?

— Ему нужен отдых, — сказала сыну, — а мы пока с тобой к Марите пойдем, тетушке помогать. У меня вечером концерт, а днем работа, ее никто не отменял.

— А кем ты работаешь? — вопрос от Урсула.

— Днем помогаю на кухне, в зале трактира, а вечером пою, — сказала и поймала

удивленный взгляд осьминога, — что-то не так?

— Ты — мурена? — я опешила от такого вопроса, но он не дождавшись ответа сказал еще одно: — раз ты мурена, то почему разговариваешь? Вы же немые! — на что я сняла с шеи ракушку и продемонстрировала свою немоту, говорю, но голос не дрожит, — ясно, говорящий артефакт, — и рассмеялся, — где такой достала, — а потом добавил, — это не важно.

— А что важно? — спросила, надев артефакт обратно.

— То, что меня спасла не просто русалка, а мурена, — смех и треск ребер, — зараза! И смех и слезы!

— Не пойму, над чем ты смеешься? Ну, мурена и дальше что?

— Как ты не поймешь? Твой народ и у русалок не в почете, считают ваших падальщиками, — я не отрицаю, так как и правда обо мне именно такого мнения те, кто не знает ближе, — и наши твоих сородичей не переносят, вы все-таки русалки и не важно, что одиночки. Вы с хвостом и плавниками, а значит враги. Так понятно?

— Вполне, — сказала я, — только мне плевать на разборки за территорию, — показала на квартиру и попросила, — не уходи из дома, — добавила, — а то столкнешься со стражами, и мало того, познакомишься с Сальмиром, — тот скривился, — именно, поэтому сиди дома и отдыхай, как лекарь рекомендовал.

— Как скажешь, — пообещал осьминог.

Но я видела в глазах протест и махнув рукой, со словами не маленький, взяла сына за руку и пошла на работу. Он наблюдал за нашим разговором с осьминогом и молчал, лишь когда вышли из квартиры и шли на работу, он спросил:

— Мам, а почему вы с дядей враги? Вы же хорошо общаетесь?

— Мы с ним лично не враги, а вот наши народы враждуют, за территории, владения, вообще, там все сложно, я не лезу. Как и сказал дядя Урсул, я и мне подобные одиночки, у меня нет как у него клана. Нас не любят за своеобразный рацион и пение, — усмехнулась, — наш голос — это наша сила, — пояснила.

— Поешь ты красиво, мне нравится, — сказал ребенок, держа меня за руку. Мы пришли в трактир, а меня уже ждет Сальмир. Встревоженный, взволнованный. У нег ко мне просьба. Марита видя мальчика, берет его за руку и просит пойти к тетушке за пирожными, а еще его просят помочь на кухне, мальчик радостно заявил: — ура — убежал за Маритой. А мы с тритоном остались. Прошли за столик. Сели так, чтобы нас не видели и не помешали. Предложила чаю, тот отказался. Но тут увидел на моей груди ракушку, и спросил:

— Откуда у тебя артефакт речи? — потянулся рукой к артефакту, но поняв, что делает, опустил руку, смотрел на меня, я рассказала:

— Подарок покровительницы морей, — сказала я, а тритон не удивился, знает, что за мной не грехов моего народа, — она меня навестила и сказала, что я достойна, носить этот артефакт, раз не иду путем моего народа, — он не стал допытываться, просто сказал причину визита:

— У меня к тебе просьба.

— Какая?

— Все знают, что ты помогаешь беспризорным детям, — я не скрываю этого, как и не скрываю то, что хочу для них сделать, но пока не хватает средств. А город не выделяет средства, как говорит градоначальник, он не может выгнать одних, чтобы поселить других, а свободных мест нет. Вот и ходят они ко мне в трактир, а я коплю денег, чтобы выкупить тот

самый дом в котором сдаю квартиру Марите. Но у меня нет и сотой части того, что нужно, — они живут в старых бараках, ходят к тебе сюда, учатся, работают. Многие замечают, знают.

— При чем тут дети?

— Не так давно я слышал о том, что в тех местах где они живут, был переполох, — я слушала и понимала, речь и Урсуле, — видели ползущего осьминога, он был ранен, оставлял за собой чернила и кровь, — говоря о нем, тритон кривился. Не переваривают они друг друга, — попроси своих воспитанников его найти, он мне нужен.

— Зачем?

— Не в праве распоряжаться информацией, — на что я ответила тем же, что не вправе принуждать детей искать того, кто может им навредить. Он ранен и не может контролировать свои действия, опасен для окружающих. На что тритон сказал: — когда ты молчала, было лучше. Можно было договориться, — выдохнул и выдал, — ладно. Расскажу. Возможно, надо было сразу все тебе рассказать, ты ведь тоже от рук подобных пострадала, — и точно! Дело связано с ловлей морских жителей, незаконный отлов и продажа в гаремы и кухни в качестве деликатесов. Как и говорил Урсул, его сородичей и русалок увозят далеко от дома, ловят стальной сетью, — уже три партии ушло в пустынные караваны. А там кто знает, что ждет наших братьев, — и добавил, — как и неприятелей.

— Ты про осьминогов?

— Именно. Их тоже поймали в сеть. Даже Чернильного главу Урсулуса, и того умудрились схватить. Посреди битвы за «Пенную бухту», когда мы ее отвоевали и она почти в наших руках, — каждая из сторон считает, что была близка к победе, смешно, но он рассказывал дальше, — проплыли два корабля с растянутой стальной сетью и поймали всех, кто был в этом радиусе. Наши отдали жизни, лишь бы не попасть на стол или гарем падишахов, не все смогли покончить с собой раньше поднятия на борт, как и Чернильные, всего пойманных и увезенных полтора десятка.

— А я при чем? Чем могу помочь кроме поиска осьминога? — но от меня ничего не требовалось, лишь помощь в поиске.

— Только этим, — сказал тритон, — Тассия, буду должен, — я спросила о том, что будет осьминогу, найдись он живым или мертвым, — мертвым похороним в волнах, а живым вылечим, — тяжело вздохнул, — и расспросим подробно про судно, приметы, запах, внешний вид, отыщем и построим маршрут. Нужно найти наших сородичей, да и Чернильные будут не против информации о нахождении своего главы.

— Я подумаю, — а сама решила поговорить с Урсулом. Ему решать, рассказывать мне про него или нет. Мне то все равно. Я помогать искать пропавших русалок не собираюсь, у меня своя жизнь. Кешин и трактир. Тритон ушел, а сын подойдя спросил:

— Мам, а почему ты не хочешь про дядю Урсула рассказать?

— Помнишь, я говорила про врагов? — тот кивнул, — так вот, дядя Урсул осьминог, а страж тритон, то есть русал, — тут мальчик понял и сказал:

— Они враги, — насупилась ребенок.

— Умничка! — потрепала по волосам, — пошли работать? — он кивнул и побежал на кухню. Там ему снова дали вкусенького, а потом он учился у всех на кухне готовить, чистить овощи и нарезать как надо, в салат соломкой, в суп и рагу кубиками, на запекание кольцами. У пекарей тесто замешивать, а у кондитеров крем варить. День насыщенный. А у меня вечернее выступление. Переделалась, готовилась выйти. Выглянула в зал, чтобы увидеть

гостей, сколько и какой репертуар исполнять. И чтоб меня покрасили:

— Урсул! — ругалась я, смотря на пришедшего осьминога.

— А что Урсул? Я хочу послушать твое пение! — и тут входит страж. Не знаю что он забыл и по какому поводу пришел, но ничем хорошим мне это не светит. Они еще не видят друг друга, лишь смотрят на меня, но как представлю что будет, встретятся они взглядами, увидь Сальмир осьминога и наоборот, жуть что будет. Оба взгляда направлены на меня. С разных углов трактира. И не могу выгнать Урсула и отозвать в сторону Сальмира, так как я стою на сцене и не могу не петь. Выключился свет, объявили песню. Понеслась!

Глава 3 «Тритон и осьминог»

Урсулус

Глава Чернильного клана

Кто бы мне сказал лет двадцать назад, что меня спасет мурена и я буду ей обязан жизнью, лишил если не головы, то языка точно. Бред на грани маразма. И речь не о сражениях, в них они не участвуют, предпочитают затаиться, не ввязываться. Они одиночки, нет клана, от рода мало что осталось. Мурены просто существуют, не принятые своими собратьями, но они все равно остаются русалками, следовательно, нашими врагами. И между нами не может быть взаимопонимания.

Но все поменялось. Вечная война, Пенная бухта, и стальная ловчая сеть. Попались не только наши, но и русалки. Не все были согласны с заточением, и предпочли отдать жизнь за свободу, уйти и не достаться в руки контрабандистам. Так и я хотел поступить, почти попал в сердце чернильным клинком, но сеть резко затянули, в тело впилась сталь, руки скрутило судорогой, растворился чернильный клинок. Сеть уничтожала чернильную броню, коралловый доспех, разрывая кожу, все тело покрывали раны, живого места не было, порваны уши, от волос ничего не осталось, они едва касались плеч. Все в крови и чернилах. Не знаю, как мне удалось выбраться. Доплыл до ближайшего берега и выполз. Куда шел, куда-то перенес меня портал, так и не понял, оказался в бараках. Пахло плесенью, сыростью, землей и навозом. Рядом конюшни. Нашел куда прислониться, затаился. Но меня нашли, трогали и спрашивали. Нашедшими меня оказались дети, говорившие на человеческом языке. Значит я в смешанных землях. От боли и резкого скачка между материками не мог перестроиться на их язык, да и сознание уплывало, говорил на своем. Просил помощи и воды. Рядом со мной все стихло. Не знаю сколько прошло времени, но снова слышались детские голоса, шаги и не только детей. А потом в глазах стало светло. Открыл глаза, а надо мной стояла девушка. Миниатюрная, худая, с короткими по плечи черными волосами смотрела на меня черными, как ночь глазами, просила сменить форму на человеческую. Я с трудом призвал другое обличие. Вспоминал, как выгляжу в человеческой форме.

Она вела меня через тропы, неся на плече. Вроде хрупкая девушка, но сильная. Явно не человек. И мои предположения подтвердились. Когда пришли к ней, дома был ребенок и няня, мальчик явно дракон, спросил, не его ли я отец. Улыбнулся, и меня уложили на полу, постелив матрац. Няня ушла за лекарем, а мальчик меня внимательно разглядывал. Имя у него странное — Кешин. Но стало не до этого. Влетает еще одна девушка, дриада, в костюме белого цвета с клевером на груди, что означает что она лекарь. С претензией:

— Я тебя люблю, но когда-нибудь прибью, Тассия! Утоплю в ближайшей реке, и плевать что ты русалка! — услышав кто меня спас и кому обязан жизнью, закатил глаза со словами:

— Дожил, русалке должен! — тут дриада не поняла, что произошло и с чего я недоволен своей спасительницей, девушка показала, кого именно спасла и в дом привела, дриада прикусила язык, не стала говорить лишнего, приступила к лечению. При этом сказав лишь одно, адресованное мне:

— Вас никто не принуждает, не хотите не надо, — призвала силу, меня окутало зеленое свечение. Чувствовал, как раны постепенно затягивались, но по словам дриады мне все равно нужен покой, на неделю точно. Раны затянулись, а вот магический узор и

энергетическая составляющая нуждается в отдыхе. Я много отдал сил когда выбирался из той стальной сети. Вся моя защита разлетелась на осколки. От коралловой брони ничего не осталось. Спасли чернильные доспехи, защищающие тело под коралловой броней. Кроме ран, были другие повреждения, сломаны ребра. Дриада их зафиксировала, но они нуждаются в покое. Не стоит их лишний раз беспокоить.

После у нас с русалкой состоялся разговор по душам. Услышал от нее похожую историю. Ее чуть не сварили гоблины. Она смеялась, как и я, не знал, что могу не только русалкам головы рубить, но и смеяться. Уснул быстро, даже не беспокоясь о том, что она меня убьет или попытается. Утром встал раньше, сготовил завтрак, на запах еды проснулись девушка и дракон. Мальчик теребил меня за верхний халат, спрашивая:

— А ты точно не мой папа?

— Точно, — ответила за меня Тассия.

Позавтракали, девушка восхитилась моей готовкой, что я будучи главой умею готовить. А я не всегда был главой, жил с матерью и отцом. Обязанности делили поровну. Так что я могу многое. В отличие от некоторых тритонов, типа стража города, считающих себя белоручками. Я неудачно повернулся. От резкого поворота слышался треск. Думал, все прошло. Но нет. ушел на кровать, надо отдохнуть, а Тассия намыла посуду, собираясь уходить на работу. Удивился Кешин, когда я не собирался уходить, оставаясь дома на кровати. Спросил у девушки:

— Мам, а дядя Урсул? Его дома оставим?

— Ему нужен отдых, — сказала девушка сыну, — а мы пока с тобой к Марите пойдем, тетушке помогать. У меня вечером концерт, а днем работа, ее никто не отменял, — услышал концерт, захотелось узнать, кем она работает и где, чтобы послушать концерт и узнать, как в этом участвует она.

— А кем ты работаешь?

— Днем помогаю на кухне, в зале трактира, а вечером пою, — сказала и поймала мой удивленный взгляд, — что-то не так? — все не так. Это ж надо так попасть! Не просто русалка, а одиночка, всеми родами хвостатых гонимая, презираемая, за своеобразное питание и пристрастия, а еще магию.

— Ты — мурена? — девушка в шоке от такого вопроса, но я не дождавшись ответа сказал еще одно: — раз ты мурена, то почему разговариваешь? Вы же немые! — доказано, кроме пения они не издают звуков. Голос их только для этого, на другое не настроен. Девушка посмотрела на меня и сняла с шеи ракушку, едва заметную, не знал бы что это артефакт, не сними она его. Тассия продемонстрировала свою немоту, говорит, но голос не дрожит, — говорящий артефакт, — и рассмеялся, — где такой достала, — а потом добавил, — это не важно, — важно то, что со мной произошло.

— А что важно? — спросила, надев артефакт обратно.

— То, что меня спасла не просто русалка, а мурена, — смех и треск ребер, снова забыл чем мне грозит резкая смена положения и напряжение, — зараза! И смех и слезы! — а ведь и смешно и больно одновременно. Смешно от ситуации, а больно от сломанных ребер. Но она не понимала, почему я так реагирую.

— Не пойму, над чем ты смеешься? Ну, мурена и дальше что?

— Как ты не поймешь? Твой народ и у русалок не в почете, считают ваших падальщиками, — девушка не отрицала, — и наши твоих сородичей не переносят, вы все-таки русалки и не важно, что одиночки. Вы с хвостом и плавниками, а значит враги. Так

понятно? — спросил у нее, она ответила:

— Вполне, — сказала я, — только мне плевать на разборки за территорию, — показала на квартиру и попросила, — не уходи из дома, — добавила, — а то столкнешься со стражами, и мало того, познакомишься с Сальмиром, — тут же скривился, — именно, поэтому сиди дома и отдыхай, как лекарь рекомендовал.

— Как скажешь, — пообещал я, но все-таки задумал иное. Как сказала Тассия, концерт вечером. Значит, к вечеру отлежусь и попробую дойти до ее трактира. Благо запах ее я запомнил и след приведет меня к ней.

Вечером, понимая, что силы ко мне ненадолго вернулись, встал и пошел по ее остаточной ауре. Запах мурены она скрывает, помогает ей в этом драконий ребенок, и еще артефакт. У него есть такое свойство, защищать владельца. Но я шел по запаху дракона. И пришел к трактиру «Мурена». Название говорило о том, что тут есть мурена и не важно кто она, есть и все тут. Зашел в трактир и увидел небольшую сцену. Уже во всю готовилось представление, музыкант настраивал инструмент, подавальщица принимали заказы, гости рассаживались по местам. И тут случились две вещи. Первая — на сцену вышла Тассия, ее я бы не узнал, как она преобразилась. Шелковое платье фиолетового цвета, лишь черные рукава и веер в руке. Легкое, воздушное, с разлетающимся подолом, росписью пионов на подоле. Волосы она оставила как есть, распущенными, лишь украсила их бусинами и заколкой-бабочкой. Вторая — в трактир на выступление пришел тритон. Увидел меня, как и Сия, с возгласом:

— Урсул!

— А что, Урсул? Я хочу послушать твое пение! — и на нее смотрели не только мы с тритоном, но и все гости, так как начался ее обещанный концерт. Пока мы слушали пение, все было тихо и спокойно. Девушка спела две песни, ушла отдохнуть, но тритон просит ее выйти и все объяснить, она вышла и начинается:

— Тассия! — рычит тритон, — ты скрыла от меня раненого осьминога! — тычет в меня пальцем, — Как ты могла?

— Могла! — сказала девушка, — не хотела вот именно этой ситуации, — показала на нашу перепалку, и взгляды с желанием друг друга прикончить, — вас же хлебом не корми дай повоевать! Вот и воюйте себе на здоровье, но не в трактире! — сказала она, — а вон, за дверь, — показала на дверь. При этом руки в боки и взгляд, требовательный и говорящий о том, что будет, устрой мы выяснение отношений в трактире.

— Да кому он нужен? — спросил тритон, показывая на меня, — раненый глава Чернильного клана, живущий в доме русалки-мурены! — насмеялся надо мной тритон, — кто узнает — засмеет! — задел за живое, и я ответил:

— Как и тебя, — сказал тритону, и понял, что это было лишним. Сказал, не подумав. Тассия сняла разговорный артефакт и показала всем видом, что разговаривать с нами она не намерена. Ей выступать пора. А я смотрел в след девушке и рассуждал в слух: — зря я это сказал, — и тритон со мной согласился:

— Да, это было лишним, — я ушел к себе за стол, заказал еще еды, ждал пения девушки, и она вышла. На ее глазах слезы, а песня так и просит прижать ее к себе, но я не могу, пока она на сцене. Мы ее обидели. Друг друга поливали грязью, а вышло что ее. Ведь мурена спасла мне жизнь, приютила у себя, а тритон ее принимает и не воротит нос, как остальные сородичи. Вот и получилась девушка крайней.

— Задели мурену за живое, — сказал над ухом знакомый голос. Принадлежал Шиору,

морскому дракону, — она не такая как все ее сородичи. Не знаю почему, но она отличается поведением, словно из других мест или другого воспитания, — как и я слушал ее пение, — а ее голос ворошит в душе прошлое.

— Как и у меня, — сказал дракону.

— Каким ветром, Шиор? — спросил тритон.

— На счет детей пропавших, — принес документы и сводки. Чтоб меня, там не только тритоны, змеи и драконы, там и наши дети. Дракон смотрел на девушку и говорил, словно был не здесь, а где-то в другом месте: — по всем континентам пропадают дети. Просто встают и уходят и их не находят, даже следов нет, словно растворились. Не похоже на ритуалы, проклятия или простые призывы, от любого из перечисленных вариантов остаются остаточные следы, магические всполохи. А тут чисто. Словно и не было ничего.

— С чем это может быть связано? — задумался я.

— Если бы мы знали, — читал сводки тритон, а я предложил:

— Поднимите старые записи, может, такое было лет триста, пятьсот назад, — тут же подумал, если бы такое было при драконе, он бы сказал, но тут я промахнулся, ведь он был в затворничестве, поэтому не в курсе, но обещал:

— Посмотрю архивы, если что найду, сообщу, — прошел к выходу и посмотрев на сцену, кивнул мурене головой, та улыбнувшись кивнула в ответ. А мы смотрели и ждали конца ее выступления. И когда песня закончилась, подошли и повинились:

— Сия, — сказал первым тритон, — я лишнего сказал, не подумал. Хотел этому насолить, посмеяться над ним, а сделал больно тебе, — и тут же вставил свои слова я:

— Как и я. Смеялся над ним, а задел тебя. Я тебе жизнью обязан, а такое наговорил, — сказал и поклонился, держа руку на сердце. Ведь она моя спасительница, а я ее должник. Да и нравиться мне с ней рядом быть. Как и сказал дракон, ворошит душу, заставляет оживать, вылезать из раковины, — простишь меня, Таси? — смотрел на ее кари, почти черные глаза. В них нет слез, как и обиды. Лишь грусть. Но она ушла, когда я сказал: — проси что угодно.

— Подумаю над твоими словами, — сказала девушка. Ситуация забылась, но тритон вспомнил зачем меня искал, сказал:

— Лучше скажи, — говорил со мной тритон, — ты запомнил корабль, запах или приметы? Хоть что-нибудь? Как нам наших искать?

— Я не запомнил корабль, но запах одного из контрабандистов отпечатался в моих новых пазухах надолго. Узнать направление, в котором они плыли и узнаем из какого порта, тогда найдем этого типа, прижмем его и все душу вытрясем, — и посмотрел на девушку, — поможешь его разговорить?

— Можно, — сказала русалка, — заодно скину негатив, полученный от вашего общества, — сказала мурена, уходя к себе переодеваться. Мальчик бегал по трактиру, радовался и напевал ту же песню, что и мама. А тритон смотрел на него и улыбался. Мальчик его радовал, как и перспектива найти сородичей и плевать что помогать ему буду я, как и мне собственно.

— Чего лыбишься, русалка? — не мог не испортить ему настроение. Видеть довольного тритона мне не по душе. Хотелось его задеть, разозлить. Но не сработало. На провокации он не повелся, а я не стал продолжать.

— Не твое дело, чернильница, — тритон ушел из трактира, а я шел к Тассии. Она переделась. Работа на сегодня закончена. Она выступила, помогла в зале. Дольше они справятся сами. Вечером, после ужина и ее выступления гостей не так много. ее помощь не

потребуется. Взяла ужин и шла к нам с Кешиним. Мальчик взял меня за руку. Мы вышли из трактира и вместе шли домой. Мальчик держал нас обоих за руки. Радовался, а я вспоминал, когда так последний раз отдыхал и просто куда-то шел. Давно дело было. Мы пришли домой, у порога нас ждала дриада. В руках торт и бутылка вина. Девушки хлопотали на кухне, а мы с малым накрывали на стол. Он смотрел на меня и не удержался, спросил:

— Дядя Урсул! — я слушал, — вот ты живешь с мамой, спите вы рядом, вместе едите, даже ругаетесь, — думал, к чему такой вопрос, и он выдал, и как раз зашли девушки: — и я не понимаю! — руки в боки, задумчивый взгляд, и казалось он взрослый, рассудительный мужчина, а не маленький мальчик.

— Чего ты не понимаешь? — спросил.

— Почему ты не мой папа?! — на пороге стоит Тассия, в ее руках чайник и кружки и Сателла с нарезанным тортом и тарелками. Заливается краской мурена, от смеха сползает по стене дриада, держась за живот. Тассия едва сдерживаясь чтоб не ругнуться, стояла и слушала рассуждение ребенка, — вы же с мамой так хорошо ладите! Так почему? — он смотрел на меня, не видя мать и дриаду. Те прошли, накрыл на стол, расставили посуду и угощения. А я слушал объяснения маленькому ребенку про отношения от умной женщины. Сказал бы сам, но не успел, слово взяла дриада:

— Ладить одно, а быть вместе другое, — сказала дриада, на что мальчик заявил:

— А тетя Марита сказала, что основа отношений это понимание, а вы с мамой хорошо понимаете друг друга, — тут я увидел лицо мурены и понял, что Мариту ждет продуктивная и воспитательная беседа. На предмет разговора про отношения с маленьким ребенком.

— Я эту Мариту, — скрипела зубами русалка, — на неделю на больничный отправлю, слух восстанавливать, — рыкнула девушка, опуская ложку в рот. Мы все улыбались, понимая, она лишь угрожает. На деле Тассия этого не сделает. Может лишь на бумажке написать кучу ругательств. Ведь только несколько существ из ее окружения знают о способности говорить. Она не сказала на работе про артефакт никому. Пока рано и не хочется ей лишний раз с кем-то спорить. Но обещала сказать когда будет готова ответить на все вопросы.

Вечером, когда дриада ушла, захмелевшая, им много вина не надо, чтобы напиться. А ей особенно, после недельного дежурства пара бокалов и лекарка свалилась, мальчик от проведенного насыщенного дня вымотался и быстро уснул, держа девушку за палец, я хотел начать разговор о его словах, сказанных с детской наивностью, но пока не решался. Мне и правда с ней рядом легко, спокойно, видя ее черные, как мои чернила глаза, хочется смотреть и не отводить взгляд.

— Сия, — взял ее руку, она смотрела на меня и не понимала, что я творю, — хочу поговорить, — сказал и ждал ее реакции. На меня с непониманием что происходит, смотрели черные как мои чернила глаза. Рука не вырывалась, расслаблено лежала.

— О чем?

— Глупо слышать от того, с кем знакома всего два дня, — она согласилась, что глупо, но слушала, — я побуду с тобой еще немного, — она кивнула и сказала:

— Конечно, я тебя не гоню. Спи на полу, — показала на матрас и подушку, — сколько хочешь, столько и живи, ты меня не стесняешь, — сказала русалка, но спросила: — об этом хотел поговорить? — ее взгляд говорил о том, что она меня раскусила и поняла, все это было лишь началом или попыткой отвлечься от разговора.

— Нет, — сказал, — но я не думаю, что ты воспримешь это сейчас, особенно зная, что я

могу просто уйти и не вернуться, — все знают, народ мы такой. Не постоянный, постоянной пары у нас нет, этот редкость отдать свое сердце кому-то одному. Такое случается, но на моем веку я не помню не одного случая, чтобы чернильный народ жил с кем-то одним дольше десяти лет. Именно поэтому я сказал: — так что не думаю, что хочу поднимать эту тему.

— Как скажешь, — она не настаивала, хотела забрать свою руку, но я не отпускал. Касался гладкой кожи, смотрел в глаза, и не понял сам, как я поддался порыву, и притянул ее к себе, одна рука держит за талию, вторая прижимает ладонью лицом к лицу. Мягкие, нежные губы и вкус моря, она на время поддается порыву, расслабляется в моих руках, кладет руку на мое плечо, пальцы в волосах, как и мои в ее, но потом нас разделяет ее рука. Она упирается мне в грудь со словами:

— Давай не будем торопиться, — отводит взгляд, снимает кулон и просит ее не беспокоить. Ведь слов нет, как у нее, так и у меня. Выключается свет, она на кровати с ребенком в обнимку, а я на матрасе под одеялом, слышу ее учащенное дыхание и сердцебиение. Она в шоке, как и я сам. Знаю, поступаю необдуманно, но мне понравилось, держать ее в руках, прижимать к себе, а еще вкус моря на губах. Это ощущение я не потеряю и плевать что она русалка, не важно, что мурена. Важно то, что рядом с ней мне хорошо. Не знаю сколько продержаться наши отношения и будут ли они, но я хочу этого.

Тассия

Он меня поцеловал!

А все началось с разговора Мариты с ребенком. Сводница, наплела мальчишке об отношениях, взаимопонимании и прочем. Вот он и атаковал нас с Урсулом. Замучил его вопросами, мол, как не отец, если между вами все, как у мамы с папой, вы и едите вместе и спите рядом и даже ругаетесь, как муж и жена. Между вами понимание, значит, вы должны быть вместе. Мы уговорили его забыть об этом. Не без помощи Сателлы, которая растолковала мальчику, что отношения строятся не только на взаимопонимании, но и на времени, чувствах и прочем. Друидка знатно выпила, ушла спать. Сын забыл о разговоре с Маритой. Но не забыли мы. Особенно осьминог.

Сын спал, а подруга ушла отсыпаться за неделю дежурств. Не знаю, что твориться в голове Урсула, но он поддался уговорам мальчика, мол, раз между нами взаимопонимание, мы должны быть вместе, а потом взял, и поцеловал меня. Не спорю, мне понравилось, ощущать вкус его губ на своих, сладкий привкус. А еще руки, прижимающие к себе, тепло от присутствия, и грудь, с бьющимся под твоей рукой сердцем. Но я понимала, они осьминоги народ непостоянный, могут и уйти, не давая о себе знать и забыть дорогу. Пары на всю жизнь у них нет. Так что я не обольщалась на его счет. Но поцелуй меня задел. Что-то в душе колыхнулось, зародилось или шевельнулось, даже не знаю что именно. Но что-то определенно есть. Об этом говорить рано, ведь я знаю осьминога всего два дня. Так что это был лишь порыв.

Утром, когда оба мужчины, младший и старший еще спали, ушла на кухню. У подруги похмелье, а у меня ступор от вчерашнего. До сих пор чую его вкус на губах, объятия и сердце, колотящееся под моей рукой. В душе шум моря, а в голове штиль, не одной мысли что делать. Подруга, видя мой ступор и вынос из реальности, спросила, в чем дело, а я не стала рассказывать, написала всего три слова: «Урсул меня поцеловал». На миг ее брови взлетели, она выдала:

— Поздравляю, — сказала дриада, показывая большой палец вверх, от меня набралась, — совет до любовь, — но тут увидела мой взгляд, полный непонимания и паники, а еще протест, мол нет и не факт что будет, — ну, значит нет, — сникла друидка, — ну и дура! — сказала она, — упустишь, будешь как я одна куковать до старости, а она у тебя ой как не скоро! — сказала она и я хотела ей в глаз дать, но она подняла руки и попросила: — лучше сразу убей, голова трещит, — и мне пришлось вместо убийства ее исцелять. Положила руки на ее голову, коснулась висков и затянула мелодию. Пение и не такое вылечить может. Нежный голос, узконаправленная мелодия и девушке на глазах становится лучше, — Сиа, ты просто нечто, — обняла меня дриада, — а к Урсулу присмотришься, — наказала она, ушла на работу, прихватив пару бутербродов. А я приступила к приготовлению завтрака. Как послышались шаги и слова:

— Прости, если взбудоражил, — рука на моем плече, а я отрицательно покачала головой, — помочь? — кивнула, — командуй, — протянул мне артефакт, я надела и сказала:

— Кипяти молоко, соль пол маленькой ложки, сахар две и размешай, как только начнет подниматься, кидай лапшу, размешивай, — а сама буду хлеб в яйце жарить. На запах еды пришел сын, увидел нас и заулыбался, снова сказав:

— Вот чем не мама с папой? — и смотрел на то, как мы с Урсулом раскладывали завтрак по тарелкам. Нет, я сегодня определенно кого-нибудь убью, и это будет Марита. Забила мальчишке голову, у него навязчивая идея сделать нас с Урсулом мамой и папой. Жуть как раздражает. Спросила про планы на день. Урсул собирался к Сальмиру. У них дела касающиеся наших и контрабандистов. Есть подозреваемые и нужен них осьминога. Ведь он запомнил одного из похитителей.

Я же пошла на работу. Со мной Кешин. И первым делом, как пришла, устроила Марите взбучку. Сначала говорила, получила поздравление в приобретении голоса, а потом просьбу не наказывать и не петь. Но я не слушала, ругалась так, что у нее и правда пошла из ушей кровь. Не долго, всего пару минут, зато каков эффект. Она клятвенно заверила, что больше не станет поднимать эту тему разговора с ребенком, и не будет лезть в мою личную жизнь. Она кланялась, просила прощения и снова кланялась. Тетушка услышала ее слова и добавила от себя подзатыльник. Отправила Мариту восвояси, уши лечить. А меня отдыхать. Вечером много работы, нужно помочь встретить каких-то важных гостей. Номера для них приготовлены, а вот персонала на подачу и заказ блюд не хватает. Я не отказала, как и в просьбе выступить, если вдруг до них дойдет слух и певице с потрясающим голосом, так меня рекламировала тетюшка. Я не спорила. Голос мой и правда зазывал публику.

Вечером, как и говорила тетюшка, прибыла делегация. Пока я принимала заказ, а Кешин помогал на кухне чистить овощи, у него талант к готовке, так сказал Литар, наш повар горячих блюд, а он гном, у мальчишки потрясающее будущее, схватывает на лету. Был бы постарше, взял в ученики, а так еще лет десять и можно в поварскую школу поступать. Но я о делегации. Их расселили по номерам, а через пол часа они все спустились к ужину. Но не только они пришли на запах еды. Вошел Урсул, увидел меня, подошел, помахал мне рукой, попросил пару минут времени. Я посадила его за свой столик. Он пришел от Сальмира. Они обсуждали похитителей и корабли, на котором увезли наших братьев.

— Нашли тех контрабандистов?

— Пока нет, — на его лице несколько свежих ссадин, как на руках и шее, — не смотри на меня так, Сиа, он сам напросился, — стирая с губы кровь, сказал: — я ему пытался доказать, что не тот корабль, а он мне про время говорит, тот и все, он по расписанию стоит.

И не слышит моих слов! — ругался осьминог.

— Его тоже приукрасил? — показала на лицо и все, чем наградила его тритон.

— А то! — и взял меня за руку, — накормишь меня, рыбка? — смотрел голодными глазами, — а то с этой килькой тушеной каши не сваришь! Он меня замариновал уже, — сказал Урсул, — спаси меня, рыбка от этого палтуса, — взмолил осьминог. А я подала ему меню, сказав:

— Ладно, заказывай, попрошу приготовить быстро, — но попросила: — тут делегация приехала, своих детей ищут, — показала на сидящих гостей, окруженных подавальщицами и напитками. Специально для них мы составили несколько столов вместе, чтобы они поместились все разом. Разношерстная компания из змей, драконов, птиц, бабочек и людей, даже тритоны и те не фыркали от соседей по столу. Вся делегация была солидарна и готова помочь друг другу в поисках детей. Они объединились с одной целью, найти пропавших. И не важно с кем работать. Среди них не было лишь осьминогов. Но Урсул говорил, что из его народа никто не пропадал. Не было запросов.

Увидев одного из делегации, Урсул скривился. Увидел тритона и змея. Как сказал, выходцы из этих родов, злейшие неприятели. У него почти со всеми такие отношения, но именно эти двое ненавидят его, как и он собственно, готовы в первые мгновения встречи порвать друг друга на кусочки. У большинства сухопутных жителей к ним негативное отношение. Но у этих родов особенная неприязнь. Что-то с прошлыми обидами личного характера, а не видовыми распрями. Осьминогов не любят, как морской народ, так и сухопутный, не скрывают этого. Даже всем видом показывают. Но не просто так. У сородичей Урсула скверный характер, странно, почему он со мной так себя ведет. Да и Сальмира переносит спокойно, если их постоянный драки и перепалки можно так назвать. Со мной понятно, Урсул мне жизнью обязан. А вот с тритоном дело в общей выгоде и деле, пусть и летят в разные стороны чешуя и чернила. Пока думала над этим, Урсул показывал пальцем в картинке с блюдами, выглядели они аппетитно:

— Вот, мяско вкусное в панировке, картошечку кусочками с маслом и облепиховый морс, — и смотрит на меня, — Сиа, а ты со мной посидишь? — улыбка и протянутая ладонью рука.

— Видно будет, — сказала я, понесла заказ на кухню, сказав через плечо, — веди себя тихо, — он кивнул, а я ушла. Отдала заказ и просила накормить голодного осьминога. Литар как только услышал про осьминога, да еще и голодного, вспомнил слухи обо мне и нем, тут же воодушевился и сказал:

— Все что угодно для твоего ненаглядного! — улыбка и шутовской поклон.

— Летар!

— Сия, надо мужчину не только голосом ублажать, но и едой, — я на него посмотрела, тяжело вздохнула и пошла на поиски сына. Нашла его шефом. Тот показывал мальчику технологические карты. Удивилась, а шеф повинился, сказав что не удержался. Мальчишка не по годам соображает. Махнула рукой и только хотела выйти в зал, как бежит тетушка, держится за сердце, того гляди рухнет на пол без чувств и откачивать придется. Просит помощи.

Не долго длилось мое спокойствие. Слышу крики и хлопки магии. Не долго думая, вспоминаю прошлую должность вышибалы. Готова, выйти и спеть так, чтоб желания буянить и применять магию в нашем заведении не осталось. Наш обновленный трактир того гляди разнесут. А все из-за Урсула и той самой делегации. Они заметили его и начали

оскорблять. Осьминог не остался в стороне и ответил. Завязалась перепалка. Из словесной она переросла в магическую. Тетушка просит меня усмирить обе стороны, и плевать на методы. Придется применить способность против делегации, внушить и утихомирить. А может, применю более радикальный подход. Именно о нем я и думала.

Оставив сына на шефа, снимаю ракушку, убираю в карман и вхожу в зал, готовая петь, а там на помощь к Урсулу пришел тритон, он стоит спиной к спине осьминога, отбивается от делегации. И не важно что их десяток, а противников всего двое. Запал и желание порвать друг друга на британский флаг у обеих сторон. И мотивация на стороне Урсула и Сальмира.

Кто бы мне сказал, что русал, из благородного клана осетров будет сражаться с презренным родом осьминогов плечом к плечу, назвала умалишенными. Это двое по природе своей враги. Но объединились перед общим неприятелем, наплевав на свои разборки и вражду. В запале слышался голос Урсула, обращенный Сальмиру:

— Не думал, килька тушенная, что буду с тобой хоть в чем-то солидарен, — и показал на некоторых, — но этим типам давно рожу самодовольную хочу начистить. Особенно за прошлое наше общение.

— Поддерживаю! — сказал тритон и призвал волну, его окружила магия воды, призывались фамильяры, — ты то будешь силу использовать?

— С моими сломанными ребрами? — смеялся осьминог. Возмутился тритон:

— Урсул! — рыкнул на него тритон. Но тот лишь распалаял напарника по оружию. Разогревал его гнев, чтобы было не так скучно драться. Тритон этого не понимал, ведь был поглощен ненавистью и желанием разобраться со старыми неприятелями.

— Конечно, буду! — сказал осьминог, на его одежде, волосах, руках, под ногами стали наливать чернотой пятна, отделяться и покрывать его тело, формируя доспех, похожий на коралловую, украшенную ракушками и кораллами. На голове шиповидная корона из чернил, в руках черный трезубец, а в глазах делегации паника:

— Глава Чернильных, какого демона он рядом с тритоном? — не понимали, что между ними общего и какого тут вообще происходит. И не только его присутствие, а слухи бродившие по материкам и владениям:

— А его разве не утащили в пустыню? Думал, из него давно суп сварили! — сказал еще один тритон. Столы откинута, призвана сила у каждого из гостей своя способность и готовность атаковать, у тетушки паника, а у меня лишь один способ все исправить. Обратиться на себя внимание. Но Урсул видит мое решение вмешаться, сказал:

— Рыбка, не лезь! — он не заметил мою готовность петь и всех усмирять, а вот тритон, который меня знает дольше Урсула, понимает, чем грозит моя готовность петь, да и поза, с правой рукой у груди, а второй, направленной на объект моего гнева.

Было дело на его глазах, когда я разобралась с одним хамом. Он задел мою честь, оскорбил и не на шутку меня разозлил. Трактир только восстановился, я еще не была совладелицей, просто пела и выносила разбушевавшихся гостей на улицу. Он меня назвал не приличным словом и поплатился за это. Лечили его уши долго. Против меня не выдвигали обвинения, знали, я защищалась. А поза для кары надолго отпечаталась в памяти тритона.

— Сиа, нет! — кричит тритон.

Но мне все равно, я не дам разрушить новый трактир, как и не позволю буяннить всем подряд и мне не важно кто передо мной, из каких родов и семей. Это моя территория. Я в своем праве. Готовилась петь, да так, чтоб у всех барабанные перепонки трещали. Плевать как буду смотреться, трактир важнее.

— Что она собралась делать? — просил один из делегации.

— Какого хрена она собралась творить? — возмущался еще один.

— Петь! — сказал Сальмир, закрывая уши, но ему это не поможет. Лишь ослабит удар. Как и тем, кто повторил его действия. Не успел спрятаться от моего воздействия Урсул. Смотрел на меня и просил не делать этого, до последнего надеясь на мое молчание. Но я запела:

— А-а-а-а-а! — рука направлена в сторону делегации и напарников по сражению. Тритон держал уши, а Урсул не успел. Его одарило моим голосом и силой по полной программе. Как и всех задумавших разнести трактир.

— «Крик души», чтоб тебя! — ругался тритон, зная мою магию голоса.

Все в трактире хватаются за уши, кто-то убегает, а кто-то остается посмотреть чем все кончиться. Тритон и осьминог умоляют прекратить, но я продолжаю тянуть. Голоса еще минут на пять хватит, дальше второй акт. Если не поймут и вознамерятся продолжить буянить. Но у них не было желания продолжать скандал. Я остановилась.

— Кто она? — показывает на меня один из делегации, тритон из благородного клана Касаток. Внушительный представительный мужчина, высокий, широкоплечий и мускулистый, короткие волосы по плечи зачесаны назад, острые кончики ушей, широкий нос, массивный подбородок, широкие скулы, почти черные глаза, но все портит шрам через левый глаз. А так выглядит внушительно. Выла тетушка, ее уши закрыты, как и уши всего персонала. Даже гости зная мою магию и на что я способна приготовились заранее, видя назревающий скандал.

— Что за девица? — спросил еще один из делегации. Род не знаю, но точно из клана бабочек. Разлетающиеся полупрозрачные одежды, светлые, почти белые волосы, вместо ушей такие же крылья, как и за спиной, дрожащие от боли, а еще на щеке метка клана. С поклоном ответила тетушка:

— Наша певица, — сказала тетушка, открывая уши, — она должна была выступить вечером, но уже не выступит, — сказала она, видя мой гневный взгляд, — скажу честно, я лишь распорядитель, владелица она, — уточнила, — на половину, а вторая принадлежит нашему шеф-повару, — вышел напарник и выдал:

— Мы владельцы этого заведения. Вас приняли, расположили, накормили, приготовили вечернюю программу, а получили драку в зале, готовность все наши труды разрушить в один миг. Своим поведением вы нас оскорбили, — я не надевала артефакт, ведь у меня такой поток ругательств лезет в голову, что боюсь не сдержаться, — ущерб будет вам выставлен, — поклон и шеф-повар ушел.

— Мы в немилости, — сказал змей из клана «Белой розы», — госпожа, — обратился ко мне, — просим у вас прощения, — поклон, одновременно ото всех из делегации. Надев кулон, спрашиваю:

— Еще вопросы к моим гостям будут? — смотрелось, необычно, перед девушкой оправдываются матерые вояки, внушительных размеров и габаритов мужики, просят прощения. Слово взял глава клана Касаток:

— Нет, — звон в ушах все еще есть, — мы не имеем претензий, к этим двоим, — показал на тритона и осьминога.

— Вот и славно, — ушла к тем двоим, прочищать мозги. Они повинились и сказали что не собирались драться. Но их вынудили обстоятельства.

Делегация объединилась, собралась возместить ущерб не только монетами, но и

помощью, столы, стулья, все вернули в норму, расплатиться по счету за разруху обещали, как только тетушка все подсчитает. Тишина и дружба, хоть на время. Достигнуто понимание, обед продолжился. Не все восстановили слух, общаются жестами. На меня смотрит тритон, осьминог, в их ушах стук и даже сгусток крови. Досталось им знатно. Но все вернулось, как было. Даже перепалка осьминога и тритона. Я сидела рядом с этими двоими и слушала их ругань. Делегация не обращала на нас внимания, ела и разговаривала о своем. И лишь раз приезжие гости посмотрели на них, когда страж сказал что-то про детей и активные поиски. Тогда-то они поняли к кому шли, и что их надежда в поисках могла пострадать. Подошел представитель клана «Касаток». С поклоном и вопросом:

— Получается, вы Сальмир Ваэ, глава стражей города?

— Именно, — сказал тритон, все еще настраивая слух.

— Мы не знали что это вы, когда нападали, — повинился касатка. К нему присоединился еще один представитель тритонов, из клана акул. Просил прощения:

— Приносим свои извинения, главе стражей, — все подошли к Сальмиру и попросили прощения за поведение. На что тритон сказал:

— Вы должны были придти в отделение, а не заседать в трактирах. Поиски детей дело важное, если не будем действовать вместе, так никого и не найдем, — с ним соглашались, говорили что они собирались его искать как только поедят, — шли бы сразу ко мне в отделение, проблем бы не знали, — сказал тритон, — и на счет детей у меня нет идей, — смотрит на меня, — а у тебя, Тасси?

— Идей кто все это проворачивает — нет, но могу попросить своих воспитанников, возможно, они что-то видели или слышали. В нашем городе тоже были пропажи. А дети с улиц очень внимательны. Так что я поспрашиваю, — и как раз ко мне шла девочка. Та самая, нашедшая Урсула, пришедшая ко мне с просьбой помочь. Поклонилась Урсула, Сальмиру и показала с кем пришла. Она привела еще девочку, но странную. Внешне она не похожа на беспризорника, скорее на благородную.

— Это же! — показал тритон, — дочь клана «Серебряной бабочки». Она пропала одной из первых в нашем городе, — увидев родственницу подбежал и хотел до нее коснуться представитель рода бабочек, как я скомандовала:

— Не трожь, — его рука замерла.

— Почему? — смотрит на меня воздушник.

— Смотрите в ее глаза, — а у нее их не было, зато были два кристалла, черные, сверкающие, от них несло магией, — это уже не она, точнее, она под контролем, — показала на кристаллы, — это подаватели разума, — знаю, так как это раздел магии, тесно связан с внушением. Плетения похожи. Я изучала все что связано с голосом и магией подобного рода. Так что в этом я разбираюсь.

— Откуда знаешь? — спросил тритон.

— Как вернуть ей разум? — спросил Урсул.

— Читала, у меня сам знаешь какая магия, — тот кивнул, — а вернуть... — задумалась, вспоминая ту самую книгу, в которой описаны обратные воздействия. И кое-что в голове промелькнуло. Рискованно, но есть надежда вернуть девочке разум.

— Есть способ уничтожить эти кристаллы подчиняющие разум? — смотрел Касатка с надеждой, как и бабочка из рода «Серебристых крыльев». Я думала и пришла к выводу что должно сработать. Хуже точно не станет.

— Возможно, — и сняла артефакт, тут же запротестовал Урсул, сказал что это опасно, я

только что использовала магию голоса, силы не восстановились, а тритон просил повременить, не к спеху. Но мы не знаем этого наверняка. Возможно время идет на часы, а может минуты. Промедление не сыграет нам на руку. Все отговаривали меня использовать опасную магию, а змей из «Белой розы» понял, кем я являюсь, так как сказал:

— Это их конек, — главное не перепутать тональность, а то я ей мозг поджарю и расплавлю. А за это меня тут же поведут на плаху. Выдохнув, настроила голос, подобрала нужную тональность, а потом направила крик так, что бы он дошел лишь до того, кто ей управлял. Ведь через кристаллы он видел все, как своими глазами, использует ее как марионетку. Нужно нарушить эту связь. Долго я тянула ноту, оставалось меньше минуты моего времени до перезапуска способности, когда кристаллы начали поддаваться моей магии. По всей поверхности пошли трещины и девочка, упав на пол, держась за голову, истошно закричала, а в ее глазницах треснули кристаллы. От них осталась лишь крошка. И я от истощения и усталости стала падать. Меня поймал Урсул.

— Ты как?

Я лишь кивнула и попыталась встать. Но мне не дали. Держали на руках. Девочка потеряла сознание и была унесена в лечебницу. А все смотрели на меня. Сил разговаривать не было. Артефакт я так и не надела. Но это не останавливало их от вопросов:

— Кто это сделала?

— Чего нам ждать?

— А кто вы такая?

И все в таком духе. Меня не отпускали, пытали вопросами. Лишь один понял, что я сейчас не отвечу, так как нет сил — это первое и не смогу — это второе. Не по моей части. От меня с неохотой отстали и отпустили. Урсул нес меня домой, рядом бежал Кешин, с радостными возгласами маму на ручках несут. Мы вернулись, меня уложили отдыхать, вручив в руки артефакт.

— Так что там все-таки произошло? — не унимался осьминог.

— Контроль разума, — пояснила я, — я не знаю кто, зачем и как, но точно знаю, что это и как уничтожить. Читала давно раздел по этой области. Моя стихия и все такое. Контроль может быть разным, от проклятия «Паразита», до банального голосового внушения. Тут что-то среднее. Камень вживлялся в глаза, и был чем-то вроде проводника, девочка жива, в сознании, но не может сопротивляться. А тот, кто ей управляет — видит, слышит и ощущает все то же самое, что и она.

— Много ты об этом знаешь, — сказал Урсул, — даже страшно становится, — я напряглась и спросила:

— Я подозреваемая?

— Нет. Просто знающая, страшные вещи и проклятия. Странная ты все-таки. Порой думаю, ты обычная, ничем не выдающаяся, а тут такие знания, умения, которыми мы с тритоном не владеем. В этой области не многие разбираются. И магией голоса кроме вас мурен никто не владеет.

— Так и должно быть. Вам не положено таким владеть и о таком знать, — сказала осьминогу, а тот в свою очередь хотел обидеться, — лучше скажи, вы договорились на счет корабля, узнали, откуда отходит и куда плывет?

— Как не странно, — сказал Урсул, смеясь над ситуацией, — он меня услышал, — было за гранью фантастики слышать подобные речи от осьминога в адрес тритона. Но я слушала, пока сын сопел мне в руку, обнимая ее, — мы договорились разобраться с контрабандистами

после отъезда делегации, — у меня уточнил: — не передумала присоединиться? — взгляд заговорщика, предвещающий торговцам экзотикой ничего хорошего. А я была готова к ним присоединиться. Столько всего вынесла, особенно попытку меня сварить, что непременно внесу свою лепту. Да и разрядка мне не помешает. Столько всего на меня свалилось, хотелось выдать все это пением, да так, чтоб был эффект. А лучший эффект — это пытка тех, кто причастен к похищениям.

— Не передумала. Я с вами, — как представляю, что с ними сделаю, так прямо прыгать хочется до потолка. Я им устрою оперу по муреновски, уши взорвутся, мозг расплавится. Заметив мой пылающий взгляд, который так и вопил: «Хочу мести!», как и уход в мысли, осьминог спросил:

— Ты там уже план мести строишь или репертуар подбираешь?

— Всего понемногу.

— Тогда давай отдыхать и завтра присоединимся к поисковому отряду как полагается, а не как сегодня. До сих пор в ушах шумит от твоего голоса, — и даже ухом дернул, — жуть какое страшное оружие, — улыбался Урсул, — массовое поражение обеспечено.

Обняв сына, слушая дыхание Урсула, и сопение Кешина, я провалилась в сон. Снилось ерунда, даже не запомнила, лишь ощущения того, что был сумбур и какая-то неразбериха. А еще мне снился морской дракон, он сидел в библиотеке, почему-то руки и ноги в цепях, как и длинный хвост. Все такой, же в хаори с разлетающимися рукавами и длинным расписным подолом. Мне показалось он встретился со мной взглядом, и слегка кивнул, но может быть он в тот момент смотрел на другого и кивал ему, но никак не мне. Кто знает, это же сон.

Отступление

Эксперимент всей моей жизни стоял под угрозой. А все из-за мелкой рыбки. Какая-то мурена одним лишь голосом смогла разрушить труд моей жизни. кристалл в глазах ребенка трещал. Надеялся до последнего, что у нее не получится и большее что сделает девчонка, расплавит мозг мелкой бабочке. Но она сильна и способна. Кристалл треснул и девочка стала свободна. Я лишился одних глаз. Но вынес из этого урок. Нужно усилить кристаллы, укрепить плетение. Сделать их неуязвимым к голосу мурены.

Кроме этого урока вынес еще один. Не менее важный. Мне нужно уничтожить тех, кто способен помешать плану. Тех, кто разрушает мою магию подчинения. Мурен, немых рыб, способных лишь на пожирание человечины и потопление кораблей. И что странно, девчонка необычная. Ее приняли в обществе. Не боятся. Нужно узнать от ней больше. А еще о тех, кто ее окружает. Увидел Урсула, главу чернильных, заметил Сальмира, главу стражей смежного города. А еще рядом с ней был ребенок, тот самый, сбежавший из-под моего надзора. Розовые волосы, золотые глаза. Мальчишка, наследник клана воздушных драконов «Бледной сакуры». Но ничего, я и его поймаю. А пока работаю над новым кристаллом, на который не повлияет голос мурены.

— Дядюшка, — зашла и застала меня врасплох племянница, принеся с собой запах цветов, — чем это ты занимаешься? Очередной камень в твоих руках превратиться в произведения искусства? — ты не представляешь как права. Но я ответил:

— Конечно, я же мастер, — она обняла меня и чмокнула в щеку. Сколько усилий мне стоило сдержаться и не скривиться. Ее запах меня раздражал, хотелось облить ее помоями или отработанным маслом. Но я терпел.

— И что это будет?

— Пока не знаю, — отвлекался мыслями о том, что предстоит работа и не стоит обращать внимания на взбалмошную девчонку, — в процессе это превратится в нечто, а пока руки просто делают, — мне нужно делать вид заботливого дядюшки, поэтому сказал: — лучше сестру навести, она там одна, ей предстоит заточение, а вынести такое не каждый способен. Поддержи ее.

— Дядюшка, — обняла меня на прощание, — ты самый добрый и мудрый, — чмокнула меня в щеку. Меня передернуло. Но она не стала продолжать нежности и ушла, унеся за собой тошнотворный запах цветов и атмосферу радости. А я продолжал работу. Ненавистная мурина получит сполна при следующей попытке разбить кристаллы подчинения, уж я об этом позабочусь.

Глава 4 «На поиски! Новые загадки»

Урсул

Утром, как и планировалось, состоялось собрание. Мы с Тасией пришли в отделение стражи, а там вся делегация полным составом. С каждого континента, по два представителя с суши и воздуха, а так же кланы морей и рек. Больше всего детей пропало у людей и в кланах птиц и змей. С суши, как рассудила Тассия, уводить проще. Не так привлекает внимание. А морских жителей и речных, для того чтобы похитить, нужны приспособления или артефакты, меняющие внешность. В противном случае, будет заминка и кто-то что-то увидит и плану настанет конец. Именно поэтому наших детей единицы, а вот сухопутных большая часть. С ней был согласен тритон, как и я, зато делегация, была возмущена тем, что какая-то мурена, без имени и племени рассуждает о детях, похищениях и вообще лезет во все это дело. Не место ей среди благородных.

— Не вмешивайся, мурена. Тебе нет доверия, такой как ты мы не доверим искать даже пропавших псов или кошек, — чуть ли не плевался в ее сторону змей. Именно с ним вчера у меня вышел конфликт в трактире, а все рядом сидящие его поддержали. Говорили, что я лезу на рожон. Когда он сам лично начал оскорблять Чернильных, говорить и припоминать то, за что ему при других обстоятельствах пришлось бы собирать зубы и сращивать кости.

— Я лишь высказал то, в чем уверена и ничего больше, — Тассия ушла от делегации. При этом была спокойна, ее не задевали слова кобры. Ей плевать. Она пришла со мной чтобы помочь найти детей. Кобра еще какое-то время выражал свое мнение, заткнулся лишь после моих слов:

— Тебе напомнить о важности собрания или сам вспомнишь? — руку окутали чернила, формировалось в заклинание «Чернильная кувалда». Тут же змей стусевался и ответил:

— Не стоит, — и забыл о нашем с Тасией существовании.

Не все думали о Тасии как о той, кому нельзя доверять, лишь змеи, особенный клан белых кобр. Вымирающий вид, так как никогда не отличались способностью держать язык за зубами. Всегда лезли на рожон и в драку. Не переваривают мурен, осьминогов. Да и что говорить и нет смысла перечислять, никого кроме своих сородичей не признают. Считают так, соседями, но никак не товарищами. А тут еще ком в горле, их змееныша увели с защищенной земли, прямо из-под носа, а какая-то падальщица, одиночка, без клана и рода, будет указывать что делать.

— Сия, лучше не лезь, — подошел, коснулся плеча, шепнул ей, — потом к Сальмиру подойдешь и скажешь, что хотела, — она кивнула, у нее была мысль, как найти детей, но она по моей просьбе не стала настаивать. К нам присоединились семьи, пострадавшие в этом городе. Всего три семьи, две из которых люди, а еще семья речных карпов. И что странно, выбирают детей вне зависимости от социального статуса. И еще, похититель не повторяется, каждое новое похищение — другой род, семья, клан. Даже люди, кажется, что особенного? Без рода или наоборот родовитые, не то что мы нелюди. Разнообразие кланов, родов, семей, видов, подвидов. Но он находит таких людей, в ком есть своя изюминка, это сила, внешность, наследственность, даже кровь, определенной группы.

— Значит, в вашем городе тоже пропадают дети? — спрашивал касатка, глава рода, семья Айсе. Мужик старше меня на три сотни лет, на посту главы тоже дольше меня и даже застал правление прежнего главы, был с ним в жутких отношениях, рядом даже не

проходили, летели чешуя и чернила. Пенная бухта именно поэтому и звалась пенная, и зовется до сих пор. Там во время сражений нашего народа и русалочье поднимается пена, а после смертей с обеих сторон все покрыто пеной, так как мы морские жители со смертью становимся пеной, частью моря.

— Да, у нас пропали двое детей из людского народа и один из клана речного народа. Все с разницей в три дня, — взял слово тритон.

— Они пропадают по всем материкам, — сказал кентавр.

— Мы делали запросы, в каждом городе, деревне один да ушел, — сказал Маэль, положив документы и листовки с зарисовкой пропавших детей.

— Количество перевалило за сотню, — сказал тритон, — и похищения не заканчиваются, — сказал и посмотрел на нас с Тассией. Она молчала, как я ее и просил. А сам задумался и в голове, что-то промелькнуло, ухватился за эту мысль. Всех растолкал, подошел к карте.

— Значит, похититель идет по определенному пути, — думал в слух, говоря о том, что заметил, — если взять карту нашего континента и всех остальных пострадавших получится определенный маршрут, — нарисовал пути на континенте воздушных кланов, получилась спираль. С центра, по кругу, расширяя радиус, маршрут огибал весь континент, и в каждой точке, а это точка силы, главный или стратегически важный город пропадали дети. Так было на всех континентах. Для наглядности продемонстрировал с картами каждого материка.

— Это что в итоге получается? — спросил воздушный представитель клана «Серебристых бабочек», — ритуал какой-то? Или какая-то печать? — на меня смотрели с надеждой. А я думал и рисовал то, что видел. Но получалась какая-то ерунда.

— Нет, — смотрел на все эти карты с нарисованным мной спиралями тритон, — скорее всего часть чего большего, — и решил соединить все на одной общей карте, но получилась какая-то ерунда, — не понимаю, — думал тритон, как и все мы, но Тассия смотрела и в ее глазах, увидел разгадку или мысль, спросил:

— Сия, ты что-то увидела?

— Да, — шепнула мне девушка.

— Расскажешь? — она отрицательно покачала головой со словами:

— Пока не разберусь сама, не скажу, — и ушла.

Я остался с тритоном и всеми гостями города. Смотря на спирали и карты, думали как быть. Собирались устроить экскурс в прошлое. Представители делегации решили вернуться в свои владения и поискать информацию, ведь разгадаем этот узор похищения отраженный на континентах, найдем детей. Договорились встретиться через несколько недель. Девочку из бабочек, которую освободила от чужого влияния Тассия воздушник забрал. Хотел поблагодарить девушку, но попросил это сделать за него, так как ее не было. Я сказал что передам ей слова благодарности. Касатка и акула поблагодарили меня за помощь в поисках. От остальных я слов благодарности не дождался. Оно мне и не надо. Главное, есть зацепка, разгадаем тайну спирали, разгадаем все остальное.

У меня и тритона другие заботы. Как и договаривались, собирались навестить контрабандистов. Пока он со всеми прощался, а я ждал Сию, обещающую придти, стоял и рассматривал карты. И глаз зацепился еще за одну деталь. О ней хотел рассказать тритону, как в отделение стражи вошла одна леди из моего клана. Припала на колени и просила найти сына. Обещал сделать все возможное. Она дала нарисованный ей портрет. Сказала, как зовут мальчика, и как давно он покинул клан и дом. Леди ушла, поблагодарила. А я

подошел к картам владений всех народов. Добавил на карту моря еще один штрих и получилась полноценная спираль. В море дети больше не пропадут. Здесь круг похищений полный. Хотел идти к Сальмиру, подходило время для оговоренного поиска, как увидел троих подчиненных, спрашивающих стражей об осьминоге, описывая мою внешность, им показали пальцем на меня, стоящего у карты.

— Глава! Вы живы! — кричал Арлин, — мы думали вас на суп пустили! — на них оглядывались, но тут же отвлекались на другие дела.

— Нет, Арлин, — спокойно ответил, подошедшему осьминогу, — мне удалось сбежать. Вырвался из сетей.

— Тогда почему вы не давали о себе знать? — упрекнул Истар, — мы вас искали, и даже поминальную службу заказали, — его кулаки сжимались, взгляд готов был меня испепелить, — и даже больше. Вы обосновались в городе под управлением тритона, — показал на Сальмира, — помогаете ему!

— Да, помогаю, — сказал не скрывая, — искать наших, которых увезли в пустыни и Создатель знает, что с ними сделали. А еще похищенных детей, не только русалочьих, всех, даже человеческих, — на меня смотрели подчиненные, — дети не виноваты в том, что мы осьминоги и они русалки не можем друг друга переваривать!

— Глава, — обратился ко мне Ральтар, самый спокойный из троицы, — мы все понимаем и не требуем от вас докладов, но могли хотя бы весть подать что живы, — с этим согласился, признал, что и правда не дал о себе знать, а еще спросил:

— А стоило ли? Скорее всего, власть к рукам уже спешит прибрать Вильяр, он не упустит случая вылезти и натравить всех против меня, — тут троица опустила голову и я понял, слова мои оказались правдой, — значит, так оно и есть. Пост главы занял он, — тут они синхронно мотнули головами, а Арлин спросил:

— И вы так просто все это оставите?

— Нет, конечно, — и тут входит Тассия, — у меня другие планы, на первом месте найти похищенных братьев, дальше разобраться с похищением детей, а потом скинуть Вильяра с моего места и править дальше. Это понятно?

— Да, глава!

— Как угодно, глава! — поклон троих подчиненных, и вопрос Ральтара: — а кто эта девушка? Глава на нее глаз положил, — не спрашивал, а говорил конкретно. И что утаивать, да положил и хочу добиться ответных чувств. Но это все будет, не сразу, но надеюсь, будет. Я не ответил, но по взгляду понятно, так оно и есть. Подчиненные удалились, Ральтар смотря на меня и Тассию, при этом улыбаясь. Но не долго, пока не узнает, кем она является. Но это буду решать тогда, когда понадобится, а пока мы с Тассией и Сальмиром собирались навестить тех самых контрабандистов. Девушка оставила Кешина на дриаду Сателлу, а сама настроилась петь так, чтоб у похитителей уши кровью истекли, так она мне сказала. День пути и мы в городе порталов. Для нее это первый осознанный портал. Я держал ее руку, когда переходили воронку портала к морским владениям. Хотел увидеть ее в русалочьем облике. Утонуть в глазах и запутаться в волосах, знаю, что у мурен они длинный. У нас и русалок все наоборот. В человеческой форме их волосы короткие, а в русалочьей длинные, у нас в человеческой форме волосы длинные, в морской короткие, едва достающие до ушей, а еще меняется цвет. Мои волосы светло-сиреневые, а не черные. У всех осьминогов так. Это наша особенность и никто не знает почему. Лишь предположения. В предвкушении пути и поиска мы зашли в воду.

Тассия

Мы с Урсулом и Сальмиром отправились за головами контрабандистов. Кроме нас троих никого не было. Не стали привлекать кого-то еще. Сами со всем разберемся. И собирались добираться естественным путем, вплавь. По реке, выходящей в океан. Я увидела наконец-то истинную форму Урсула, восстановленную от полученных повреждений. Черно-фиолетовые щупальца, серо-фиолетовая полупрозрачная кожа с блуждающими чернилами под ней, полноценные ракушки и кораллы, украшающие его талию, руки, плечи идущие вдоль по позвоночнику и лопаткам. А так же корона из чернил. Белые с сиреневым отливом волосы, острые уши. И волосы как объяснил Урсул в этой форме всегда короткие. Это наше с ними отличие. Я не спорила. Наблюдала за сменой внешности Сальмира. Тритон в своей морской форме тоже красив. Длинные черные волосы, чешуя по шее, щекам, плечам, на руках когти и перепонки, ушки словно плавники с красной окантовкой, мощный хвост черный с идущими от талии, как и вдоль позвоночника плавниками. Накаченное тело, мышцы и пресс. Заглядеться можно. И я со своим облезлым серым хвостом, страшными, рваными плавниками, идущими от лопаток по позвоночнику, на талии и бедрах, загнутыми, длинными когтями и светящимися в темноте глазами. Из достоинств это длинные черные волосы, в них я путаюсь. Но плыву дальше.

Сальмир предупредил нас, о морском драконе Шиоре, он не любит, когда без спроса заходят на его владения. Море в определенном месте общее, так сказать общие земли, никому не принадлежащие, но есть вероятность не заметить его владения, ту самую границу между его владениями и бесхозными землями, попасть в его личную часть моря, а там прилагается суша, замок и лес. Драконов моря осталось не много. Их территория не большая, но весьма важная. Забредешь без разрешения, накликаешь на себя беду. Так что нам нужно проплыть в определенном месте.

Как сказал Урсул, Шиор очень щепетилен, в вопросах касающихся территории. Он столкнулся единожды с морским драконом по этому поводу, и больше нет желания. Он силен и в одиночку может разобраться с целым отрядом. Так что мы, приняв истинный вид, плыли под чутким руководством осьминога. Он помнил места его владений и знал где плыть можно, а где нельзя. Все продумал, маршрут до мельчайших подробностей, с поворотами, сменой направления, но не учел одну деталь, моих сородичей.

Девы с голосами, потопляющими корабли, затуманивающими разум, устроили концерт. Мы поднялись на поверхность, нашли место, откуда льется голос. Увидели, как три красавицы, устроившись на рифе, распустив волосы, украсив их звездами, ракушками и водорослями, пели и зазывали корабельщиков. В унисон, одна за другой, затягивали мелодию, направляя всю энергию руками, притягивая к себе моряков. И на их голос шли корабли, два, если точно. И один из них наш. Как сказал Урсул:

— Если не поможем, не узнаем где наши собратья, — мы с ним согласились. Пришлось разделить обязанности. На мне сестры по клану. А мужчины остались разбираться с кораблями. Пытались отвлечь их. Но голоса дев моря сильны и мужчины бросили попытку достучаться до их разума. Я плыла к девушкам, не привлекая внимания, но не осталась незамеченной. Они пели по очереди, при этом умудрялись со мной общаться, при помощи пения:

— Кто ты? — тянула одна. Длинный хвост мурены, темно-зеленого цвета, черные, как вороново крыло волосы, раскосые голубые без белка глаза с черным вытянутым зрачком, в ее

волосах ракушки, а на груди шрам от когтей, три полосы, рассекающих грудную клетку.

— Откуда ты? — пела вторая. С таким же темно-зеленым хвостом, раскосыми глазами и черными волосами, в которых были вплетены нити с жемчугом, шрам от когтей был и на ней, но рассекал бок под сердцем, как и нижнюю губу.

— Как тут оказалась? — совсем не похожа на двоих, длинные волосы черны, но видна седина в прядях, в волосах ничего кроме водорослей, а хвост темно-серый, шрамов на теле нет, но есть тату под грудью, означающую рабство. Она была чьей-то рабыней. А раз она на свободе значит сбежала. На меня смотрели деву моря и ждали когда отвечу.

— Меня зовут Тассия, оказалась здесь из-за того корабля, — показала пальцем в определенный, на корме которого изображалась морская дева с ведущими ее дельфинами, — он увозит морских жителей в пустыню как наложников в гарем или ингредиент в экзотические блюда, — девушки замолчали и переглянулись, а потом показали на воду. Говорить в воле мы можем. Опустились под воду, они смогли спокойно говорить. Разговор начала старшая русалка:

— От нас что хочешь?

— Ничего, просто нам нужен этот корабль целиком, точнее его капитан и команда, — улыбка троих и моя, — мы вытрясем из них все что нужно, а потом, узнав, где наши братья, отправимся на их поиски. А с кораблем и командой делайте что хотите, — они переглянулись и сказала вторая, со шрамом на боку и губе:

— Мы хотим помочь, — я уточнила, в чем именно, — в поиске наших морских братьев, — и рассказала, — наших сестер тоже не обошла стороной эта участь. Троих похитили три недели назад, а еще пятерых два месяца назад, — сказала девушка, — мы хотели у тех самых моряков выпытать все, что им известно.

— Мы не топим корабли, не убиваем и не едим людей, — сказала старшая, — но хотим отомстить за сестер, с которыми жили столетия, пели, искали жемчуг, грелись на скалах в лучах солнца, — опустила взгляд.

— А если их нет. Что тогда? — спросила я.

— Мы отомстим, — сказала старшая.

— А соль или пену сестер похороним, — сказала со шрамом на груди.

— Думаю, нам стоит поговорить с моими спутниками, — предложила я. Они удивились, но плыли за мной. На меня и плывущих мурен смотрели Урсул и Сальмир. Они лишь взглядом спрашивали, что я творю. Пояснила: — у них пропали сестры, похищены теми же контрабандистами, — мужчины смотрели на мурен и на меня, Урсул спросил:

— Рыбка, ты уверена?

— Да, — сказала я, — они хотят помочь, и с их голосами достать информацию из тех пиратов будет легче. Одна мурена хорошо, а четыре лучше, — посмотрела на девушек и улыбнулась, как и они мне. Но смотря на мужчин мурены побаивались сказать слово. Я говорила за них. Выслушав доводы, Сальмир принял решение в пользу девушек:

— Тогда за них отвечаешь ты, — сказал тритон, показав на меня.

— Договорились, — сказал я, — мое имя Тассия, как вас зовут? — девушки по очереди представились:

— Юйши, — сказала мурена в волосах которой ракушки и на груди шрам от когтей. Мне показалось она самая молодая, и бесстрашная, раз посмотрела на Урсула и ему подмигнула. Тот не остался в долгу, одарил ее хищной улыбкой, тут же девушка стусевала и спряталась за спину второй мурены.

— Линьер, — вторая мурена в волосах которой нити с жемчугом, а шрам на боку и на губе, она смотрела на тритона. Их взгляды пересеклись. Но Сальмир быстро отвел в сторону и лишь фыркнул.

— Иньзцы, — сказала старшая мурена, смотря на меня. Я кивнула, выражая благодарность за помощь. Как и тритон с осьминогом. Они так же называли свои имена. Когда мурены слышали, кто есть кто, тут же запаниковали, но все из-за того, что выдающиеся властные личности общаются с такой как я. Не просто так, они опасались, что я в опасности. На что Урсул сказал:

— Она не такая как вы, — и даже взял меня за руку, — не удивляетесь.

— Нам не до этого, — сказал Сальмир, — спросим контрабандистов и на поиски похищенных, — показал на девушек, сказав мне: — расскажи им, как действуем и приступаем, — я кивнула и ввела их в курс дела. Они слушали и улыбались шире и шире, особенно после подтвержденных слов Сальмира об уничтожении корабля и всей команды. Урсул не удивился, как и тритон тому, что девы с удовольствием споют контрабандистам последнюю песню, а потом потопят корабль со всей командой.

К делу приступили не медля. Чернила Урсула замедлили корабль, а водные пути Сальмира держали судно, пока мы не взобрались на борт. Сменили облик на человеческий. Капитан и команда хотели соскочить под дурачков, мол, в чем проблема, чем обязаны, но Урсул тут же приставил черный трезубец к горлу капитана со словами:

— Говори! — острое упиралось в кадык, одно не верное движение и будет кровь. Капитан забыл как дышать, лишь смотрел на оружие и его владельца.

— Чем могу помочь, господа? — все еще держался бодрячком капитан пиратов. Но во взгляде читался страх, по виску стекала струйка пота.

— Куда вы увозили русалок и осьминогов? Кто покупатель? Координаты! — спрашивал тритон. Но капитан и команда молчали, на вопросы отвечать не хотели. Им не выгодно раскрывать своих нанимателей и прекращать поставки. Свой бизнес надо отстаивать до последнего. Я их прекрасно понимаю. Но это кровавый бизнес. Торговля людьми никогда не держится на плаву долго. Кто-то это дело потопит. Видя, что контрабандисты не хотят говорить, Урсул сказал:

— Не хотите по-хорошему, тогда будет по-плохому, — и посмотрел на меня и девушек, — у нас есть те, кому вы все скажите, а если не скажите, тогда умрете, страшной смертью, — посмотрел на мурен и меня. А я кивнула девушкам и мы приготовились петь, направляя голос и силу в команду и командира, который поняв, кто мы такие, взмолил:

— Только не мурены! — но было поздно, наши голоса уже звучали и песня истины текла в уши команде. Урсул и Сальмир заблаговременно отгородились от наших голосов. Так что музыка истины на них не повлияла. Зато она сработала как надо на пиратов. Пусть и не сразу, но эффект квартета возымел действие.

Они старались сдерживаться, не пускать звук, не слышать, затыкать уши пальцами, но четыре голоса слились в один голос силы, вытягивая и поднимаясь все выше и выше. Урсул и Сальмир стояли, как нив чем не бывало, а вот команде не повезло и всю прелесть пения мурен они испытали на себе. Из ушей уже текла кровь, как и из носа, осталось лишь закончить петь и услышать ответ.

Так и произошло. Стоило нам закончить петь, капитан не слыша своего голоса, сказал кому и куда он увез всех пойманных морских жителей. Просил лишь не давать нам петь. Урсул улыбался и говорил, что наше выступление оказалось и впрямь плодотворным. Если

бы со всеми муренами можно договориться и использовать в таких целях. Но это лишь смех. Таких как я по пальцам пересчитать. И чудо что девы согласились отступить и нам помочь. Другие не стали бы напрягаться. Сделали то, что собирались и плевать хотели на похищенных.

Информации было достаточно, теперь с ними можно сделать все, что заблагорассудится. А именно отдать муренам на растерзание, я обещала, а тритон согласился. Девушки обещали нас догнать, а пока исполнили задуманное. Мы уплыли, Урсул улыбался, но не говорил по какому поводу, лишь смотрел на меня и мурен, возвращающихся к скалам. А потом мы услышали голоса команды, они умоляли мурен отпустить их, обещали отдать все свои богатства и не появляться в водах, завязать со своей деятельностью. Но девушкам не нужны богатства и обещания, им нужна месть за сестер. Корабль, который плыл на голоса, шел прямо на скалы, рифы, трещал и рушился. И через несколько минут треск мачты, всплеск и крики о помощи, а потом пение стихло. Нас догнали девушки, довольные, улыбающиеся.

— Наши сестры отмычены, — сказала старшая, и спросила: — не хочешь стать одной из нас? Мы не творим беспорядок, не едим людей, не топим корабли, — и показала на потонувший, — это первый в нашей бухте затонувший.

— Я не могу, — сказала, — у меня ребенок и работа.

— Ребенок? — принялась Юйши, взяла меня за руки, касалась волос, плавников, кружила около меня, — от тебя не пахнет ребенком, только им, — показала на Урсула, — а еще драконом, мальчиком, — и тут поняла, — ребенок приемный!

— Да, дракон мой сын, приемный, — а посмотрев на Урсула ничего не сказала, но Линьер спросила об осьминоге, наших отношениях, пришлось ответить: — пока не определилась, — и отвела от Урсула взгляд, но заметила улыбку. Сволочь он.

— Не упusti, — шепнула Иньзцы, показала на Урсула, — он смотрит на тебя и никого другого не замечает, — я кивнула и обещала ей и самой себе подумать.

В данный момент меня не это волновало, а то, как мы будем добираться до пустыни. А еще как выживем, ведь мы морские периодически должны бывать в воде, иначе кожа сохнет и силы иссякнут. Сальмир сказал, что и это продумал, когда строил план по освобождению жителей моря из плена.

— Написал кое-кому письмо, если его сердце не совсем заледенело, а мысли еще не полностью ушли в темноту, и душа не потеряла прежний свет, он откликнется.

— Кого ты позвал на помощь? — спросил Урсул.

Но Сальмир не собирался отвечать. Мы вышли на сушу. Идти нам до окраин с землями орков. А это почти сутки. Вопрос другой, как нам все это время продержаться. Мы морские долго в пустыне не выдержим. Продумал тритон и это. Но как и на вопрос о помощнике отвечать не собирался. Сказал лишь, что это не наша забота.

Наш путь по воде закончился в землях степных. Здесь правили в основном ящерицы и пауки со змеями, отдельный вид, королевские кобры из клана «Терновник». Клан кобр затворники, редко показываются и ввязываются в неприятности или дела их не касающиеся. Пауки, как и мы мурены одиночки, вьют гнезда лишь в брачный период, остальное время просто качуют, хорошо переносят жару, знают пустыню вдоль и поперек, часто устраиваются проводниками. Как и ящерицы. Но у этих есть кланы, мелкие, не значительные, о которых знают лишь жители пустынь и степей.

И когда мы прибыли на земли степных народов, нас нагнал помощник. Им оказался

Шиор, который отозвался на зов Сальмира о помощи. Все это время они переписывались с помощью заговоренного блокнота. Тритон сообщал, куда мы направляемся и где нас искать. А пока мурены топили корабль, написал точные координаты поиска. Тенью он парил над нашими головами. А потом приземлился, осмотрел группу, а именно меня и мурен со мной. Урсула и тритона, сказав лишь одно:

— Моих сил на всех не хватит, — посмотрел на мурен и сказал, — девушки, возвращайтесь, вам не место здесь, — они не стали спорить с драконом, себе дороже, поэтому ушли. Звали к ним в гости и просили сделать все, что в моих силах лишь бы вернуть сестер домой. И не важно, в каком состоянии. Я пообещала сделать что в моих силах. Каждая меня обняла и пожелала удачи. До реки день пути, не заблудятся.

Мы под покровом Шиора шли по указанному контрабандистами пути. По словам дракона, путь нам предстоит не близкий, поэтому просил сделать все быстро. Найти, забрать или похоронить, и всем воздать по заслугам. По подсчетам Урсула и Сальмира, идти почти три дня, а там первая точка доставки. А после еще три, вглубь пустынных владений. И эти три дня мы шли едва-едва передвигая ноги. Если бы не помощь Шиора, неизвестно чем бы все закончилось. Он выпросил у небесного владыки две недели вдали от дома. Просил за это время все решить. Мы пообещали сделать все возможное. В противном случае он нас оставит и вернется в свои владения.

Неделю спустя

Мы шли к последнему городу, в который поставляли наших собратьев контрабандисты. Остальные три города и покупателей мы навестили. С теми братьями, кто был поставлен в эти города, мы попрощались и проводили в последний путь, поминая лишь добрым словом. Собрали их останки, обещая придать морю. В банку я собрала соль оставшуюся от тел трех мурен, которых искали Юйши, Линьер и Иньзцы, ради которых они потопили тот самый корабль. Тела их сестер, были распяты на главных воротах в город. Мы не успели, их казнили три дня назад, повесили без воды, медленно умирать. За эти три дня они высохли и заживо сгнили. Мы пришли к телам, похожим на мумий. Протянула руку и от касания они рассыпались, оставив лишь соль.

— Их не удалось спасти, — сказал дракон.

— За что их так? — спросила я, по щекам текли слезы, в руках соль оставшаяся от сестер. Мне рассказал прохожий, сутулый, с белой бородой и коротким хвостом волос, в старой, рваной одежде, зашитых в нескольких местах сандалиях, смотрящий на столбы для казней с сожалением:

— За то, что отказались петь, — продолжал свой рассказ старик, — господин приказал нарядить привезенных из-за пустыни девушек в прозрачные тряпки, выставить на всеобщее обозрение как блудниц, невольниц, клеймил их на главной площади, сделал рабынями перед всеми подданными, девушек перенесли все стойко и молча. Но не проронили и слова. Петь отказывались. Получали плетью и кнутами. Господин думал, что они сломаются. Ждал. А несколько дней назад в городе объявили важный день, прием Владык пустыни. Стекались со всей пустыни важные гости, вельможи, падишахи. Господин лично пришел в их покои, приказал выступить перед гостями, а они отказались. Вышли в своих нарядах, и пропели лишь одну фразу. Перед всеми гостями прилюдно оскорбив его, нарекая его невежей.

Сидя у столба для казни я плакала и прижимала к груди соль сестер. Меня вело дальше лишь желание поквитаться с тем, кто их убил. Падишах этого города понес наказание, как и

все до него. Он не стал исключением. Всех постигла расплата. Из всех пойманных морских жителей, в городах, что мы посетили, никто не выжил. У морского народа есть гордость и честь. Они не соглашались быть частью гарема. Их принуждали, не разрешали ступить за пределы дворцов и поместий. Они должны были постоянно посещать постель своего господина, ублажать его, лишь бы тот дал ему или ей возможность побывать в воде. В противном случае пытка жарой и пустыней, смерть в муках. Как тех самых мурен.

Никто не выбрал роль наложника или наложницы. Все придавали себя пытками и казни. Никто не прогнулся под человека, не лег в его постель, забыв о гордости и чести. Лишь одна девушка, из рода скатов осталась в живых. Она предпочла выбрать участь рабыни и наложницы, а не умирать под лучами палящего солнца. Но у нее был план. Его она реализовала с нашей помощью. Вонзила кинжал падишаху, купившему ее, в сердце. Стала свободной. Получив свободу, она погибла, ушла в пустыню, сказала, так очистит свою душу и тело. Рассыпалась солью, на наших глазах. Мы ее проводили добрыми словами и чаркой вина.

Все те, кто покупал невольниц из морей, были людьми. Не одного представителя пустынных нелюдей. Лишь человеческие владыки пустыни. Им хотелось разнообразить свою сексуальную жизнь, кем-то не похожим на них. Владеть экзотикой. Последняя точка поставок, город человеческих земель, владения падишаха Мусаила, сына Ваармина, владыки пустынного народа, хозяина песков и оазисов. Простой человек с замашками и высокими требованиями. Но каких бы титулов не напридумывал, обычный вельможа с запросами. Мужчина в возрасте, с животом, лысиной и кривыми зубами. Был бы красавец, возможно и смотрелось бы его расшитая золотом одежда как на истинном правителе пустыне, а так он больше на клоуна похож, чем на падишаха.

Думали, очередные принуждения, подчинения, а тут нечто совсем выходящее за рамки этого мира. Не гарем он украшал русалками и тритонами, а создавал океанариум. Специально для потехи себя и своих привилегированных дворян построил отдельный замок, на каждом этаже и крыле этого замка он держал одно из морских жителей, будь то тритон, русалка, осьминог, даже скат, все плавали в воде, но в неволе. Были скованы цепями и ограничены в передвижении. Аквариум был рассчитан на определенные силы морского жителя, учитывались слабости, при создании. Каждый аквариум — это артефакт, сдерживающий морского жителя. Блокировались все способности, даже пение мурены не сработало, а она старалась, пыталась за это лишилась голоса окончательно.

Мы стояли около ее аквариума, она одним лишь взглядом просила закончить все ее мучения. Он заткнул ее, так сказал, смотря на ее голубые без зрачка глаза. Ее шея перевязана бинтами, виден шрам от вмешательства. Сальмир теребил его за воротник, но падишах не видел ничего плохого в том, что сделал. Сказал:

— Она так достала своим воем, что мне пришлось прибегнуть к операции, — он перерезал ей голосовые связки и она замолчала навсегда. Даже плакала девушка молча. Жить ей после всего сделанного не хотелось. Она просила ее отпустить и дать рассыпаться солью.

— Как нам быть, Шиор? — спросила у дракона, смотря на всех тех, кто томился в аквариумах. Он пожал плечами и не придумал ничего лучше, кроме как перенос каждого в ограниченной бочке с водой. Предложил нанять караван и перевезти всех к воде именно таким способом. Другого выхода он не видел. Все сидящие в аквариуме были опрошены, согласны ли они на такой способ, все в один голос говорили:

— Мы согласны, — единое мнение похищенных.

— Я на все готова, — сказала девушка из осьминогов, смотря на Урсула, — господин, я хочу вернуться к ребенку и супругу, — она плакала, по лицу текли черные слезы, смешиваясь с чернилами.

— Как и я, — говорила девушка из русалок, с ней соглашались остальные:

— Да, мы готовы на все, лишь бы вернуться, — слышался голос тритона из клана «Белых акул», — так что я готов просидеть неделю в бочке, лишь бы дома оказаться.

— Не важно каким способом, — сказал русал из угрей, — главное домой.

Все поддержали решение поехать караваном в бочках. Осталось лишь найти такой караван и заплатить. Тут проблем не возникло. Казна того самого падишаха в наших руках, как и его сердце. Ведь воспротивься он нам, его сердце станет трофеем Урсула и Сальмира. Он отдал нам нужную сумму, лишь бы мы больше не приближались к его владениям. Но не все сюрпризы для него на сегодня были раскрыты. Когда мы поместили всех пленных по бочкам, а я попросила заткнуть уши, была совершена моя окончательная месть. Чтобы он знал, какого это, разрушенные мечты и судьбы. Хотелось бы и его посадить в эти треклятые аквариумы, но у меня куда приземленные планы.

— Ты уверена, рыбка? — спросил Урсул.

— Да, — меня не отговаривали, лишь просили:

— Не трать много сил, — рука дракона на моем плече.

— Нам еще домой добираться, — напомнил тритон.

Кивнула и отпустила силу. Мой «Вопль души» разнесся по всему замку, уничтожая все аквариумы, рассыпая стекло и сдерживающие артефакты на мелкие осколки, хлынула вода, затопляя все залы и коридоры. На меня смотрели все пленные и союзники с облегчением, благодарностью, а с желанием убить тот самый падишах. Повернулась в его сторону, сказав:

— Это расплата за то, что лишил воли морской народ. Молись Создателю, и благодари мою покровительницу, что я не убила тебя, — сказала и смотрела на Урсула, тот меня поддерживал, — а могла. Не хочу марать руки кровью, такого отброса как ты.

— Мурена! — плюнул падишах, — моя бы воля, истребил вас всех! — ег руки тянулись ко мне, с желание сжаться на шее. Я стояла на месте, зная, руки у него коротки и до меня не достанут. Одним движением его вырубил дракон, взвалив в одну из бочек, сказав, что мы по пути его выкинем и оставим в пустыне, пусть сам добирается. Его владения, вот и карты ему в руки. Пусть побудет в шкуре тех, кого пленил. А пока пошли на площадь в поисках каравана. Со мной рядом шел Урсул, держа за руку, сказал:

— Рыбка, твой голос просто нечто!

— Поддерживаю, — сказал тритон, смотря на меня и осьминога, как и все его сородичи, даже дракон, но у того мина как кирпич. Ему все равно, лишь бы успеть вернуться на свои земли в положенный день. В противном случае с него спросят.

— Домой хочу, — сказала я, и меня поддержали все.

Караван нашелся и откликнулся быстро. Особенно за тройную цену. Повозка для бочек и сам караванщик был готов через пол часа, мы заплатив за дорогу вышли в путь. Перед глазами стеклянные стены, наполненные водой, и плавающие в цепях, без возможности выйти морские жители. Все, не важно кто, русалки, осьминоги, скаты, даже угри, все они подверглись унижению и насилию. И ссылка в пустыню самое меньшее из возможных наказаний для падишаха, заточившего их на долгие недели, а кого-то и на годы.

Через неделю мы добрались до окраин пустынных земель. Караван поблагодарил нас за

щедрое жертвование, мы заплатили в тройном размере. Деньги все равно не наши, так что нам не жалко. За это время ничего особенно с нами не произошло, за исключением проклятий и желаний заблудиться и утонуть в зыбучих песках. Падишах, которого мы бросили среди барханов, без еды, лишь с сосудом морской воды, кричал нам в дорогу рекомендации и пожелания. Но на это внимания не обратил никто, шли дальше. Караванщики не задавали лишних вопросов, аккуратно везли бочки и старались идти как можно легче и плавнее. Подойдя к границе, за день до воды, все пленные приняли человеческий облик. От длительного нахождения в воде, без возможности перейти в человеческое состояние, пленные не сразу встали на ноги и смогли идти. Пришлось, как детям учиться ходить заново. Не так долго, но все же. Два дня у них это заняло.

Дракон нас покинул, мы поблагодарили за оказание помощи и вернулись каждый в свой клан, за исключением меня. У меня клана нет. Но я хотела навестить мурен и рассказать, что стало с их сестрами. Меня встречали с печальным взглядом, так как понятно, раз одна, сестры не выжили. Все им рассказала, особенно про девушек казненных, но не сломленных и не покоренных, они ругались, плакали и обнимались, в том числе и со мной. Были благодарны за то, что я выполнила обещание. А именно принесла их останки. От морских жителей после смерти остается или пена, если умер в море, или соль, если умер на суше. Ее я и принесла. В стеклянной банке, отдала девушкам, чтобы те развеяли ее над скалой.

— Присоединяйся, — сказала старшая мурена Иньзцы, — ты тоже часть нашего народа. Ты принесла их останки, значит ты наша семья.

— Отныне ты наша сестра, — сказала Линьер, — можешь не плавать с нами, не загорать на скалах и не искать жемчуг и ракушки, но просто навещай нас иногда, — просила русалка.

— А если с сыном познакомишь, мы тебе благодарны будем, — сказала Юйши, сыну подарили гребень из раковины редкого моллюска, а мне нитку с жемчугом, — пусть по волосам, это наш отличительный признак от других мурен, видя эту нить все будут знать, чья ты сестра, — я приняла подарок и повязала в волосы. Ко мне подплыла старшая мурена, протянула раковину со словами:

— Захочешь увидеть нас, сыграй на ней, мы приплывем, куда бы ты нас не позвала, — я приняла ее подарок и простилась с ними. Мне нужно к сыну. Он скучает по мне, так я думаю. Русалки проводили меня песней, я на прощание спела в ответ. Город принадлежащий драконам воздуха, с порталами во все стороны и на все континенты, мгновение, переход, я оказываюсь в соседнем с нами городе. Пол дня пути и я дома.

Пошла к Сателле в лечебницу, но мне сказали она на вызове. А когда спросила про ребенка, узнала, что он с Марикой. Вернулась в квартиру с улыбкой. Марика забрала сына от Сателлы. Они договорились сидеть с ребенком по очереди. И сегодня очередь подруги по трактиру. Кешин встретил меня радостными воплями:

— Мамочка вернулась!

— Вернулась, — протянула ему подарок русалок, гребешок из раковины, который он тут же взял и стал расчесывать волосы, — Марика, спасибо тебе, — она обняла меня и сказала с возвращением. А еще новости на счет пропавших детей. Просила подробнее.

— Нашли пятерых, точнее они сами пришли. Из первых похищенных. Все воздушники. Полный набор с воздушного материка. Как и та девочка из рода бабочек, эти дети были под контролем. В их глазах черные кристаллы, их связали и заперли, никто не может справиться с этими кристаллами. Ждут тебя.

— Откуда про меня знают?

— Кто-то из делегации приехал забрать детей и проговорился про тебя, какой-то тритон рассказал, как некая мурена освободила детей от влияния этих самых кристаллов. И что нужно запереть детей, пока ты не вернешься.

— И кого мне благодарить за распускание слухов? — вопрос риторический, и без ответа. Но не долго. Узнаю кто обо мне рассказал, простыми словами не отделается. Ю петь буду.

— Не знаю. Сальмир еще не вернулся.

— А где он?

— Говорят, напали на след еще похищенных. Так что отдых тебе, Тасси не светит.

— Я и не думала отдыхать. Пошли, Кешин, помогать девочкам и мальчикам, — протянула ему руку, а он с улыбкой взял меня за руку и пошел в отделение стражи.

Марика вернулась в трактир, а мы с Кешинем шли к Сальмиру в отделение. Как и говорила девушка, тритона на месте не было. Не успел вернуться из пустыни, уже ушел в другую работу с головой. Пропавшие дети важнее отдыха. Я согласна с тем, что отдохнем потом. В отделении были его заместители, Арон и Маэль. Увидев меня с ребенком, пропустили и сказали, где держат детей. Сын просился со мной, но я попросила кентавра и дракона присмотреть за ним. А сама шла к детям. Их заперли в комнате, без окон, лишь кровати, на которых они послушно сидели и ждали.

Когда я пришла, увидела детей с такими же глазами как и первой мною освобожденной бабочки. Они не смотрели на меня. Сняла ракушку, настроила голос на нужную волну. Попробовала петь ту же песню, легкую, разрушающую лишь кристаллы. Но она не сработала. Кристаллы остались на местах. Даже не треснули. Дети на голос не среагировали. Головы не повернули. Думала над тем как мне извлечь эти кристаллы. Пришла к выводу, песню надо усилить и настроить на более обширное направление, а еще поменять мелодию. И уничтожать не по одному, лучше все разом, а то мало ли оставшиеся под внушением на меня нападут. Так что надела ракушку обратно на шею и попросила:

— Давайте возьмемся за руки и встанем в круг, — дети последовали за мной, встали в круг, слушали, что я им скажу. А я не стала говорить, а запела, голос с определенной тональностью звучал лишь в их ушах, и ушах того, кто ими управляет. Нажим и звук резче, сильнее, не как в прошлый раз, не тянула, резко обрывисто, меняла тональность, уходила из низкого голоса в высокий, и так почти десять минут, дыхалки на перебойную мелодию не хватало, ведь направление не конкретное, а обширное, всех детей разом, а это больше чем в прошлый раз. Сил соответственно в пять раз больше, чем с той девочкой. Я понимала, когда пение закончится, на нет сойдет и моя сила, упаду без сознания. Крик боли, общий, громкий и все падают, в том числе и я. Но меня поймали руки. Не знаю кто, узнаю когда приду в себя.

Отступление

Снова эта мурена! Откуда она такая взялась? Ее голос и способности не похожи на обычных безродных морских. Мои обновленные кристаллы поддавались ее голосу, трещали и разрушались. Голова моя готова взорваться, а все потому, что она сменила тактику. Пела не простую песню разрушения кристаллов, как раньше, а направленную на уничтожение связи между мной и детьми. Дети кричали от боли, выл от боли и я. Ведь рушилась связь в обе стороны. Ее сила была по мне ощутимо. Способная, жаль что не на моей стороне. Но у

меня есть новый союзник. С его помощью я уберу с дороги проблему в ее лице.

— Господин, — кланялся мне в ноги падишах, — все готово, — показал он на аквариумы для мурен, — кого ловить?

— Мурен, — тот скривился, — знаю, у тебя просьба личного характера, — тот поклонился и сказал:

— Хочу одну конкретную мурену лишить голоса навсегда, — его глаза горели ненавистью, желанием отомстить, этим я и воспользовался, — что мне нужно сделать, чтобы заманить ее в пустыню снова? — его я нашел в пустыне. Он умирал от жажды и ненависти к конкретной девушке. Наша цель одна и та же мурена. Как и желание убрать ее с дороги. Я предложил ему руку помощи. Он не раздумывая согласился.

— Всего лишь поймать ее сестер, — показал координаты, — она сама придет к тебе, — и добавил, — не одна, но ты будешь готов, — протягиваю ему кристалл. Не такой как в глазах детей. Этот кристалл используя его жизненную силу уничтожит всех, кто встанет на его пути. Он готов заплатить такую цену. Берет артефакт и кланяясь уходит прочь. Аквариумов нужно всего три. Четвертый не понадобится. Эту мурену я лично лишу голоса, и не важно, что я пообещал человеку. Она рушит мой план, а я не прощаю тех, кто нарушает мои планы и уничтожает работу всей жизни. Она за поплатиться.

Шиор

Пришел в отделение к Сальмиру, но он отлучился по делам. Напал на след пропавших детей. Зато пришла Тассия с сыном. Мальчик напоминал мне одного знакомого дракона, из клана «Бледной сакуры», те же розовые волосы, золотые глаза с вертикальным зрачком, в рубашке, брюках, куртке, на ногах сапожки, а в руках пирожок и чашка с чаем. Пришел и спросил Маэля, где Сальмир и когда придет.

— Шиор, я без понятия. Он там с похищенными детьми разбирается, — и тут услышал крики, детский голос, раздавался из камеры допроса, — это Тассия, — кинулись туда, а вокруг нее, держать за руки, стоят дети. В их глазах кристаллы, а она раскрыв рот, тянет одну только ей известную мелодию, она влияет на детей, кристаллы в их глазах стали трещать, слышится истошный вопль, общий, словно хор и все падают без сил. Девушка в том числе. Я успел поймать ее до того, как она стукнулась головой. Вынес из камеры. Спросил куда ее положить. Дракон убежал за лекарем, а я шел в комнату отдыха, положил ее на показанный кентавром диван. Арон сказал, что только девушка может разбить эти кристаллы.

— Что вообще происходит? — слышал и знаю о пропавших детях, но вижу такие кристаллы в первый раз. Очередное появление в городе сопровождается меня загадками и ситуациями, и каждый раз для меня становится открытием происходящее вокруг. В том числе и дети с камнями вместо глаз.

— Они были под контролем, кристаллы ими управляют, а тот, кто их поместил в глазницы, за всем наблюдает, — кому понадобилось похищать детей, а потом над ними эксперименты ставить, на этот вопрос никто не знает ответ, лишь способ как избавиться от влияния.

— Значит, детей нашли?

— Не всех, лишь часть и все с кристаллами вместо глаз, — показал, на спящих, — эти с воздушного материка. Все похищенные из воздушных кланов нашлись на берегу моря, стояли и смотрели вдаль. Их заметили рыбаки. Призвали с помощью магов в городе. Сальмир

отправился туда, где их видели, на берег, в надежде найти хоть какой-то остаточный след.

— А глаза восстанавливаются?

— Нет, — поник головой воздушный дракон, — наш лучший целитель что-то придумала, но не хватает ингредиентов для полного восстановления, — хотел спросить каких именно, как пришла в себя Тассия, к ней тут же подбежал Маэль, протягивая лед, та отказалась, тогда дракон спросил: — ты как, Сиа?

— Голова трещит, — держится за виски, — радуется, что не только у меня, у того, кто детьми управлял тоже, — натянутая улыбка, и едва хватает сил, чтобы подняться с дивана. Ей помогает Арон, кентавр как и дракон о ней заботятся, она дорога им. Да и мне симпатична. Способная, умная, не навязчивая. К себе не требует внимания.

— Спасибо тебе, — сказала Арон, — если бы не ты, мы так и не нашли бы способ вернуть детям разум, — на что девушка сказала:

— Еще бы им глаза вернуть, — и тут увидела меня, — спасибо вам, Шиор, — поклонилась, — мне домой надо. Сын где?

— С Устаром, — а это дежурный гном, распределяющий служащих на вызовы, — они там учат карту города, — полезное занятие, с этим согласилась Тассия, сказав:

— Дело хорошее, — встала и едва не упала снова, я поддержал за руку и предложил проводить, — спасибо, Шиор, я сама, — и держась за стенку шла к сыну. Спросил у Арона и Маэля, как ее сыном оказался дракон из «Бледной сакуры», раз она сама мурена и где его родители. Тяжело вздохнул дракон, опустился на пол кентавр и не смотря на меня рассказывал:

— Это грустная история, — сказал Арон, — весь его клан уничтожило старое проклятие, — я просил точнее, — я не разбираюсь, у Сальмира спрашивай, знаю лишь, что мальчишку похитили, а он каким-то образом сумел сбежать. Бродил по городу несколько дней, пока не встретил Тасси, увидел в ней мать и больше с ней не расстается. Мы сделали документы, она стала его опекуном.

— И больше никого не осталось?

— Сальмир говорил, есть дядя, но его никто не видел почти год. От него никаких вестей, — развел руками Маэль.

— Ясно, — встал и пошел из отделения.

Сальмир попался мне по дороге. Отдал ему папку и взмыв в небо, вернулся к себе. У меня ограничено время на посещения других владений, лишь в своем я могу делать что угодно. Такого решение богов. Я не спорю, не хочу еще пять столетий сидеть в ледяной башне, с одними лишь воспоминаниями и тоской на душе. Лучше делать так, как говорят, чем жалеть об этом.

Глава 5 «Надежда на спасение»

Тассия

С тех пор, как мы вернули сознание еще пятерым детям, прошла неделя. Урсул так и не появлялся, а Сальмир и Арон с Маэлем проводили дни напролет в городе, в поисках детей. Но так и не нашли. Уходили с рассветом, возвращались при луне. Не помогли и мои воспитанники, показывающие стражам тропы и схроны. Все напрасно. Дети без возможности видеть были под наблюдением Сателлы и их родителей, которые благодарили Создателя за то, что они живы, пусть и не совсем здоровы. Сателла днями и ночами сидела в лабораториях, проводила какие-то эксперименты, искала замену глазам, или возможность соединить детей с искусственными. Но не хватало нескольких ингредиентов. Она опускала руки. Не могла найти того, что нужно. Пришла ко мне плакаться, держа в руке торт. Знает, от сладкого я не откажусь.

Она была сильно на хмеле, когда говорила мне о каких-то так растениях или корнях. Мы сидели за рюмкой чая, так называлось наше общение. Она пила что-то крепкое, а я чай, все это заедалось сладким. Было поздно, сын уже давно спал. Обнимал подаренную Марикой игрушку. Пока меня не было, они сблизилась с Марикой, и каждый раз, при виде нее он бежит и крепко обнимает. А сейчас не расстается с плюшевым медведем. Она открыла в себе способности швеи. Шила из подручных материалов игрушки. Всех одарила своими подарками. Даже мне досталось. Только за выбор хотелось напомнить про мое пение. Мне она подарила осьминога, похожего на Урсула.

— Я не знаю где мне искать этот хренов корень! — ругалась уже пьяная, но еще при разуме подруга, — столько было мной перелопачено литературы, трудов великих умов, старинных научных работ, и все сошлось к какому-то корню у которого нет заменителя! — возмущалась она.

— Что за корень? — она отхлебнула из чашки и сказала:

— Смешное название, «Усы дракона» — рассмеялась подруга, — но от этого юморного корешка зависит будущее тех самых детей, — и протянула мне описание и зарисовки. Я не разбираюсь в травах, как и в лекарском деле, но могу кое у кого спросить. Как раз сегодня у меня с ней второе общение, месяц прошел. Я могу поговорить с богиней Ями и все у нее узнать. А для этого мне нужно сплавить подругу. Она уже прилично напилась, и валилась с ног. Без моих пожеланий, она сама встала и ушла со словами: — надо спать, — икнула, помахала и ушла. А я ждала у зеркала свою покровительницу. И она как это было в прошлый раз, явилась в полночь, в руках кисеру, на плечах шаль, и как всегда улыбка и синее с рыбами кимоно. Она помахала мне рукой, и сказала:

— Как дела, Таисия?

— У меня хорошо, — она улыбалась, затягивалась и ждала продолжения, — а вот у детей, которых похищают, из своих домов не очень. Мало того, что их где-то держали, так еще и эксперименты ставили, вместо глаз кристаллы подчинение, с помощью них похититель видел все их глазами и ощущал все, что ощущали они, — ее заинтересовало это происшествие, поэтому она спросила чем может помочь, я ответила: — есть один корень, «Ус дракона». Моя подруга нашла способ прирастить искусственные глаза детям, но нужен этот корень для закрепления и приживания. А где его искать подруга не знает, как и аналоги этого корня, — богиня задумалась, закурила, из дыма выходили осьминоги, медузы,

рыбки, морские звезды, а потом все ушло, на смену пришел вид того самого корня.

— Я знаю о нем, но не знаю, как выглядит растение, что питает этот корень, — я опустила руки, как она добавила, — но я знаю того, кто осведомлен. Точнее кто располагает такой информацией, — думала, это одно и то же, но нет, — у него есть книги по медицине, там как раз описан корень, — и тут нахмурилась, — только эта ледышка так просто тебе книги не даст, — я спросила кто именно, — Шиор — морской дракон, — я выдохнула, — познакомилась уже? — с задором в глазах спросила богиня.

— Да, этого дракона я знаю, — сказала, — думаю, он мне поможет.

— Если ты ему понравилась, то да, — но предупредила, — правда может сделать это разными способами и не всегда простыми, — и тут рассердилась, — в прошлом, тому, кто пришел к нему с просьбой помочь он помог, но пришедший проклинал его на всех доступных языках.

— Что такого Шиор сделал?

— К нему пришли за водой с самого высокого пика горы, — и надула щеки, держа в руках кисеру, даже отвернулась как неприятно было вспоминать, — а он вместо того, чтобы принять свой облик и донести на спине, предложил снаряжение для подъема в горы, — я откровенно говоря смеялась над ситуацией и пришедшим человеком в поисках помощи, и ответила, нахмуренной богине:

— Но он же помог. Почему ты так критична? Не важно как, главное помог. Он мог вообще ничего не давать, послать лесом того самого просящего, — она сменила гнев на милость, осознала, что так тоже могло быть. Он помог, по-своему. Его выбор — помогать или нет. Он выбрал первый вариант и помог. А как не имеет значения. Богиня со мной согласилась:

— Помог, — фыркнула она, все еще обижаясь. А я подумала, что той, кому он так своеобразно помог, могла оказаться сама богиня. Не зря она так отреагировала на слова о помощи. Мои слова задели ее за живое. Но не стала напоминать о прошлом позоре, просто перевела тему разговора:

— Вопрос, как к нему добраться, — богиня отложила кисеру, и предложила:

— Обратись к муренам, они знают, где его владения, покажут и направят, — и предостерегла, — но будь осторожна, владения осьминогов рядом, а Урсул опасный тип, его подручные того хуже. Им не важно мурена ты или кто-то другой, главное ты русалка, на их территории, остальное не имеет значение, — с богиней согласилась, не стала думать о нем, как и о его словах, которые он мне говорил до того, как мы отправились искать отправленных в пустыню морских жителей. От него нет вестей, а сердце тоскует. Но он тот, кто есть. Они все такие. Так что я просто живу дальше.

— Спасибо, Ями, — она помахала мне на прощание ручкой и пожелала удачи. Я легла спать, притянула к себе Кешина и уснула. Не знаю, как долго спала, но снилось мне странное. На утро не помнила ничего, лишь ощущения негодования.

Когда открыла глаза, сын еще спал. Собралась, вышла на кухню. Подруга готовила утренний опохмел, из ее рта казалось, сейчас пламя вырвется, стоит спичку поднести. Но она быстро все выпила и заела яблоком. Самое то после похмелья. Она сказала, что еще бы жареной котлетки и хлеба с хрустящей корочкой, я вспомнила, была у меня подруга, она с похмелья так и спасалась. Только поило, служившее антипохмелином Сателле, ей заменял апельсиновый сок, а заедалось все бургером. Сателла решила сходить в трактир заказать бутерброд и уйти с головой в работу.

А у меня другие проблемы. Мне нужна помощь мурен. К ним я хотела пойти с сыном. Он проснулся на запах каши. Почистил зубки, умылся и сел за стол. После завтрака я спросила, не хочет ли он со мной прогуляться до моря, познакомиться с такими же как я русалками, на что мальчик спросил:

— А можно?

— Конечно! Только нам нужно собрать вещи, предупредить тетушку и доехать до соседнего города, там портал к землям воздушных драконов и путь к морю, — он быстро все съел и побежал собирать вещи. А я оставила на двери записку, на случай гостей, не важно кого, Сальмира, Арона, Маэля, если кто-то придет, то узнает где меня искать. А пока я писала записку, Кешин был готов. За его спиной рюкзак, его ему подарил Рагог, сказал, в благодарность за помощь.

— Мам, я готов! — сказал сын.

— Тогда к тетушке и к порталу, — он вышел вперед, а я следом. Надеюсь, Шиор поможет мне, и не важно каким способом. Главное найти корень и вылечить детей.

Настораживало одно, владения осьминогов. Если встречу Урсула, возможно я не вляпаюсь в неприятности, а если не его, то кто знает, чем мне грозит встреча с дозорными его владений. Они не должны мне за спасение жизни, как их глава. С такой мыслью я ехала на повозке с сыном на руках. Его я хотела оставить с муренами, если девушки согласятся. А самой отправиться к Шиору. Сколько я проведу в поисках этого корня без малейшего понятия, но он нужен.

Урсул

— Ты хочешь вернуться? — спрашивал меня Арлин, — ты только восстановил свой статус! — не только он уговаривал не возвращаться, как сказал, — без тебя справятся, — но ко мне обратились те, у кого пропали дети, с просьбой помочь. Я не могу отказать своим подчиненным и подопечным. Так что я должен вернуться. А еще ради одной мурены, которая меня ждет и конечно мальчика, приносящего моей душе тепло и спокойствия, как и его мама. Так что я сказал:

— Нет, Арлин, я должен вернуться, — посмотрел на меня и сказал лишь одно:

— Раз ты там оставил свое сердце, никакие уговоры тебя не остановят, — с ним был солидарен и Ральгар, фыркал лишь Эстар, говоря:

— Девушек везде найти можно, — отворачиваясь и уплывая, но на прощание, предостерегая, сказал: — смотри не дойти до того, как прежний глава, — а он отрекся от титула ради одной девушки, а потом получил от нее отворот поворот, когда она узнала, что осьминог лишился статуса главы. Без этого он ей стал не нужен. Но Тассия не такая. Я прекрасно знаю, ей плевать на мой статус и положение. Как и мне на ее причастность к русалкам.

Меня проводили, получили указания, просьбу за всем следить до моего возвращения. Город в котором телепорт в дне пути от моря. Выйдя на берег, приняв человеческий облик, пошел вперед. День пути пролетел незаметно. Зайдя в город Ильшар, владения воздушного клана драконов, семьи «Пушистых облаков» под наблюдением воздушного дракона Артиэля, в роли главного стража, прошел дальше. Не хочу видеться с этим типом. В прошлом мы с ним не важно общались, со временем эта неприязнь только усугублялась. У нас вышла ссора из-за вод, прилегающих к городу. По документам владелец прежний глава Чернильного клана, следовательно, его приемник, то есть я, после смены главы клана являюсь их

владельцем. Но у воздушного клана, точнее конкретной семьи были на эти воды свои планы. Они хотели всеми силами доказать, что раз прежний глава оставил пост, договор нужно пересмотреть и оспорить. Я и оспорил. Предоставил все, что глава мне передал, с печатями и письмами. Утер нос, а осадочек у воздушных драконов остался.

Переместился в город под наблюдением тритона, был рад возвращению. Это место стало мне вторым домом. Возвращаюсь сюда, чувствую как отдыхает тело и приходит в усмирение душа. Словно я что-то потерял и вот нашел. Первым делом шел к Тасси. Но ее дома не оказалось, как и Кешина. Как сказала Марита, подруга Тасии, они поехали на поиски лекарственного корня, во владения Шиора. А это значит, она непременно проплывет с границей моих владений. Хотел побежать обратно, как меня поймал на пол пути Сальмир.

— Урсул, не знаю что ты задумал, но прекрати, — его голос и взгляд того гляди меня расплавит, — не стоит будить лихо, пока спит тихо, — сказал тритон, я не понял про что он, спросил, Сальмир мне ответил: — я знаю что ты стягиваешь своих к пенной бухте, — не стал отрицать, у меня свои дела в пенной бухте. Мы так и не решили, чья она, так я там могу появиться с кланом, как и тритон со своим.

— Я был там, но по другой причине, — улыбался и откровенно издевался, — это мои личные дела, а не наши общие, — показал на него, — они не имеют отношения к нашим распрям, — сказал и ушел, как тритон вслед сказал:

— Тасси уехала в твои владения, смотри, как бы твои подчиненные не приняли ее за врага, нарушившего границы, — я думал над этим, но предупредить своих помощников я уже не успею. Быстрее выйдет самому добраться и во всем разобраться и ее если будет нужно защитить и спасти от гнева помощников. Надеюсь, она не пострадает, как и Кешин.

В свои владения я возвращался с замиранием сердца. И не зря меня предупреждал тритон, опасность Сии грозила. Исходила она от Арлина, находящегося на посту. Он угрожал ей трезубцем, острое среднего лезвия было направлено в грудь, я не успевал. Тасси собиралась применять силу. Радовало, что мальчика рядом с ней не было. Но девушка была в опасности. Из нее она собиралась выбраться своими силами, петть и оглушать противника. И не успела она раскрыть рот и затянуть «Крик души», как Арлин что есть сил, погрузил лезвие ей в грудь. Чернила трезубца растворились в воде, смешиваясь с ее кровью. Три раны на груди, сочившиеся кровью мурена падающая на дно, закрывающая глаза. Крик из горла так и не вырвался. Арлин смотрел на побежденного врага, а я несся к ней что есть сил.

— Нет! — мой крик и ее стон боли. Я вовремя ее поймал. На меня с непониманием смотрел Арлин и Ральгар, — она моя спасительница, — помощники переглянулись, и просили уточнить, — она спасла меня, приютила, накормила, вылечила, когда я выбрался из тех стальных сетей, сильно пострадал, потерял много крови, она меня нашла и выходила. Я обязан ей жизнью, а вы, — она лежала на моих руках без сознания, кровь не останавливалась. Благо в этой форме нет у наших и русалок легких, на суше она бы давно умерла, а так ее можно спасти.

— Что нам делать? — спросили помощники.

— Уже все сделали, — сказал и понес ее к дракону. Думаю, Шиор не откажет в помощи. Он не такая ледышка, как о нем говорят. А пока я дал распоряжение и просил меня не трогать. Не то в приступе гнева не посмотрю на то, что они мои друзья. Нашпигую чернильными стрелами и кольями. На свой страх и риск один из помощников спросил:

— Эта та девушка с ребенком? — это был Арлин, — на которую вы положили глаз во владениях Сальмира? — на меня смотрели все подчиненные, так как я неестественно себя

вел, нес на руках русалку, признал ее и не собирался убивать за то, что она нарушила границы наших владений. Пришлось говорить раз и надеюсь для всех понятное:

— Это русалка — моя женщина! Мне плевать на то, что она русалка, плевать, что она мурена, — тихий ах кланников, печаль и рухнувшие надежды в глазах девушек, среди всех присутствующих, — говорю лишь раз, она моя, и кто посмеет перечить — узнают, как я поступил с Вильяром.

— Но она мурена?

— Я все сказал! — и развернувшись, уплыл в сторону владений Шиора. Мои владения как раз граничат с его.

Меня встречали его подчиненные, как и мои на границах владений, с оружием в руках. Я поклонился и попросил помощи. Не для себя, для девушки. Они переглянулись и пропустили нас к дракону. Поднимаясь на поверхность, убедился в том, что слухи не врут. Его владения — это остров. Насыщенный редкой и вымирающей на других континентах флорой и фауной, величественными горами и глубокими озерами. Есть даже источник, который славится целебными свойствами. Его владения, как континент смешанных народов. Целый материк, окруженный водой со всех сторон. А у главного входа на поверхность, стоит неопишуемой красоты дерево. Похоже на иву, но листья ее насыщенного розового цвета, ветки наклонены и спадают в воду, лепестки плавают по глади и кажется, все усыпано этими лепестками.

— Не уберег свою мурену! — не вопрос, а констатация факта. Вид его как и всегда, ленив, расслаблен, одежда и волосы в беспорядке, длинные синие пряди тянутся за ним, как рукава его одеяния. И как он в них не путается?

— Не успел, — поник, а дракон показал в сторону леса и сказал идти туда, больше ничего не добавил.

Я шел в показанном им направлении. Как и говорили, владения дракона как заповедник редких растений и животных. Все живут в мире, никто никого не ловит, можно увидеть рядом с хищником его непосредственную добычу, сидящую и ни о чем не переживающую. Растения слились с этим местом, стали частью целого, и вроде на других материках они не растут в такой местности, кому-то нужно больше солнца, кому-то меньше, но тут им все равно, они просто растут и не привередничают. И посреди всего этого великолепия, исходящий паром источник, на берегу то же розовое дерево, склонив ветки, рассыпав лепестки, окружило все своим цветом. Тасси в моих руках застонала, ей было больно, но погрузив ее в воду, зайдя вместе с ней, прижав к себе, ждал, когда девушка придет в себя.

Прошло несколько часов, я клевал носом, было поздно, но она еще не пришла в себя, лишь когда я потерял счет времени и уснул, меня коснулись пальчики и позвал знакомый голос:

— Урсул, — открыл глаза и увидел ее, измученные болью, под которыми залегли круги, — ты успел, — шепнула она, прижимаясь телом, укладывая голову на груди.

— Нет, — поглаживая кожу вокруг затягивающихся ран, — не успел, ты пострадала, — на что она положила свою руку поверх моей и сказала:

— Если бы я умерла, тогда бы опоздал, — и развернувшись, прижалась ко мне, — я ждала тебя, но ты все не приходил, — ее голос становился тих, она засыпала. Успел спросить с кем Кешин. Она сказала, что с сестрами. Я держал ее за талию, вдыхая запах моря с ее волос. Заметил нитку жемчуга, пущенную в прядях. Мурены приняли ее, она стала их сестрой. Значит, ребенок с теми самыми муренами, сестер которых казнили за

неповиновения и отказ петь. Улыбнулся, провел пальцем по ее щеке, заправил за ухо прядь черных волос, как услышал над головой голос дракона:

— Выходи, ее жизни больше ничего не угрожает, — сказал Шиор.

— Спасибо, — поблагодарил, вынося ее на руках.

— Не стоит благодарить за спасение той, кто не безразлична, — сказал и показал следовать за ним, — она останется, а ты вернешься и приведешь ее ребенка, — я согласился и следовал за ним.

Он вел меня к замку. Это скорее поместье, замком двухэтажное строение, без вычурных и помпезных колонн, фасадов, витражных окон, лепнин и прочего назвать нельзя. Скромно и со вкусом. Обычное поместье, в котором живет он и его клан. Вокруг дома разбит сад с деревьями и кустарниками. Ягоды и яблоки круглый год. Как и цветущие клумбы. Но это не успокаивало душу дракона. Ведь эти владения его тюрьма. И не только его, всего морского клана.

Всего морских драконов осталось три сотни. Остальных уничтожили боги, когда влияние морского дракона и его народа на некоторых материках стало превышать божественное. Не любят божества оспаривающих их власть. Как и не любят делиться. Именно поэтому в назидание остальным, была война, где уничтожали морских драконов. Естественно боги победили, а драконы стали опальными, особенно глава. Его заточили в ледяной башне для уединений и наказаний, а его народ долгое время был под гнетом богов, как ездовые животные, клейменные предателями. Если приглядеться на спинах драконов есть метки от седел, сорванных с мясом после показательного прощения. Они не собирались идти на поклон, с просьбой снять седло, вырвали его с мясом, кровью, болью, но не приклонились.

— Ее комната там, — показал на дверь, — уложи и уходи, мальчик должен быть с матерью, — прогонял меня дракон. Я не спорил. Пока нес ее в поместье, она приняла человеческий облик, на ней была одежда. Сухая и не рваная. Рубашка длинная по середину бедра, кожаный жилет и брюки, на ногах сапожки и носочки. Сапожки снял, положил головой на подушку, укутал одеялом и вышел из комнаты.

Подошел к воде, оглянулся и зная, что дракон меня услышит, поблагодарил. А сам поплыл за ребенком. Для начала надо найти мурен, которым она оставила своего ребенка. Первым в списке мест, скалы и тот самый утес, с которого они пели и зазывали корабль контрабандистов. Девушки оказались там, как и тогда сидели и смотрели вдаль воды. На коленях одной из мурен спал Кешин.

Увидев меня, девушки насторожились. Меня они знали, но не знали причину моего к ним визита, приготовились защищаться или нападать, но когда проснулся мальчик, потирая глаза, спрашивая, что происходит, все успокоилось. Увидев меня, с радостным возгласом: «Урсул!», мальчик кинулся ко мне в объятия. А мурены поняли, что им ничего не угрожает.

— Где мама?

— У дяди Шиора, — девушки шарахнулись в сторону от одного лишь имени дракона. Он страшная личность, хоть по нему и не скажешь. Если что-то не по его или вопреки ему, будет лететь чешуя, литься кровь и растекаться чернила. Мы сталкивались с его гневом, больше нет желаний. Стараемся держаться подальше, — она ранена, отлеживается.

— Кто обидел маму?

— Мои подчиненные, — он теребил меня за рукав, говорил, что они плохие и их надо наказать, — они уже наказаны. И они не знали, что мама дорога мне, — потрепал мальчика

по волосам, — хочешь к маме?

— Угу, — по щекам текут слезы, руки с силой сжимаются, глаза в которых застыли слезы, смотрит на меня, требуя: — хочу к маме! — расплакался ребенок, уткнувшись мне в грудь носом.

— Конечно, — поклонился муренам, те, хоть и были ошарашены моим поведением, поклонились в ответ, — приготовься, — окутал его чернильным пузырем, — не пугайся, а то лопнет, ты промокнешь, — он замер и всю дорогу сидел в пузыре молча, старался не двигаться.

Нас снова встречала стража. Пропустила, без вопросов. На берегу ждал Шиор. Забрал ребенка и просил покинуть его владения. Я буду лишней. Он примет только Тасси и Кешина. Сказал, что увижусь с девушкой, когда вернусь на смежный континент. Она будет там через пару недель. А пока погостит у него. Я не стал настаивать, оставил мальчика дракону, а сам вернулся в клан. Мне придется наводить порядок заново. Показывать свою власть. А я уверен будут те, кто недоволен выбором пары. Это станет причиной вызова на бой за право титула главы клана. Но мне все равно. Когда я признавал Тасси, был готов к тому, что так произойдет. Так что я не удивлюсь.

Тассия

Проснулась в чужой кровати, но как будто дома. Рядом спал Кешин, уткнувшись носом мне в шею, обнимая. Вспомнила, что со мной произошло, удивилась, как выжила. Рана на груди уже не кровила, осталось три зарубцевавшихся следа от трезубца стража. Но я точно помню, как теряла сознание и погружалась на дно моря. Где я вообще оказалась? Кровать мягкая, не большая комната, шкаф, стол и стул. Шторы задвинуты. Хотела встать, но боль в груди уложила меня обратно.

На вопрос где я, ответил дракон, постучавшийся в комнату. Зашел и рассказал что было. Оказалось, мне не показалось и меня от своих сородичей спас Урсул. Коснулась ран, покрывшихся корочкой. Вспоминала что было, Урсул был со мной в источнике, несколько часов держал меня в объятиях. Потом отнес в поместье, уложил в кровать и забрал от сестер сына. Дракон рассказывал, а я смотрела и не могла поверить. Он, вопреки клану встал на мою сторону, защитил. И даже больше, по словам дракона, он признал меня как пару, что нонсенс и непостижимое решение. Такого в клане осьминога еще не было. Осьминог мог выбрать русалку в пару, но точно не из рода мурен. А тут одиночка, без роду и племени, стала парой главе Чернильного клана. Не думаю, что мою персону одобряют его подчиненные.

— Ты зря переживаешь за Урсула, — сказал мне дракон.

— Почему зря?

— Что ты слышала о нем от других? — а если подумать, по слухам, глава Чернильного клана опасная личность и мне благоволит лишь потому, что я спасла ему жизнь. Не знаю на счет остального, когда я так запала ему в сердце, что он готов ради меня отстаивать свой титул главы, — он жесток с теми, кто не близок ему. Всех, кто идет против него ждет незавидная участь. Особенно тех, кто пытаются лишить его титула или власти. Не знаю, что стало с тем, кто ранил тебя, но точно простыми словами он не отделался.

— Но он выполнял его приказ, — с этим дракон согласился, сказав:

— Именно по этой причине, Урсул оставит его в живых, — я смотрела на дракона, его внешний вид и мне хотелось сделать одну вещь, увидев мой взгляд, Шиор спросил: — что ты

задумала?

— Сначала накормить сына, привести себя в порядок, — и тут улыбнулась, — а потом заплести тебя, — встала с кровати и чуть не упала обратно. Благо дракон меня поймал. Но запротестовал, сказав:

— Я хожу так всегда, и никто не прикасался к моим волосам, — отошел назад.

— Все когда-то бывает в первый раз, — улыбка и шаги в ванну. Сын потирал глаза и просыпался. Увидел дракона, улыбнулся и сказал:

— Доброе, дядя Шиор, — встал, взял меня за руку и спросил: — мам, как ты? Урсул сказал, тебя ранили. Болит? — показал на грудь.

— Уже нет, — взяла его за руку и повела умываться. Шиор думал, что я отвлеклась, забыла о расчесывании его волос, ушел. Но я помню, что хотела сделать. А именно привести дракона в порядок, как и обещала Ями, если мне такая возможность представиться.

Утро началось с кофе и еды. А потом мы с сыном пошли на поиски Шиора. Его мы нашли на берегу источника. Под розовым деревом, с распущенными синими как само море волосами, трепещущимися на ветру, сидел дракон. Его взгляд печальный, пустой и казалось он далеко отсюда, в прошлом, видит и пытается его изменить, но он может только смотреть. Как сказала Ями, до нее, в ледяной башне на протяжении пяти веков сидел Шиор. И надо думать, этот взгляд остался с тех времен.

— Шиор, — подошла, положила руку на плечо, — ты не виноват в том, что люди и другие драконы вас боготворили, — он словно вылетел из дурных воспоминаний, в глазах по прежнему туман, но он рассеивался, — отпусти, прими и живи, — его рука поверх моей, — и дай я тебя заплету, — взяла прядь, — мне волосы твои жалко.

— Плети, — откинул голову назад, посмотрел на меня глазами как чернила Урсула, — и расскажи, как оказалась в этом мире, — не спрашивал, а утверждал, — чую, ты не простая мурена, не поедает людей, говоришь, знаешь мое прошлое, — все еще смотрел, а я не отрицала, — а еще мне интересно знать, кто тебя послал. Ями?

— Да, — положила руку на плечо, — она переживает за тебя, — дракон улыбался, не радостно, а грустно, как будто я сиделка немощного, говоря:

— Это в ее духе, — сказал, — все прежние ее посыльные из этого мира от меня сбегали, — и посмотрел с благодарностью, — одна на тот свет, — снова грусть в голосе и взгляде, — думаешь, выдержишь?

— А ты будешь зверствовать? Что-то я не вижу предметов для пыток, камер и крови на твоих руках, — улыбка стала кривая, — я что-то не так спросила или сказала?

— Все так. Просто я тоже не белый и пушистый.

— С чего ты белый и пушистый, когда ты чешуйчатый и синий?

— Тассия, ты нечто!

— Знаю, — и перекинула через плечо косу, — принимай работу, — он взял и откинув назад поблагодарил. А я смотрю на дерево, раскинувшее свои ветви и падающие от малейшего порыва ветра листья, бледно-розового цвета. И смотрю на сына. Его волосы и видя это, так и хочется спросить: — Скажи, Шиор, — он обратил на меня свой взгляд, — эти деревья и мой сын, — показала на то, как склонившиеся ветки укутывали мальчика, словно обнимая, — они как-то связаны?

— Связаны, — сказал дракон, — их осталось столько же, сколько и драконов Бледной сакуры.

— Как это связано между собой? — я не все понимала, дракон пояснил:

— Эти деревья произошли от их чешуи и слез Кешина. Розовые поддержали меня и мой народ, — он имел ввиду морских, — и бог видел наши страдания, их слезы, и когда его слезы и чешуя главы клана «Бледной сакуры» упали в землю, выросло это дерево. Это стало своего рода символом, дерево, соединяло владельца чешуи и свою жизнь. Умирает дракон, погибает и дерево. Слез Кешина пролилось не мало. Как и драконьей чешуи. И деревья вырастали сами, у каждого дракона было свое дерево.

— Получается, одно из деревьев олицетворяет Кешина, — показала на сына, — а второе тогда кого и есть ли еще?

— Только эти два, — поник Шиор, — второе дерево принадлежит его дяде. Я давно не слышал о нем вестей. Но то, что он жив, факт. Если бы умер, то и дерево не выжило, — ответил, а потом спросил, зачем я его искала и по какой причине хотела найти его владения, ответила:

— В твоих владениях растет одно растение, не знаю какое, но знаю, как называется корень, «Ус дракона», — Шиор встал и показал следовать за ним. Следом побежал Кешин. Мы шли в поместье. Я не стала спрашивать зачем, сам скажет. И он сказал. Точнее показал. Огромная, в два этажа библиотеке. Половина поместья отведена под библиотеку, — это же уму не постижимо!

— Где-то тут есть книга по ботанике, там все описано, — но он меня расстроил, — единственное, все книги как попало. Я не разбивал их по сектам. Они вперемешку, — как и говорила Ями, Шиор не откажет, но поможет своеобразным способом.

— Спасибо, — сказала я, усаживая сына за рисование, а сама начала с ближайших полок. Но провозившись до темна, так полку и не разобрала. Сын крепко спал, свернувшись калачиком на диване. А я пыталась найти хоть что-то. Но кроме усталости так ничего и не нашла. Смирилась с тем, что сегодня я иду спать ни с чем. Взяла Кешина на руки и понесла в комнату.

Утром, как и следующую неделю, я искала эту книгу. Меня уже не провожали, просто не обращали внимания. Лишь сын оживлял эти стены. Бегал, смеялся, заставлял одной лишь фразой: «Ты меня покатаешь?» впадать в ступор Шиора и всех его кланников. Мальчика любили, на спине катали. Но не Шиор. Он лишь смотрел на подчиненного и тот, в мгновение ока оказавшись в форме дракона, брал мальчика на спину и взмывал в верх, а после резко, погружался в воду. Дракон пользовался магией, сына окутывал водяной пузырь с определенным количеством воздуха.

Все это время, не отвлекая меня, развлекался сын. Я же пыталась найти книгу, но так ничего и не нашла. Шиор мне не помогал, лишь напоминал о важности еды и сна. А я разбирала полку за полкой, пока мне не попала одна книга, которая меня заинтересовала. «Магия пения». В ней описаны заклинания, используются не простые слова, а именно пение. Такие заклинания нужно петь, в противном случае, они не сработают, будут просто стихами или набором фраз.

Решила отложить поиск книги по ботаники, углубиться в ее изучение. Прочла книгу за два дня. В запой. И возможно, я нашла выход из ситуации. Пролистав, нашла то, что мне должно помочь. Песню поиска. На детей вряд ли сработает, а вот на вещь, в данном случае книгу, должно. Радиус поиска не велик. Всего пятьсот метров. Как раз библиотеку охватит. И я запела...

Я услышал голос Тасси и помчался туда. Она нашла не ту книгу, за которой пришла. Но нашла выход из ситуации. Магия пения, давно я не слышал заклинаний из этого сборника. Она нашла его, и решила с помощью заклинания поиска найти рукопись по ботанике. Умно. Другой бы провел вечность в этой библиотеке в поисках нужного труда, но она сделала по-своему.

На ее голос сбежались почти все драконы. Мальчик стоял с закрытыми глазами и слушал ее пение, как и все прибежавшие. Она пела, а книги на полках словно живые, откликались на ее голос. Складывались стопочкой, открываясь на нужной странице. Так прошло пять минут. Вокруг нее все ещё летали гримуары, энциклопедии, трактаты, и когда голос стих, поплыли обратно, вставая на прежнее место.

— Так-то лучше, — сказала довольная мурена, и тут увидела меня и всех прибежавших драконов, — ой,- сказала она, — я вам помешала?

— Нет, — сказал Артиль, один из капитанов отрядов, — мы слышали пение, — посмотрел на меня, — первый раз за тысячелетие, ты первая кто поет в этих владениях, — хотела извиниться передо мной, но я сказал:

— Тассия, не надо, — подошел и положил руку ей на голову, поглаживая по коротким волосам, — ты справилась с моим испытанием. Вышла из положения, расположила к себе библиотеку и нашла тайный сборник песенных заклинаний. Кроме тебя эта книга больше никому не принадлежит, — пояснил, — она наделена сознанием, говорить не может, но как и оружие может открыться только тебе, — держала фолиант, и смотрела на меня.

— Значит, ты всех так испытываешь?

— Да, я помогаю, — сказал, — но по-своему. И если проходящий за помощью пройдет тяготы и невзгоды, помогу уже всеми силами, — показал на фолиант, лежащий сверху, — в этой книге должен быть рецепт приготовления зелья привязки и соединения, а еще описание растения, которому принадлежит «Ус дракона».

— Спасибо, — поблагодарила Тассия.

— Это благодарность за твою доброту и голос, разрушивший мою тысячелетнюю хандру, — сказал, на меня смотрели кланники, ведь я впервые улыбаюсь, — отныне ты будешь моей иси, — то есть младшей сестренкой.

— Поясни, — просила девушка.

— Младшая сестренка, — сказал я.

— Значит, старший братик? — смотрела на меня мурена с таким загадочным взглядом, что я на мгновение пожалел о произнесенных словах, — раз я твоя младшая сестренка, то ты не откажешь мне в одном деле?

— Что за дело? — обернулся на подчиненных, а их и след простыл, как и ребенка, — рассказывай, что задумала, — я не понимал что происходит, стоял с хлопающими глазами, ждал ответ.

— Не скажу, — подмигнула девушка, — мне надо три дня. Побудь пока с Кешинем. Про важность сна и еды не забуду. Но не заходи, пожалуйста, пока не позову, это для тебя сюрприз, — просила она.

— Хорошо, — не знаю что она задумала, надеюсь, ничего опасного. Ушел к подчиненным, просил не беспокоить девушку, а сам полетел к Сальмиру, держа в лапах книгу с рецептом. Просьба сестры и мое к ней расположение. Не знаю что творю, но почему-то она мне напоминает друга, Кешина, брата Ями. Такая же открытая, веселая, добрая, рядом с ней утихает в душе буря, от ее смеха, пения отступает боль, рассеивается в

глазах туман. Именно этого и хотела Ями, призывая ее в этот мир. За что и поплатилась. Ледяная башня теперь ее тюрьма.

Тасси

Шиор покинул остров. По моей просьбе он понес книгу с рецептом Сателле. По словам его подчиненных, уйдет на это пару дней. За это время мне нужно сделать то, что я планировала. А именно разобрать библиотеку. Привести ее в надлежащее состояние. Не дело книгам быть не на своих полках. Сделаю это масштабно, переставлю все, даже стеллажи. Так, чтоб Шиор рухнул и не мог ничего сказать.

Почти день и ночь я пела, книги по моему желанию летали с полки на полку. Было трудно держать под контролем столько предметов разом, я заливалась потом, по спине бежал холодок, голос сходил на хрип, руки, с помощью которых я направляла и помогала передвижению, дрожали, но под конец выделенного мне времени, к возвращению Шиора исполнила задуманное. И как только дракон зашел в библиотеку по моему приглашению, как планировала, рухнул. Жаль что фигурально. Просто замер и не проронил и слова.

— Это тебе от меня подарок, — сказала я.

— Выпорю! — ругался дракон.

— Почему? — убегала от дракона, с ремнем в руках. И откуда достал. Я неслась к морю, на лету хватая сына под мышки и закидывая к себе на плечи.

— Это мой беспорядок и только я могу его разгрести! — он злился, но не с желанием меня убить, а с желанием меня выпороть, о чем он собственно и сказал, — это часть испытаний, каждый, кто придет, должен найти выход из ситуации, а ты!

— Помогла разобрать тысячелетний бардак, облегчить следующему ищущему работу и вообще! — встала на месте, — я старалась!

— Мелкая хулиганка! — я не стала отвечать, закинула сына на спину и пустилась в бег. Стража меня пропустила, и на губах заметила их улыбку, кивок на прощание и слова одного: «Спасибо». Шиор за это время стал открытей, радушнее, понимаю, он только со мной такой. Но я видела его истинный взгляд, таким, каким он является на самом деле, а не маску, за которой он прячется. Сын смеялся, но спрашивал, почему мы убежали от дяди Шиора.

— Он обиделся за библиотеку. Я навела порядок, а он хотел сам. Вот и рассердился. Не переживай, мы по-прежнему дружим, — сын сидел на моих плечах, смотрел вперед. Я плыла по поверхности, не могу как тритоны или осьминоги пользоваться магией и накрыть сына коконом с воздухом. Поэтому плыли так.

— А Урсул?

— Он вернулся к себе, — сказала я и тут вижу плывущие мне на встречу фигуры. При внимательном рассматривании, поняла, ко мне плывут осьминоги. Резкий поворот вправо и я ухожу от идущих на меня осьминогов. Но меня нагоняют, крича:

— Тассия! Мы от Урсула, — я не верила и прибавила скорости. Не горю желанием связываться с незнакомыми осьминогами. Сын спрашивал, почему я не останавливаюсь, ведь их послал Урсул, ответила:

— Не верю им, — он больше не спрашивал, сидел на плечах молча.

От меня отстали, не нагоняли. Я спокойно доплыла на скалы мурен и вышла на камни. Сын прыгал и радовался, что снова поиграет с тетями. Но их не оказалось на скалах. Даже записки. Я достала раковину, пыталась их призвать, но тишина. Пять попыток, и все бесполезно. Зато сын кое-что нашел.

— Мам, смотри, — показал на жемчуг с волос сестры, — это же тетино, — я взяла жемчуг и попробовала спеть еще одну мелодию поиска, не такую как на поиск книг, узконаправленную, на построение пути. Допев заклинание, увидела нить. Кешин смотрел и спрашивал: — эта нить к тетям?

— Скорее всего, — но с сыном идти туда опасно. Нужна помощь. Ее хотела попросить у Маэля и Арона. Для этого нужно вернуться в город, оставить им Кешина и отправиться на поиски сестер. Кешин не возражал поиграть с дядями, особенно покататься на спине Арона. Тот с удовольствием возил мальчика.

До города добрались быстро. И первым делом побежали к Сальмиру. Как раз время дежурства. Меня на входе встречал дежурный, сказал начальник на месте. Как и кентавр. Маэль на задании. Меня проводили в кабинет. Но тритон был не один. На меня смотрели золотые глаза с вертикальным зрачком в обрамлении пушистых розовых ресниц, и казалось, я вижу весьма повзрослевшего сына. Те же бледно-розовые волосы, но длинные, почти до поясницы, вытянутые уши, розовая чешуя на шее, груди и скулах, витые раздвоенные рога, между ними еще одни, и метка главы клана во лбу. Одет в белое с красной окантовкой хаори, с распахнутым воротом, перетянутое поясом оби красного цвета, того же цвета широкие штаны и традиционные тапочками на высокой подошве. В руке у него, как и у Ями кисеру.

— Это она, Сальмир? — голос тягуч, но тяжел и неприветлив.

— Хатару, не будь суров, — сказал тритон, — она приютила его, приняла, и не разу не обидела. Он сам признал в ней мать, — смотрит на выглядывающего ребенка из-за моей ноги, — так что не смей ее трогать и оскорблять, — сказал Сальмир.

— Не собирался, — фыркнул дракон, — но с муреной ребенка не оставлю, — встал подошел к сыну и посмотрев на меня сказал:

— Плевать на его признание, — хотел взять за руку, но Кешин убежал и спрятался за спиной Арона, — чем ты его одурманила? — а потом опомнился, — ты же не ответишь, — но я ответила и еще как:

— Ничем я не одурманивала, — надо было видеть лицо дракона, — и говорю я раз и навсегда. Не тебе его забирать. Нужно было следить за его семьей, и если была опасность, за ним самим, а не отнимать и говорить что я хороший, пошли со мной! Где ты был хороший, когда его семью проклинали? А когда его похищали? Так что не надо мне говорить о том, кто хороший, а кто нет!

— Дело говоришь, рыбка, — вошел Урсул, зыркнул на дракона так, что тот приготовился напасть, в его руках кисеру превратилась в катану, и меч был направлен на Урсула, готовый атаковать противника, помешали радостные вопли Кешина:

— Дядя Урсул!

— Чернильный? — уточнил розовый, — что ты тут забыл?

— Ее, — показал на меня, — я за тобой стражей отправил, а ты деру дала, — рассмеялся осьминог, — не доверяешь?

— После того, как меня трезубцем приголубили? — руки в боки и поза обвинителя.

— Виноват, — повинился осьминог, — нужно было самому тебя встречать, — и подошел ближе, взял за руку и сказал, — виноват, как загладить вину?

— Сестер похитили, — показала на нитку жемчуга, — Кешин нашел ее на скалах, а спев поисковое заклинание, увидела красную нить, она скорее всего ведет к сестрам. Но одной мне не справиться, хотела просить помощи у Сальмира. Но ты пришел и думаю просить помощи у тебя, — он согласился, но раздался еще голос розового:

— Я помогу, — сказал неожиданно дракон.

— С чего бы? — спросил Урсул.

— Считаю принесение извинений, — фыркнул он, — но учти мурена, ребенка я заберу.

Не сейчас, потом. Когда придет время. Ты не научишь его тому, что должен знать дракон, — я не спорила, — вот и договорились. Еще десять лет он будет под твоим наблюдением. А как только ему исполнится тридцать, заберу его и обучу всему, что должен знать молодой дракон.

— Мам, дядя не плохой? — показал на дракона.

— Нет. Он оставит тебя со мной, но когда придет время, ты должен будешь учиться быть драконом, — он обнял меня и согласился. Пришел довольный кентавр, отчитался о выполненном задании. Сальмир попросил приглядеть за Кешинем, пока мы с Урсулом отправимся искать мурен. Арон взял его на руки, посадил на спину и понес к себе домой. Сказал, матушка присмотрит. А Урсул и я с драконом, отправились на поиски моих сестер. Как сказал Урсул, девушек могли похитить с теми же намереньями, продать как наложниц или ингредиент в суп. Надеюсь, что не того и не другого с муренами не случится.

На данный момент продолжение книги в процессе, надеюсь, к весне будет закончена

Глава 6 "Магия голоса"

Тассия

Первым делом вернулись к морю. Пройдя на одном дыхании портал и оказавшись в городе. Нитка жемчуга в моей руке. Книга заклинаний выучена на память. Призыв, вплетенная в заклинание энергия предмета и мне снова показывают направление. Тот же курс, по словам Урсула. В пустыню, в те же места, откуда мы вызволяли пленных и посаженных в аквариумы морских жителей.

— Опять искать корабль их унесший? — смотрю на осьминога.

— Нет, — сказал розовый дракон, — тут что-то иное вмешалось, — не знал, как описать ощущения, — словно портал или одноразовый телепорт, были тут и в мгновение оказались там. И вроде знакомый остаточный след, — думал и не помнил, где его ощущал и как давно.

— Значит, нам придется идти по этой нити самим, — показал Урсул на красную направляющую нить, — переплываем? — показал на море, — а ты по небу, — показал дракону наверх, — не отставай, — и погрузился в воду, ведя меня за руку.

Дракон фыркнул и взмыл вверх. Думала, он как Маэль, с крыльями, западного вида, но он оказался восточным типом, как Шиор. Светло-розовая чешуя, длинное гибкое тело, рога, когти и лапы, длинный хвост с кисточкой на конце и тянущийся по позвоночнику густой мех, вытянутая как у лисы морда, два длинных белых уса, и розовый как мех на загривке носик. Я загляделась, сказала:

— Прекрасное создание, — а Урсул фыркнул:

— Долго любоваться будешь? — в голосе слышала ревность. Он думал, что я променяю его на розового дракона. Улыбнулась осьминогу, подплыла ближе:

— Не ревнуй, — щелкнула его по носу, — я просто представила, каким красивым станет сын, когда войдет в силу и возраст, загляденье просто, — и плыла рядом с ним, держа за руку, он делал вид, что меня не слышит. Но я привлекла его внимание одной фразой, — Урсул, я однолюбка и решений не меняю, — он остановился, прижал меня к себе и сказал:

— Я не вытягивал из тебя этих слов. Сама сказала, — я лишь кивнула. Он меня отпустил и мы плыли дальше. Проплыли его владения, после территории Шиора. Нас пропустили и сказали быть осторожными, по словам стражей, был всплеск непонятной энергии с той стороны, куда мы направляемся. Поблагодарили за информацию, а страж, попросил меня на пару минут задержаться.

— Артиль, у тебя ко мне вопрос?

— Нет, Тассия, просьба, — я спросила какая, — навещай главу почаще, он скучает, — я удивилась и напомнима, как именно покинула поместье Шиора, на что Артиль улыбнулся и сказал: — он не серьезно, — а потом поразил, — твое присутствие меняет господина, буря в его душе стихает, — тот же взгляд в прошлое, — сейчас он похож на себя прежнего, в те года, до войн и заточения в ледяной тюрьме, — я сказала, что на обратном пути обязательно навещу его, а еще попросила:

— Артиль, мне нужно знать, ты что-нибудь слышал о пропаже мурен, остальных русалок и осьминогов. Если слышал, расскажи мне, это важно, — но дракон ничего об этом не знал, сказал лишь:

— С той стороны, куда вы направляетесь, разносится непонятный оттенок магии, я не помню таких ощущений, даже не представляю, кому может принадлежать такой окрас. Но в

той стороне что-то твориться однозначно. Береги себя, — попрощалась с ним, нагнала Урсула и пересказала все, что мне поведал дракон. Осьминог не удивился, сказал, что стоило ожидать, я спросила, с чего он решил.

— Сия, помнишь, я говорил о том, что чуял запах от одного из контрабандистов? — я кивнула, — так вот, снова этот запах. Тех моряков нет, но запах остался. И мне кажется, чуял я тогда не похитителей, а заказчика.

— Но мы с ними так же виделись, со всеми и всех придали суду, один мог выжить, но не факт что решится на повтор прошлых ошибок, — он не знал, поэтому не ответил. А мы уже прибыли, на берегу нас ждал дракон. Хотел рассмеяться, мол, кто кого ждал, но нам не до этого, Урсул стал серьезнее, спросив: — Хатару, можешь нас с Тассией на себе довести? — дракон ошалел от подобной просьбы, но принял свой драконий вид и сказал залезать, спросил, что за срочность, и что за перемены в настроении, — по пути расскажу.

По пути Урсул пересказал один слух. И в голове в нужный момент сложилась картинка. А еще он понял, что за спирали и зачем нужны дети и их глаза. Мне стало жутко. Как и Хатару. Старинный ритуал, давно утерянный. И когда мы проплывали мимо владений Шиора, до Урсула дошло, что вообще происходит. Вопрос в том, как это остановить.

— Для чего он и кто его приводит в действие?

— Кто без понятия, а вот для чего, вопрос интересный, а ответ на него жуткий. Глаза зеркало души, так говорят, и забирая глаза, ты забираешь часть души, не значительную, не ощутимую. Но если по капли с каждого, получится банка, а там кастрюля и так далее.

— Для чего ему капли душ? — спросил дракон.

— По капле он собирает силы и способности, — мне уже не нравилось к чему все это вело, — тот, кого он собрался призвать или оживить должен иметь все силы и сущности этого мира, или иметь возможность противостоять, и капли эти обязаны быть в начальном этапе, чтобы они его не уничтожили. Чтобы силы не перекликались, и не подавляла одна другую.

— И делает это с помощью детских глаз, — Урсул добавил:

— Да, — но тут добавил, — есть в его списке пробелы. Не всю коллекцию ему удастся собрать, — дракон рычал и ругался, говорил, что это не шутки, страдают дети, миру грозит не понятно что, — я не шучу и не насмехаюсь. Ему не все силы в мире удастся добыть. По одной простой причине.

— По какой? — спросил дракон.

— А подумать? — уточнил у летящего. Тот замолчал и сказал:

— Не у всех есть дети или есть такие рода, в которых детей не рождалось очень давно, — Урсул подтвердил, дракон продолжать рассуждать, — у морских драконов нет детей и у вас мурен, дети не рождались несколько десятилетий, — и тут понял еще одно, — и Кешин в опасности. Он единственный ребенок из рода «Бледной сакуры»

— Он каким-то чудом сбежал, — сказала я, — его поймали с той же целью.

— Значит, его нужно спрятать надежнее на какое-то время, — я согласна с драконом и Урсулом. Сына нужно защитить. Он последний розовый дракон-ребенок. Напомнила Урсулу о том, что он не обо всем рассказал, — так, кого призывать собираются?

— Если помнишь историю, — это было сказано дракону, — то должен знать, кто такой Мьялайсаш, — думала дракон рухнет с нами на спине, — убиться с нами на спине хочешь? Совсем рехнулся?

— А ты чего ерунду мелишь, Чернильный? — возмущался Хатару, — его нет почти три

тысячелетия, с чего ему возродиться и кто такой смелый? Его же боги разорвали на кусочки, мы драконы помогали, с чего ты взял?

— А теперь для меня. Кто такой Мьялайсаш?

— Рыбка, я не знаю, откуда ты такая выплыла, раз элементарных страшилок и легенд не знаешь, — тут я его перебила и уточнила:

— Легенды и страшилки я знаю. Значит, ты имеешь ввиду того самого? — на голове зашевелились волосы. И выражу всеобщее мнение, наш мир в жопе, если его удастся призвать, пусть и с пробелами в силах. В нашем мире, по легендам был похожий миф, из древней Греции. Титан и боги. Зевс, Посейдон и Аид, эти три бога правили пантеоном, разделили власть. Но до них был их отец. Пожиравший своих детей. Не буду вдаваться в подробности, скажу лишь одно. Здесь страшилка не уступает.

— А я думал, ты не в курсе.

— В курсе. Значит, нам предстоит остановить воссоединение из кусочков, заточенных в недрах земли самого Повелителя Кошмаров? Изначальную тьму и хаос?

— Да, — спокойно ответил Урсул.

— Поражаюсь твоему спокойствию, — на что осьминог мне ответил:

— А чего бояться? Нужно его во время остановить и проблем столкновения не будет. Лишь вопрос как разобраться с тем, кто его призывает и для него силу собирает. И кстати, — напомнил мне и дракону, — им может оказаться кто угодно. И еще одно.

— Что еще? — спросил дракон.

— Он должен будет как-то решить проблему с недостающими кусочками души. Взять их можно у взрослого, но присоединить в последний момент, — и тут его осенило, — вот почему он отловил мурен, и скорее всего очередь настанет и для народа Шиора.

— Его нужно предупредить, — сказала я.

— На обратном пути, сейчас мы потратим время, да и Шиор не маленький, за себя постоять сможет. Продержится какое-то время, — Урсул в нем не сомневался, а я переживала. Дракон же летел молча. Нам не долго осталось. Нить становится ярче. А это значит, цель близка. Так написано в книге.

Отступление

— Господин, — влетает в лабораторию подчиненный, держась за грудь. Дыхание затруднено, с лица течет пот, глотка горит, — беда! — подает ему в ноги, — беда! — снова поклон. Отвлекаясь от процесса, на его руках длинные резиновые перчатки выше локтя, на лице большие с увеличительными стеклами очки, белый халат и колбы в руках, — они нашли нас, — падает в ноги бывший падишах пустыни. Он так старался найти место, где его не найдут, он горел желание разобраться со всеми муренами, чтобы не одна поющая не осталась в живых. Но тут его снова нашли, не помогли защитные барьеры и знаки. План мести под угрозой.

— Нашли, значит, — он был доволен, улыбался, — раз так, то забираем самое ценное и покидаем это место, — сказал ученый. Падишах не понимал что, по его мнению самое ценное, — мурену одну забираем, — показал пальцем на самую младшую, — остальное не важно. Уже не важно, — его улыбка и азарт в глазах привлекали падишаха, он готов был следовать за ним куда угодно. Он и следовал. Ему уже не чего терять, но есть что приобрести, находясь рядом. Сладкую месть, возможность исполнить задуманное. Но сейчас, оставляя здесь мурен, падишах задался вопросом:

— А как же моя месть? Вы обещали мне месть! — хотел возразить, что ученый обещал уничтожить всех мурен, а ту, которая разрушила труды его жизни в первую очередь. Подарив ей столько же мучений, сколько пережил он, бродя по той самой пустыне без еды, лишь с бурдюком соленой воды. Ученый подошел к падишаху и сказал, успокаивая:

— Всему свое время, — говорил ученый, — они все получают, всем воздастся, — снимая перчатки, очки и халат. Все инструменты надежно собраны, реагенты и химикаты не соприкоснутся друг с другом. Он был готов, как и падишах. Мурена в бочке, остальные в аквариумах, плевать, их спасут, они не важны. Нужную мурену им не достать так скоро. Осталось лишь часть морского дракона, и найти пропавшего из его лаборатории розового ребенка. И господин будет готов к возрождению. Но пока у него другие заботы. Поскорее покинуть этот замок. Портал и воронка черного вихря. Следующая станция владения морского дракона.

Тассия

Похититель сестер скрылся, как и его пособник. Зря мы надеялись на то, что сохраняя падишаху жизнь призовем его к разуму. Он продолжил свое дело. Аквариумы и пойманные им морские жители могли снова оказаться в этих стеклянных банках. Всего комнат для содержания было около трех десятков. На каждого отдельная, как и в прошлый раз. Мнимая свобода. Но замок пустовал. Как и аквариумы. Его покинули в спешке. Лаборатория так же была перевернута и все, что когда-то тут было, унесено с собой.

Мы с драконом и Урсулом ходили по коридорам и заглядывали в каждую комнату. Но ни единой души. Хотела спеть призыв, как открылась очередная дверь, а на меня умоляющим взглядом смотрит сестра. Первой мы нашли Линьер, следующую Иньзцы. Они остались единственными в этом огромном замке. Никого не было. Они вернули себе ноги и стояли не уверенно, но не падая.

— Где Юйши? — спросила девушек, но по поникшему взгляду поняла, ее здесь нет, но спросила: — Она была с вами, когда вас похищали? — кивок, значит ее унесли с собой, она для чего-то нужна. И если это то, о чем я думаю, дело дрянь. Смотря на девушек и меня, дракон спросил у старшей Иньзцы:

— Она младшая среди вас? — снова кивок, — а среди мурен всего рода и народа? — девушки пожалы плечами. Они не знали, ведь мало с кем общались. Не приветствовали наклонности сородичей. Им не нравилось топить корабли, пожирать человеческую плоть, им бы на солнце греться, жемчуг искать, да ракушки собирать. Они мне об этом говорили. Их не трогают, свое мнение не навязывают. Мурены народ со своими убеждениями. Мы себе на уме. Выбор любой из нас не высмеивается и другая точка зрения не навязывается. О чем-то думая Урсул молчал, но тут вступил в разговор, понимая, для чего забрали девушку:

— Тасси, она одна из недостающих частей, — я спросила:

— Уверен? Думаешь, он не станет искать мурену моложе?

— Сколько ей лет? — спросил Урсул у Линьер. Она едва шевеля пальцами написала на пыльной столешнице «108».

— Значит, она младшая, — это не так, но я молчу. Ведь я младше. Мне и сорока нет. Только похититель этого не знает, как и девушки. И я не скажу, поселю сомнения и подозрения. А я не хочу оправдываться, как так получилось и откуда такая взялась. Перед богиней не удобно будет и вообще, не знаю как отреагируют окружающие на попаданку неизвестно откуда свалившуюся на головы.

— Получается, — сказала, а Урсул добавил:

— Если это так, и Юйши пойдет как заменитель детской энергии, то остается мало времени. Еще два пункта и набор собран, — девушки не понимали про что мы говорим и что за набор. Я хотела рассказать, но нам не до объяснений. Надо как можно скорее предупредить Шиора. Следующим станет младший морской дракон и последним недостающим ингредиентом останется сын. Это понимали все, поэтому нам нужно срочно отправляться к Шиору.

— Хатару, — коснулась его плеча, дракон был в прострации оттого, что происходит, но на меня внимания обратил, — сможешь нас всех донести? — показала на нашу компанию из четверых. Он посмотрел на нас и кивнул, — Хатару, — он ждал вопроса, — я хочу поблагодарить за помощь с сестрами, без тебя мы бы еще в пустыне плелись, — он отмахнулся и сказал:

— Ты помогла мне куда больше, приняв и защитив Кешина, — могу считать эти слова извинениями. Ведь большего чем эти слова, я не услышу. Мне и этого хватило.

Девушки вышли следом за нами. Солнце нещадно палило, но они терпели, как и мы с Урсулом. Взяли запасы соленой воды, так нам будет легче пережить полет и новую порцию пустынного солнца. Хатару снова призвал драконий облик. Столько счастья и радости в глазах я не видела никогда. И у кого? У взрослой мурены, Иньзцы ликовала как ребенок, гладила дракона по мордочке, тот был против, но она не обращала внимания на протесты Хатару, касалась длинных пушистых усиков, водила пальчиками по ветвистым рогам, даже по мокрому, розовому носику.

— Кажется, кто-то влюбился, — шепнул мне Урсул, смотря на мурену и дракона.

— С чего ты взял?

— А ты посмотри. Если бы Хатару был против, мурена бы ни разу не коснулась его, — из этого вывод очень простой, — она ему приглянулась. И плевать на род мурен. Так что поздравляю, — хоть что-то хорошее. Но нам не до этого, пока Иньзцы трогала Хатару, он летел и не сопротивлялся, но стоило нам приблизиться к владениям Шиора, держаться дракону на весу становилось труднее. Его словно притягивало. Он то резко падал и не контролировал полет, то снова набирал высоту, так повторялось несколько раз. И последний стал проблемнее. Он терял сознание, закрывались глаза, казалось, он сейчас уснет, и мы все дружно рухнем вниз. Поменявшись с сестрой местами, взяв его за рога, спросила в ухо:

— Что с тобой, Хатару? — он на какое-то время пришел в себя, ответил:

— Что-то не дает высоту набрать! А еще на меня воздействуют, не пускают! — рычал дракон. Нам всем пришлось резко прыгать в воду. И не зря его тянуло, — во владениях Шиора что-то происходило. Защитное поле вокруг острова нарушено, оно поддерживается силами Шиора. Или его на острове нет, или он не может его поддерживать, — показал когтем дракон на рваную полупрозрачную оболочку, — нам нужно ему помочь!

— Смотри, — драконы в своем человеческом облике, — их кто-то раскидал как детей малых, — мы шли от берега, всех стражей скрутила какая-то зараза. Чем-то похожа на кристаллы подчинения. Росла из-под ног, оплетая и подчиняя. А это плохо. Появившись в их поле зрения, мы навлекли на себя неприятность. Мы стали их целью. Призывая частичную трансформацию, с когтями и пустым взглядом на нас шли морские драконы.

— И что делать? — спрашиваю у старших.

— Без понятия, — сказал Урсул, — нужен Шиор, он вернет им разум, — вопрос в том, где он. Осматриваться по сторонам некогда, но у нас нет другого выбора. Осматриваясь и

при этом, отбиваясь от морских, стараясь как можно аккуратнее это делать, нашла след из крови. Видела, что он уходил к источнику. И тот кто пролил эту кровь серьезно пострадал. След осязаемый.

— Я за ним, — показал на кровь, — прикрой меня, — сказала Урсулу и Хатару, сестры следовали за мной.

Мы откидывали звуковой волной всех, кто к нам приближался, но понимали, пройти всем не получится, первой взяла на себя огонь Линьер. Она осталась сражаться против морских. Криком прибывала их к земле. Не знаю как долго она продержится, но нужно время. Если ранен Шиор, уйдет достаточно времени на его восстановление, ведь он единственный кто сможет вернуть разум своим подчиненным. Мы с Иньзцы прорывались через морских и шли в сторону источника. Были близко, когда сестра осталась, как и Линьер отвлекать драконов на себя. Просила быть ее осторожнее. Она кивнула и крикнула так, что даже у меня зазвенело в ушах. Что говорить про драконов. Они припали к земле и не могли пошевелиться.

А я шла по кровавому следу. Приближалось розовое дерево. Виднелись его лепестки. Чувствовала кожей тепло источника. Была близка, как на меня напал дракон. Видела, лежащего на краю источника Шиора, но не могла подойти. Дракон атаковал меня, пытался порезать когтями, достать хвостом, использовал магию. Вода принимала форму клинков и лезвий.

— Чтоб тебя! — ругалась на треклятого экспериментатора. У кого хватило сил под контроль взрослых драконов взять, ума не приложу. Но одно знаю, он не простой человек, маг или иной представитель расы. Кто-то гораздо сильнее, не зря Урсул запах странный чувствует. Нужно разобраться, а для начала с тем, кто мешает подобраться к Шиору. Он в данный момент моя главная проблема.

В голове крутятся заклинания из книги по магии голоса. Есть способ на время вывести его из равновесия, правда потом придется уши лечить и возможно перепонки барабанные восстанавливать. Тряхнуть мозг, вот что я хотела. Дать по мозгам ментально, криком и ударом по голове одновременно. Для этого придется постараться.

Сделать это удалось, правда не без ранений. На боку следы от драконьих когтей, сочатся кровью, принося боль и слабость. Но я сижу на плечах дракона, держа его голову в захвате. Он пытается вырваться, нанося мне новые раны, но я готова его утихомирить. Держу за уши и не отпускаю. Крик раздается в определенной тональности, только ему в уши, да так сильно, что и правда трещат перепонки. Дракон падает, с него слезаю я, смотря что натворила. У него из ушей течет кровь, но мне не до него. Шиору нужна помощь. Дракон тяжело ранен и поможет только источник.

— Сия, — шепот дракона, — это ты? — его глаза не открываются, но шепот губ и голоса слышен отчетливо. Он держит меня за плечи и не отпускает. А я захожу в источник. Нужно время чтобы тело дракона начало исцеляться. Как и мое. От стража мне досталось знатно, оба моих бока в глубоких порезах, не считая мелких царапин на руках, ногах и лице, от горячей воды жжет кожу, но раны затягиваются. Потеряла счет времени, пришла в себя уже в кольце рук Урсула. Шиор по-прежнему в источнике, как и мы все.

— Пришла в себя?

— Как драконы? Как Шиор?

— Со мной все хорошо, — Шиор уже в сознании и просто восстанавливается в источнике, — благодаря вам, — осмотрела всех, и убедилась в том, что не ослышалась и что

вся наша компания и пострадавшие драконы отмачиваемся в источнике, залечивая раны. Сильнее всех досталось мне, дальше идут сестры, они так же были украшены драконами и сидя в воде, залечивали раны. Шиор почти восстановился энергетически, рана еще долго будет заживать, но он мог залатать барьер. Остров снова стал окружен полупрозрачным куполом. Мы просили рассказать, что случилось, и кто на них напал.

— Так кто это был, Шиор? Кому удалось проломить твой барьер, взять под контроль разум драконов и ранить тебя? — смотрел на него Урсул. И не только он, нам тоже интересно, кто на подобное способен.

— Если бы я знал, — развел руками дракон, — но запах странный, — как и в случае с Урсулом, он почувствовал странный запах, — он не принадлежит ни к одной из рас, населяющих наш мир, — думал дракон, — я тогда еще удивился, кто так может пахнуть, но так и не понял. Вот и сейчас, сижу и думаю, — а меня интересовал еще один вопрос:

— Шиор, а где осколок твоего рога? — показала на сломанный рог дракона. Если я правильно помню, в рогах драконов так же содержится сила и с душой их рога тесно взаимосвязаны. Как с глазами. Он тут же коснулся головы и замер, — это случилось до ранения или после? Кто лишил тебя части сущности? — и надо было видеть лицо Урсула, по его взгляду я поняла, тому, кто собирает душу для местной страшилки, осталось достать только часть души сына. Или такая же часть от Хатару. Все смотрели на драконов и не знали что сказать.

— А теперь рассказывайте мне все, что узнали, — просил морской. Мы ему и выложили. Он менялся в лице и готов был пойти к небесному владыке с докладом, не будь подозрения на его счет или кого-то из богов. Мы уточняли, уверен ли он, на что дракон заявил: — если это запах не кого-то из рас мира, то точно кого-то из них.

— Ями исключаем, — сказала я.

— Да, она точно не причастна, — согласился дракон, — тогда останется проверить всех остальных, — поражаюсь его уверенности, вопрос как именно он собрался это делать, дракон сказал, что просто придет во дворец богов и доложит о происходящих похищениях. Если виновник будет присутствовать на собрании, он учует и поймет, кому счёт за беспорядок выставлять. Мы согласились, но делать это нужно как можно скорее. Ведь осталась последняя, недостающая часть. За ней он и отправиться. И мы не знаем, сколько у нас времени.

— Мы за Кешином, — сказала я, — а ты восстанавливайся и к небесным, — он скривился и кивнул, — Урсул, ты со мной или к своим вернешься?

— Рыбка, ты за кого меня принимаешь?! — возмутился моим словами, притянул меня к себе, и заявил: — я свою женщину одну со всем этим дерьмом разбираться не оставлю, — посмотрел на мурен и дракона бледной сакуры, — а ты, Хатару?

— Я с вами, — и посмотрел на Иньзцы, — если она не против, — та кивнула, — тогда возвращаемся к Сальмиру, стережем Кешина, или заманиваем мной. Как получится. Из нашего рода «Бледной сакуры» осталось двое. Он придет или за мной или за ним. Так что все равно столкнемся.

— Договорились, — сказал Шиор, вылезая из озера, хотела его отговорить улетать прямо сейчас, на что он сказал: — потом отдохну, так надо, — я не стала продолжать его отговаривать, раз он все решил, пусть так и будет, он взрослый, — на этом прошу простить, — и взмыл вверх.

Ему предстоит тяжелый путь, рана не зажила, все-таки кусок плоти вырван и видны

ребра, но он не собирался медлить. Чем быстрее доложит, тем быстрее узнает, кому он обязан за причиненный на его острове бардак и за сломанный рог. Полет давался ему тяжело. Он периодически терял высоту и менял направление. Хатару хотел ему помочь, но свое слово сказал Артиль:

— Он сможет добраться сам, — поняли, что помощь он не примет, раз это говорит его старший страж. Раненые драконы остались залечивать раны. Артилю досталось от меня. Его уши истекали кровью, слух он восстановит, но не скоро. За это просила прощения, но получила ответное: — ты меня тоже прости, Тассия, — показал на порезы, — это ведь я тебя изранил, — на что я сказала, а он внимательно смотрел на меня, читал по губам:

— Ты не ведал что творил, а вот я навредила тебе осознанно, — показала на уши, — так что я перед тобой виновата, Артиль, — поклонилась и пообещала привести лучшего целителя, когда все это закончится. Он поклонился в ответ и сказал, что будет ждать.

А мы покинули земли дракона, вернулись к Сальмиру. Увидев еще мурен, тритон тихо сел на стул. Не ругался, но был в шоке. Особенно узнав о Иньзцы и Хатару. Сестры и Хатару вышли из отделения, ждали нас на улице. Мы с Урсулом остались для того, чтобы ввести Сальмира в курс дела. И с каждым нашим словом тритон серел и хмурнел. У него не шевелились шестеренки в голове, а когда мы сказали о причастности небесных, думала из его ушей пар пойдет. Но он выдержал. Спросил о его роли в этом деле.

— Сторожить Кешина, — сказали мы с осьминогом.

— Тогда пошли к Арону. Устроим засаду. Он все равно рано или поздно объявится. Будем ждать, — вышли из отделения стражи и пошли к дому Арона. А у меня туда ноги не идут. Тут же куча воспоминаний и не одно из них не светит яркими красками. Притянул меня к себе Урсул, взял за руку и сказал: — пусть только попробует что-то сказать, — по его взгляду поняла, он не шутит, прижмет трезубцем кентавра к стене, если такая необходимость будет, — я не позволю тебе навредить.

— Спасибо, — успокаивалась в его руках и от присутствия.

Сестры ушли ко мне на квартиру. Я просила побыть их подальше от сражений. Нас и так там будет много. А они хотя бы отдохнут. Они стали возражать, напевая, так мы общаемся, что они сильные и пригодятся. Уговорил их посидеть и отдохнуть, вызывая к разуму Хатару, уговорил Иньзцы, та смотрела на дракона пронзительным взглядом, он не уступал. Она сдалась, и узнав адрес моей квартиры ушла, как и Линьер. А мы шли к Арону.

Нас встречал сын и кентавр старший. Сын бросился мне на руки, говоря, что он скучал и что больше не хочет меня оставлять. Я обещала не оставлять его на долго и вообще, в следующий раз взять его в гости к Шиору. Он бегал рядом и радовался. А хозяин дома одаривал меня не добрым взглядом.

— Тасси, ты вернулась? — спросил довольный Арон, — Кешин скучал.

— Я тоже Арон, — фыркнул старший кентавр, смотря на меня, и всех кто со мной рядом. У него поинтересовался Сальмир в чем дело. Почему он так реагирует, на что хозяин дома высказал все, что думает обо мне и мне подобных, да так красочно и ярко, что понял это сын. Взял меня за руку и спросил, почему дядя Армир так ко мне относиться. Что я такого сделала. Тут его понесло:

— А что хорошего? От мурен одно неприятности! Если ты не пожираешь людей, не топишь корабли, это не значит что ты белая и пушистая! Ты такая как есть и никакой голос и разговорный артефакт этого не изменит, даже благословение вашей морской богини. Ты — падальщица! — это было последнее, что сказал кентавр, так как черное острие трезубца

упиралось ему в кадык. Глаза Урсула стали как два портала в бездну, черные, без намека на белок, сплошная темнота. Вокруг него колыхались чернила, создавая лезвия, направленные на кентавра, такого Урсула я видела первый раз. Как и говорил мне Шиор, он жесток и безжалостен. А мил лишь с тем, кто ему дорог и важен. Остальных может без зазрения совести и морали убить на месте. Так и поступил бы с кентавром, не видь его Кешин.

— Повтори! — требовал он голосом, точно не принадлежавшим Урсулу. А вот главе Чернильного клана, Урсулусу, очень даже. Властный, жестокий, беспощадный, вот каким я увидела осьминога. И скажу, мне стало страшно. Ведь не будь я ему важна, он мог поступить со мной так же. Приставить лезвие к горлу и убить в мгновение ока.

— Урсул, остынь, — пытался достучаться до него Сальмир. Но он сказал лишь одно:

— Если бы я остывал каждый раз, как меня оскорбят, то был бы давно мертв! — в этих словах вся его жизнь. Он привык так поступать, убивать всех, кто ему угрожает, кто его оскорбляет, это его мировоззрение, создаваемое годами. Как сказал мне однажды Урсул, он выбрался с низов, не родился благородным и с титулом в придачу, он добился всего сам. И видя трезубец у горла кентавра, могу понять как именно, и чего ему это стоило.

— Урсул, — положила на его плечо руку, — ты же не убьешь его на глазах Кешина? — он понимал, что сделай он то, что собирался, Кешин перестанет ему верить, как и я отдалюсь от него. Мне и правда страшно, за него, за то, что будет с ним, убей он кентавра на глазах всех стоящих рядом. Я его поддержу, при любом раскладе. Но хотелось бы менее проблемное развитие событий. В глазах главы семьи уже виделось кладбище, надгробие и цветочки, а еще в ушах стояло оглашение завещания. Он не смотрел на осьминога, его взгляд был далеко.

— Дядя Урсул, не злись на дядю Армира, — сделал шаг вперед, держа меня за руку, сказал: — он больше не будет обзывать маму, — смотрел на Урсула и кентавра, боясь и того и другого. Рука Урсула дрогнула, глаза стали возвращать былой цвет, холод и страх им испускаемый постепенно отходил, он зло рыкнул, все еще держа трезубец у горла кентавра:

— Твое счастье, конь, — плюнул Урсул ему в лицо оскорбление, — что для меня важен этот ребенок и его ко мне доброе отношение. В противном случае я бы даже Тассию не послушал, на кормильца в семье стало бы меньше, — отозвал силу и ушел со двора кентавра. Ему нужно остыть, так сказал на прощание.

— Мам, Урсул придет?

— Придет. Ему нужно успокоиться, — сын смотрел на уходящего осьминога и меня. Что-то для себя решил, кивнул, сказал что проголодался, я взяла ребенка на руки и понесла в дом. К столу звала мама Арона. За мной шел Сальмир и Хатару, не проронивший все это время и слова. Он не лез в чужие разборки. Не в его характере вмешиваться без надобности. Сказал, без него разобрались. А вот отец семейства кентавров был или возмущен или удивлен, так как выдал:

— Кто бы мог подумать, что слухи о том, что Чернильный глава признал мурену своей женщиной, оказались правдой! — потирая шею, которую не так давно грозились пронзить три лезвия. На его коже остались следы от трезубца, они ему станут напоминанием о том, что язык враг и ему не всегда можно позволять говорить все, что заблагорассудится.

Глава 7 «Узнать врага в лицо»

Шиор

Чтобы я еще раз по собственной воле посетил небесных?

Ни разу больше!

Нога моя не ступит в их город. Напыщенные, самовлюбленные идиоты, дальше носа не видят! Плевать, как меня приняли, не в первый раз. Владыка не жалуется мой народ, как считал нас поборниками правил, так и считает. Все еще думает, что мы мним себя выше его. Но мы давно приняли участь быть позади. Но не в этом суть, а в том, как меня приняли. На край небесного города я рухнул. Разодранный бок кровил, сил было мало. Стража среагировала как надо. Окружила и предъявила обвинения в незаконном проникновении. Резко подняли, наложили сдерживающие чары, как заключенного или пленного, привели в блокировочных кандалах, на ковер к Владыке, с охраной и копьями у шеи. Вели меня так через весь небесный город. Надо мной смеялись, показывали пальцем и провожали в последний путь.

Привели в главный замок. Великий и Всепрощающий, а это Владыка небесных сидел как и полагается правителям мира и всех народов. Прямая спина, чуть приподнятая голова, смотрящий на меня цепкий взгляд холодных льдинок-глаз, сжимающие с силой подлокотники трона руки, переливающиеся на пальцах драгоценные камни, солнечные блики играли в его короне и светлых, как топленое молоко волосах. Весь его образ светлого и великого, возвышающегося над другими меня бесил. Хотелось носом ткнуть в мировые беспорядки и за волосы протащить по площади какого-нибудь приграничного города, где люди и существа умирали с голоду. Но я всего лишь зарвавшийся дракон, не знающий себе места.

— И что тебе, о великий Шиор, от меня понадобилось? Как смел ты без приказа подняться в мой город! — в его голосе нескрываемая издевка, насмешка и конечно яд, таким даже пустынная королевская кобра похвастаться не может. А она безумно ядовитая. Одна капля такого яда может убить даже дракона, растворить тело за пару минут, даже кости не останутся.

— Владыка, — голос мой тих и спокоен, а так же смиренен, как и положено проигравшему, подчинившемуся, — прошу вас о конфиденциальном разговоре, — осмотрел на всех незаметно, боковым зрением, старался как можно незаметней пользоваться внутренней силой, не скрываемой барьерными кандалами, — на вверенной вами земле происходят ужасные преступления, — он одарил меня лишь фырканьем, — пропадают дети, всех рас без исключения, — тут его бровь на миг дернулась, но все быстро вернулось на прежнее место.

— И что ты от меня хочешь, морской? Прикажешь мне спуститься и их найти? — по залу прошелся гул смеха, издевательских высказываний.

Почти весь пантеон небожителей присутствовал, не хватало парочки богов. Ями и ее дядюшки, остальные пришли посмотреть на побежденного и смиренного врага. Разодеты, намалеваны, даже пьяны от силы и власти, которой упиваются. И не стесняются даже наготы. Рассадник разврата и порока. А небожители. Обстановка величия присуща только Владыке, восседающего на золотом троне. Его трон — это древо мира, выкованное сильнейшим и мудрейшим кузнецом и артефактором, старшим наследником Творца.

Искусная работа, трон передавал образ вид дерева до мельчайших деталей, даже жилки у листьев. Сам Владыка одет во все белое, свободные шелковые штаны, шелковый нижний и верхний халат с широкими рукавами, бархатная мантия с золотой вышивкой, и меховой отделкой на воротнике. Волосы затянуты в тугий пучок, а голову украшает корона с изумрудами. На некоторых пальцах золотые перстни. На остальных я не смотрел так внимательно как на него.

— Детей нашли, — тихий голос, и повторный поиск того магического следа. Его запомнил и среди присутствующих его нет, — но проблема в другом, Владыка.

— И в чем же? — он устал от моего присутствия и болтовни, голова склонилась на бок, рука ее поддерживала, нога была закинута на ногу. Видя, что я не собираюсь идти против Владыки и показывать шоу, стали расходиться зрители, им стало скучно, остались самые заинтересованные или ленивые, страдающие бездельем.

— У них пропади глаза, а вместо них черные кристаллы, через которые ими управляли, — тут Владыка оживился, слушал внимательно, — дети были под контролем, не представляю, что с ними делали и с какой целью, но ясно одно. Что-то намечается. Владыка, — голос стал еще ниже, — знаю, между нами пропасть, но прошу вас как подданный, разобраться в этом, — сил осталось мало. Рана еще не затянулась, а тут еще эти кандалы, блокирующие магию.

— С тобой-то что? — показал на бок и отломанный рог.

— Коллекционер собирает детские глаза не просто так, — он спустился с трона, приказал освободить меня, подошел совсем близко. С меня сняли кандалы, охрана так же отпущена, как и зеваки, теперь мы могли поговорить приватно, — глаза — зеркало души, забрав глаза, он собирает душу.

— Душу? Ты уверен?

— Уверен, — сил почти не осталось, мне бы до озера долететь обратно, а потом в спячку на неделю другую. Но покой мне только снится, — а мой рог, это замена глазам, детей у нас нет, — Владыка кивнул.

— Кто еще не попал в коллекцию? Или он всех собрал? — его беспокоило то, что происходило, и кажется, он догадывался, кого собираются возвращать. Он думал и пришел к тому же выводу, что и Урсул. Как не прискорбно, но Владыка и правда беспокоился за мир.

Этот ритуал годен лишь для одного, их отца, того, кто сотворил мир, но решившего поиграть в правителя мира. Мудрый создатель, Величайший творец миров, муж и отец, свихнулся. Никто не знает причину. Замечали за ним странное, слегка раздражен, немного встревожен, и так по мелочи, придирчив, капризен и замкнут. И все это переросло в большее. Приступ за приступом, гнев каждый раз все сильнее и разгоряченнее. В очередном приступе гнева убил жену, Творца душ. Не понимая что произошло, обезумев от горя, он готов был погубить мир и его созданий. Творец мира и всего сущего стал Владыкой Кошмаров, так его прозвали, или Повелитель Хаоса. Кому как нравится.

— Остался лишь драконий ребенок из рода «Бледной сакуры». За ним присматривает та самая девушка, душа, перенесенная из мира и принятая в род мурен. Тассия.

— Одна? Мурена?

— Нет. Целая команда, — улыбка и тепло в ее глазах растапливали мое сердце и душу, хотелось прижать ее к себе и не отпускать. словно младшая сестра, о которой хочется заботиться, которой у меня никогда не было, — у нее есть поддержка из сильнейших представителей народов. Они постоянно рядом и помогают. Сильнейшие из сильнейших, —

и не преувеличил.

— Кто? — требовал ответа небесный.

Он был раздражен, а еще зол, что не доглядел. Прямо у него под носом кто-то возрождает его обезумевшего отца. Как не понятно почему. Судьба мира на плечах девчонки. Такую уничтожить по щелчку пальцев, как нечего делать. Он это понимал, как и все мои подданные, когда согласились помочь ей и ее ребенку.

— Не считая Сальмира и старших мурен, Тассию и Кешина защищает Урсул, — от имени ребенка Владыка вздрогнул, в его взгляде промелькнула тоска и боль. Так звали его сына, которого он самолично казнил за помощь и дружбу со мной. Его самая больная точка, и может быть поэтому, услышав имя он смягчил взгляд, — осьминоги пойдут за ним, они приняли его пару и не осмелились сказать что-то против. Дальше клан воздушных драконов, кентавры и змеиные. Я с Артилем присоединюсь, как только подлечусь и восстановлю часть сил. Если Хатару вступит в альянс, цены не будет его помощи. К тому же, они с Кешинем последние из «Бледной Сакуры». Похитителю придется попотеть, пока до Тассии и Кешина доберется. Да и девушка может за себя постоять. Магия голоса у нее пробудилась и она продолжает удивлять.

— Это радует. Еще кто-то?

— Пока не знаю. Возможно кто-то еще откликнется, — сказал я, — я к вам с докладом, а с них план по защите. Урсул и Салтмир не смотря на разногласие родов все таки работают вместе и на них можно положиться, — отвечал, а Владыка уже думал о другом.

— Значит, он собирается вернуться, — отошел от меня Владыка, — что ж Шиор, — подошел и положил руку на мое плечо, смотрит на меня и мне этот взгляд не нравится, — думаю, я могу на тебя и всех вас полагаться, — я не понял, поэтому слушал, — ваша задача не дать вернуться отцу, — у меня тихий шок, и ступор. Получается, он оставит все как есть, не поможет, переложит все заботы о спасении мира на наши плечи. Если мы не дадим его разбудить, будет почивать на лаврах победителя, а если его батюшка возродится, найдет кого обвинить. Занимательно, и как не печально предсказуемо. А я уж было увидел в нем надежду. Думал, он и правда беспокоиться.

Я ничего не ответил, лишь вышел из зала и шел на край небесного города. И тут меня заманил шлейф силы. Точно такой же, как у напавшего на мой остров. Я не придал вида, следил за источником. И кто бы мог подумать, им окажется мудрейший и добрейший создатель артефактов, брат небесного владыки, отрекшийся от трона в пользу младшего брата. Старший из сыновей Творца мира. Великий и мудрый небожитель Асмаил, покровитель кузнецов и артефакторов. Умнейший и достойнейший. Кто бы мог подумать. И именно против него нам придется выступать. Жаль, очень жаль, что именно он наш противник.

Вернулся на остров и сразу рухнул в озеро, плевать, что в драконьем облике. Тело болело, рана снова открылась, текла не прекращаясь кровь. Перед глазами скакали мурашки, раскалывалась голова. В воде я становился собой, рана горела огнем, силы постепенно возвращались. Рядом сидел Артиль. Из его ушей капала кровь. Тассия и правда навредила ему, он на нее не в обиде. На счет визита к Владыке расспрашивать не стал. И так понятно, ничем он помогать не собирается. Остается восстанавливаться и присоединиться к группе защиты. Благо у небесного хватило «милости» снять с меня ограничение по передвижениям. Я могу свободно перемещаться. За это ему спасибо.

Небесный владыка

Рассказ Шиора заставил меня задуматься. Что же произойдет, если отец вернется в этот мир. Ничего хорошее естественно не будет. Три тысячи лет заточения не сделают его вменяемым. Как и ритуал соединения с душой. И все, что я и мои дети и племянники создали, полетит в хаос, в прямом смысле. Проблемы и полное незнание дальнейшей судьбы поднебесного сира. А еще этот дракон. Возомнил себя посланником доброй воли. Бесит! Раз так силен, пусть придумает способ остановить отца. У него библиотека, там книг столько, сколько нет во всем небесном городе. Пусть придумает и что-то предпримет. Если не получится и выхода и правда не окажется, приму меры и помогу чем посчитаю нужным.

— Брат, — вывел меня из мыслей старший брат.

— Асмаил, не слышал, как ты подошел, — улыбка и пожатие руки, — артефакты тебя совсем измотали, — показал на кожу руки и морщинки вокруг глаз, — ты так на отца похож, — и тот как-то странно улыбнулся, показалось, что не с доброй улыбкой как прежде, а со звериным оскалом что ли. Надеюсь, мне только показалось.

— Что ты! Мне до отца как до звезд, далеко! — и снова тот же тон, — что от тебя хотел Шиор? И как ты не скинул его с небесного города за наглость являться без приказа? — таким брат мне не нравится, кажется, еще немного и он будет смеяться как наш отец, откинувшись назад и расставив руки в стороны, зловеще и раскатисто, как гром. Но я не показывал вида, пусть и нервы стягивались в тугой ком. Мне становилось страшно. Мне! Владыке небесного народа становилось страшно! Это что-то да значит.

— Рассказал о том, что твориться на земле, — старался отвечать спокойно, не выдавая эмоции. Брат не обращал на меня внимания.

— И что там такого твориться, что он решился на проникновение? — рассмеялся брат, смех его и правда становился как у отца. С нотками безумия. До того как совсем съехать с катушек, у отца были приступы безумия. Сказывались десятки тысяч лет правления и повелевания нами и всеми созданными существами. Это началось с легкого раздражения, потом подкрепилось столетней бессонницей, потом подстрекалось развившейся из неоткуда паранойе и все в купе создало то, что дало жизнь под названием Кошмар.

— Сказал, пропадают дети. На каждом из стихийных материков, у каждой влиятельной и не влиятельной семьи рода и народа, по каждому наследнику и представителю мира и населения. Никого не обошло похищение, всем досталось.

— И что от тебя хотел морской? — скривился брат.

— Помощи, — сказал я.

— Какой? Спрыгнуть с неба и найти тех, кто похищает детей? — возмутился брат. Его тон и слова дали понять, он плевать хотел на мир и население, и еще пока не понял, зачем нужны дети и что именно у них забрали.

— Нападения прекратились, дети вернулись, — брат посмотрел на меня и спросил:

— И что тогда от тебя хотел дракон? — он был раздражен, одна лишь мысль о том, что дракон был здесь его бесила и он готов был лично скинуть Шиора вниз, при этом надеть на него путы, чтобы тот точно не смог принять свою форму и выжить.

— Доложил и посчитал важным.

— Ерунда, а не информация, зачем похищать детей?

— Этого я не знаю, — знаю, но пока не уверен.

— Так и плюй на него и эти заявки, — подошел брат, положил руку на мое плечо, его негатив ушел, на смену пришел тот самый свет, тепло и братская забота. Вот таким брат мне

направился куда больше. Он отказался от трона в мою сторону, никогда не перечил, всегда поддерживал, и говорил, править не его стезя. Вот артефакты клепать да меня советами наставлять другое дело.

— Видимо о Шиора разыгралась фантазия, — отмахнулся, а брат сказал:

— Именно, фантазия. Безглазые дети, та еще фантазия, — и тут душа моя и сердце рухнуло. Я не говорил про то, что дети без глаз. Смотрел на брата, в глазах которого плескалось среднее между безумием и скорбью, и все это я увидел так близко, как не видел никогда. Передо мной тот, кто все это провернул, тот самый похититель и захватчик частей души. Именно он собирался возродить отца, наплевав на мир, нами же восстановленный. Он смотрел на меня и добавил: — оговорка по Фрейду. ж прости братец, — он щелкнул пальцами, и я замер. Не мог пошевелить руками и ногами, замер как парализованный, шевелить получалось лишь губами, даже глаза казались застыли. И я теперь знаю как именно ему удалось провернуть этот фокус. И скорее всех небесных ждет такая судьба.

— Артефакты!

— А ты не дурак, братец! — смех, тот самый безумный смех отца, — да, ты правильно все понял. Я делал артефакты все это время для того, что бы занять свое полноценное место Владыки! Вы все мне верили, меня слушали и ничего перед самым носом не замечали.

— Я отдал бы трон тебе!

— Отдал бы!?! Мне он принадлежит по праву первого! — говорил брат, — но ты так активно пропагандировал свержение отца, все шли за тобой, что мне просто на просто ничего другого кроме планов по свержению и очищению мира от тебя и твоих детей не оставалось. Чтобы и намек на вас не осталось. Выжечь вас из истории. Я давно грел свой план.

— Так что же ты не агитировал и не призывал? Мог бы и сам свернуть отца, занять законное место! Я бы пошел за тобой!

— Пошел бы он! Точно, ты же такой благородный!

— О чем ты? Я бы пошел!

— Меня все устраивало, — рыкнул мне в лицо брат, — ты и твои детишки, все те ящерицы летающие, отняли у меня того, кого я любил и боготворил. Да, он свихнулся! Но я бы нашел выход, а вы! — он говорил так, словно не было того безумия и кошмара, которое сеял отец. Словно тех, кого он поглотил или просто распылил по щелчку пальцев, было не жаль. И смотря на брата вижу, ему не жаль. А мне жаль, как и брата, до одури верящего отцу, даже после всего что он сделал. Простить можно многое, но не то, что он сотворил с матерью. Именно это и подстегнуло меня взбунтоваться. Он убил мать, сломал ей шею в приступе гнева.

— Он убил мать! — напомнил я и почувствовал, как по щеке текут слезы. В его глазах так же плескалась боль. Я видел, как он тоскует, в его груди и сердце дыра от потери и сколько бы времени не прошло, она не затянется. Никто не всесилен и никто не может убить любовь, ту, что дается к родителям. Как бы они не поступили. И как бы я ненавидел отца, я его любил. Но понимал, он опасен не только для нас и мира, но и для себя.

— Да, убил! Я его за это ненавижу!

— Так почему? Зачем тебе все это? — смотрел и не мог понять. Раз он его ненавидел за то, что сотворил с матерью, для чего его призывать. Брат метался по тронному залу, несколько раз подходил и столько же раз уходил к трону, не садясь, лишь касаясь подлокотников или резных листьев. А когда его гнев поулавился, подошел, схватил меня за

грудки и глядя в глаза произнес:

— Я бы его вылечил! У меня есть наработки! — он гордился собой, как и я им. Но это не поможет отцу, его не вернуть, и все то, что собирался сделать, лишь ухудшит положение. Я пытался донести до него это:

— Он бы не стал прежним, как ты не понимаешь?

— Не понимаю! — кричал брат, — он был всем для меня, а ты его забрал! — брат схватил меня за волосы и потащил на трон, посадил и сказал: — Ты будешь сидеть здесь, как и прежде. Великий, — шутовски поклонился, — но не долго. Твое место займет он, ты станешь едой и частью его силы, — рассмеялся брат.

— Мои дети? — а еще сидящая в ледяной тюрьме Ями. Она не знает что происходит. А я не в силах ее спасти.

— Они, как и ты под моим полным контролем, — усмехнулся, — а моим контроль не нужен, — в тронный зал пришли все его дети и встали позади, на их лицах улыбки, во взгляде победа. Все они ждали, когда Создатель возродиться. Все это было продуманно много сотен лет назад. Я не замечал, как и сказал тогда Кешин, я не вижу дальше собственного носа. Он видел, знал. И видимо слишком много, раз брат убрал его моими же руками. Не видел я, а теперь уже поздно что-то рассматривать, если во все меня ткнули носом.

— Догадался?

— Да, о многом, — тот подошел, похлопал меня по щеке и сказал:

— Не переживай, ты останешься десертом, все увидишь в первых рядах, — брат смеялся, а я сидел на троне и не сойду с этого места, пока отец самолично не придет в небесный город. Случиться это скоро. Остался лишь один ингредиент. Или глаза ребенка или гор старшего дракона. Достать его дело пары дней. И все сопротивление будет разбито, никто не выживет и не помешает ему на пути. Брат поведал мне, как сказал, я ничего не изменю, так что можно и рассказать, что еще каких-то несколько дней и отец взойдет на свое законное место. И мои слова о том, что они оба безумцы брата только позабавила. Я остался один на один с мыслям и без единой возможности что-то сделать. Мне оставалось только думать и надеяться, что морской дракон справится. Никогда бы не подумал, что буду ждать помощи от Шиора. Всегда считал его высокомерным. Сын хотел раскрыть глаза, но глаза мои были слепы. Об этом я жалею, но не могу исправить.

Тассия

В доме Арона нас приняли, не считая его отца. Урсул появился ближе к ночи. Вид его хмурый и недовольный, но как сказал, убивать главу семейства в его планы не входит. Он ему еще живой нужен. Такой компаний и сидели. Сальмир рассказал последние новости. Пока мы искали сестер и восстанавливались на озере Шиора, всех детей нашли. Они сами вернулись домой. Их по рекомендациям закрыли в комнатах. Ждут того, кто вернет им разум и снимет контроль. Но мы обрадовали Сальмира другой новостью. Все сидевшие повисли в молчании. А что говорить, если миру грозит писец и полный Армагеддон. Если вернется Повелитель Кошмаров, будет не до детей и проблем с их глазами. Все это понимали. Как и то, что до возрождения Повелителя Хаоса осталось немного. Завладеть глазами Кешина или рогом Хатару. Но этого допустить никак нельзя. Именно поэтому все думали, как быть и что предпринимать.

Договорились создать альянс. Эту идею нам подкинул Шиор. Именно здесь, создать оплот защиты. Ведь убежать и прятаться не имеет смысла. Понимали и принимали это все. В

альянс входили мы с Урсулом, Хатару, Арон с Маэлем, воздушный обещал поговорить со старшим братом Артиэлем и попросить подмоги. Урсул был недоволен, сказал, что у них с братом Маэля отношения натянутые, но с кем у него они не натянутые. Так что Урсул смирился. А брат воздушного, обещался прибыть с подмогой утром. Сестер я пока не буду привлекать, они не восстановились, хоть и просились, подвергать их опасности не стану. Но понимаю, одной мне с детьми не справиться. Наши голоса помогут снять с них внушение.

Спать легли почти в полночь. Мы с Кешинем в спальне сестры Арона, остальных расположили хозяева дома. Сын так по мне скучал, что весь вечер сидел на руках и таким же образом уснул. Хоть Урсул и был крайне жесток, прощения у главы семейства за вспыльчивость и темпераментность попросил, как и об одолжении, больше словами не разбрасываться. Не то и правда на кормильца в семье станет меньше. К тому же мы все сейчас в одной лодке. И ругаться и вгрызаться друг другу в глотки будет сродни самоубийству.

Утром, как и говорил Маэль, прилетел его брат и еще пятеро воздушных драконов. Кроме него, к нам присоединился змеиный народ, из пустынного клана. Их детей похитили одними из последних, все вернулись и теперь ждут освобождения, и замене уничтоженных глаз. Подруга над этим работает. Она забежала, сказала что та самая книга очень помогла и она близка к завершению. Обняла меня и пожелала удачи. А еще просила познакомить ее с Шиором. Я удивилась, но согласилась. Думаю, он тоже присоединиться, как только восстановиться.

— Так что нам делать? — возмущался старший воздушный.

— Кешин или Хатару, ему понадобится или тот или другой. Он обязательно придет за частью для объединения души. Эта часть ему нужна, — объяснял Урсул, на его слова воздушник фыркал, но не перебивал, так как понимал, лучше и правда приготовиться к нападению, чем потом резко собираться и что-то предпринимать, и бесполезно это, если Повелитель Кошмаров вернется, никто не знает, как с ним справиться. Удалось его разорвать на части и запечатать ценой многих жизней. Этого близким и знакомым я не желаю и постараюсь сделать все, чтобы этого избежать. А еще нужно уничтожить то, что собрал этот херов экспериментатор и постараться разобраться и попытаться вернуть часть украденной души.

— Значит, ждем и все, — согласился воздушник. Его поддержали змеи, предложили потренироваться и размяться. Все разбили на команды и пары. Урсул с Сальмиром, Арон с Маэлем и так далее, брат Маэля с каким-то змеем. Все полуголые по пояс скрещивали клинки, принимали частичный облик. Я засмотрелась на Урсула. Его щупальца вылетали из-за спины, отражали выпады противника, чернила помогали и по воле хозяина принимали форму клинков, хлыста. Сальмир отбивался от чернильных клинков, но от щупалец увернуться не смог, они его скрутили и прижали к земле. С ним, не применяя частичный облик, решил потягаться Хатару. Но я не стала смотреть на их спарринг. Меня отвлек сын.

Ближе к обеду прилетел Штор и Артиль. Шиор все еще плох, как и Артиль. Второго я повела к Сателле. Она тут же окружила дракона магией, а на Шиора смотрела и краснела. Как сказала подруга, она зависла и по ходу втрескалась как маленькая. С первого взгляда, когда Шиор принес ей книгу с рецептом зелья из «Усов дракона». Эти двое остались одни, а я ушла к Урсулу. И пришла как раз к обеду. Глава дома принял всех и разместил, а хозяйка и ее дочь с Аронем отвечали за питание. В гостиной раздвинут стол, накрыт обед. Через некоторое время пришел Шиор, Артиль остался с Сателлой. Ему до вечера под коконом

восстанавливаться. Мы все сели за обеденный стол. Надеюсь, это не последняя трапеза перед боем.

После обеда нас всех собрал Шиор. Рассказ, кто виновен в похищение детей, вызвал шок и ужас. Никто бы не подумал на самого милого старикашку небесного народа. Старшего из братьев, не принявшего наследие и оставив на троне младшего брата. Он умело скрывает свои действия, и если бы Шиор покинул небесный город раньше, мы бы не узнали, кто стоит за всем беспорядком.

— Да, ты меня вверг в ужас этими словами, — сказал Маэль, — и что теперь? Как нам с ними сражаться? Они же небесные? — и все смотрели на Урсула. Он стратег каких поискать, к тому же это его затея, и моя конечно, но когда зашла речь обо мне, он взял все на себя.

— План не меняется, — сказал Урсул, — мы как и собирались, будем всеми силами защищать Кешина, не пальцем деланные! Справимся, — посмотрел на Хотару, — а он себя сам защитит, — тот кивнул, — так что как и раньше, будем драться.

— В одном проблема, — сказал Шиор. Его тут же спросили какая, он ответил: — неизвестно, кто на его стороне и чем он может нас «обрадовать». Он — великий артефактор. Напомню свою историю, нас скрутили какими-то кристаллами, подчинили разум. Я как мог сопротивлялся, за это на меня натравили своих же. Отбивался, но пострадал. Если бы не Тасси и ее сестры, — посмотрел на меня, — и то, скольких усилий стоило взрослым муренам, управлять разумом взрослых драконов, — все смотрели на меня. Высказаться решил глава семьи:

— Значит, ты не одна такая «добрая»? — спросил хозяин дома и получил предупредительный взгляд Урсула, — не смотри на меня так, чернильный. Просто я старой закалки и все равно не поверю, пока не удостоверюсь на личном опыте. И мне плевать на слова посторонних. Я прекрасно знаю на что способны ее сородичи. Ощутил на себе все прелести, так что не поверю, даже под твоим уничтожающим взглядом и трезубцем у глотки!

— Я тебя предупредил, — тихо произнес Урсул, — еще один намек на ее происхождение и сравнение с прошлым опытом, меня никто не остановит.

— Урсул, заканчивай! — рыкнул на него морской дракон, — Таси и мне дорога, но я не сворачиваю шею, — уточняя, — мог бы, — смотря на кентавра, тот под взглядом Урсула и Шиора притих. Как и все за столом. К тому же, от нас с сестрами зависит будущее детей, ведь кроме нас никто не разрушит те кристаллы и не освободит детей от внушения. Именно поэтому с моим мнением считались.

— Урсул, нам и правда лучше держаться вместе, ради детей и мира, — посмотрела на главу семьи и добавила, — и это не так то легко отказаться от прежних взглядов на род, который причинил тебе боль и отпечатался как не надежный. Будь я трижды права и чиста перед миром и законами, поверить, пока не проверишь трудно, — мои слова дошли до Урсула, он отмахнулся:

— Забыли, — согласился с Шиором Урсул, но сказал: — Тасси и ее сестры помогут, не сомневайтесь. Они уже помогли, и не раз, так что на них можно положиться.

— Нам это словами не докажешь, — сказал воздушник, — тебя мы знаем, а их нет, — я не стала спорить, знала что к нам отношение у всех такое, поэтому сказала:

— Могу поклясться, как и сестры, вреда мы не причиним, — он фыркнул и кивнул, — они помогут, если будет надо. Но тот, кто их держал в неволе, сильно постарался, они не

оправились после заточения. У меня есть мысль, кто это сделал, — и утвердительно кивнула на взгляд Сальмира и Урсула. Не понимал только Маэль, остальные не лезли, ему и всем остальным присутствующим разъяснил Урсул:

— Не так давно, мы с Сальмиром и Тассией освободили из плена морской народ, навестили пустыню, трех падишахов, державших русалок и осьминогов в неволе. В живых и при разуме осталось не так много пойманных. И сейчас не важно из какого рода, все те, кто выжил вернулись домой. Виновных в смерти мы покарали по своим законам, и лишь один из падишахов остался в живых, тот, кто сохранил народ, выделив им место и заточив в аквариум с заговоренным стеклом, их магия и родовые особенности блокировались.

— Не у всех, — напомнила Урсулу.

— Да, одну девушку из рода мурен постигла кара за голос, — все тяжело вздохнули, понимая, что с ней сделали, — именно, — подтвердил догадку осьминог, — Тассия его покарала по-своему, а мы всем отрядом и спасенные приняли решение его покарать отдельно. Не убивать, а бросить в пустыне без воды и еды. А сами вернулись.

— И вы думаете, он обратился за помощью к тому небесному и согласился прислуживать? — спросил меня брат Маэля, Артиэль.

— Думаю, почти уверена в этом. Может даже, зная его историю и видя мучение, небожитель сам спустился к нему и предложил помощь. Мол, такие отвратные и ненавистные мурены, помешали плану и разрушили ему жизнь. Ведь из-за нас он потерял все, свой титул, власть, богатства. Вот небожитель и предложил мечь, богатства и прежний титул. Уговорить можно любого, нужно лишь знать чем приманить сторонника, — со мной согласились. Но спросили:

— А есть еще, такие как ты, адекватные? Нам бы не помешала помощь, — сказал змей, — одна ты не справишься со всеми детьми, да и представь, сколько сил нужно и времени, чтобы всем им вернуть разум.

— Можно поговорить с сестрами. Возможно, у них есть знакомые, — не знала как именно уговорить чужих мурен помочь, но надеюсь на помощь сестер, — еще одна проблема заключается в их ответной просьбе. Чтобы их просить, нужно что-то предложить взамен. Об этом надо узнать у них самих и думать, узнавать, можем мы предоставить то, о чем они попросят или нет.

— У нас есть время, день, может быть два, а потом будет не до этого. Так что переговоры с твоими могут подождать. Но сестер предупредить стоит, — сказал Хатару, — если что я с Иньцзы поговорю, возможно и получится помочь с переговорами.

— Хатару, — обратился Шиор, — выйдем, — и драконы покинули дом кентавров. Взмыли вверх и видны были лишь две уменьшающиеся с огромной скоростью фигуры. После того, как драконы покинули дом кентавра, мы еще некоторое время были за столом и разговаривали. Обсуждали свои позиции и возможные развития событий. Под вечер пришел Артиль, его уши были в порядке. Передал от Сателлы мне привет и наказ.

Было поздно. За всеми этими переговорами и договоренность так и не поняли как стемнело. Это скорее всего последний день тишины. Завтра будет самое страшное. Кешин прижимался ко мне, уткнув нос в шею, к себе со спины прижимал Урсул, так же уткнувшись носом в мои волосы, гоняя по спине мурашки от каждого его выдоха. Мне было тепло, уютно и я не хотела терять то, что мне дал это мир. Я буду сражаться до последней капли крови, пока не порву связки и не растрачу всю силу и магию.

Глава 8 «Последний ингредиент»

Утро было тихим, но мы все ждали боя на смерть. Ничего особо не делали, сидели и разговаривали. А смысл начинать дело, если все равно его не закончишь. Поэтому мы просто сидели и ждали. Вернулись Хотару и Шиор, новости не вдохновляющие, мурены помогать не отказались, но и не согласились, сказали, что придут на помощь только по зову моря. Что это, не знал даже морской дракон. А я и Урсул подавно. Поэтому только скромной компанией: я, Урсул, Сальмир, Арон, Маэль, его брат Артиэль с отрядом из пяти драконов, Шиор, Артиль, пустынный змей со своей компанией, Хотару и сестры. От силы нас будет двадцать, или двадцать пять. А это мало, ведь нам придется сражаться с небесными. Уверена в этом.

— Ожидание смерти, хуже самой смерти, — говорю и многие со мной согласны:

— Началось бы уже, — втыкает и вынимает меч в землю змей, — надоело это ожидание, — снова и снова, а Урсул говорит:

— Не терпится в преисподнюю на сковороду с кипящим маслом, м?

— Кто на сковороде жариться будет, так это ты, Чернильный! — говорит и ржет младший воздушный, Урсул смеется в ответ, — и не отрицаешь.

— А смысл отрицать? Грешен, но не каюсь, — в его руке то появляется, то исчезает чернильный клинок, — я с этим живу, с этим умру, а тому, кто в преисподней масло подливает и огонь для сковороды разжигает, скажу: «Сильнее!» «Больше!» — смеется осьминог над словами воздушного дракона.

Но не долго. На горизонте, в небе надвигались тучи. Летели к нам на огромной скорости, небожители начинают нападение. Но пока только предупреждающие раскаты грома, сверкающие молнии и надвигающийся ураган, в городе паника, эвакуация, все прячутся по домам, запирают дома и в подпол, к банкам и соленьям. Семья Арона не исключение, с моим сыном на руках спряталась мама кентавра, сестра, а отец семейства и Арон с нами, готовы защищать ребенка и город. Слышались слова небесного:

— Отдайте мне мальчика-дракона, тогда город будет цел, жители не пострадают, вы не пострадаете, мне нужны лишь его глаза, — слова мед, но несут они лишь сталь и кровь. Ведь его глазами, последней, недостающей частью будет разбужен хаос и ужас мира, тот, кто его сожрет и не подавиться. Было бы все так просто, мы бы не сражались.

— Нет! — мой крик.

— А! Это ты, мурена! — смех и утробное рычание, — та, которая поломала мне все планы, разрушила и уничтожила прекрасный ритуальный призыв. Та, кто голосом ломает артефакты. Мои артефакты! — и тут крик Шиора:

— Тассия, амулет, брось его! — я едва успела снять с себя цепочку с ракушкой, как от нее ко мне потянулись золотистые нити, оплетая и затормаживая. Но помог Урсул, чернильным кинжалом обрубил нити и цепочка с кулоном стали простой побрякушкой, не знаю, что они бы мне сделали, но точно ничего хорошего.

— Жаль, думал, у меня и мурена ручная будет, — рассмеялся небожитель, — но вам и детишек с племяшками хватит, — он имел в виду, что нам придется сражаться с небожителями, а это полный крах и мрак. На нас двигалась туча, все ближе и ближе, отчетливо видны силуэты небожителей, их стать и силу ощущали на себе, давление не хилое, а они еще не ступили на землю.

— Среди них Владыки нет, — говорит Шиор, — возможно, он остался в небесном городе, — а я вспомнила о Ями, жестами показала Шиору, что переживаю за покровительницу, он меня понял, — за нее не переживай, она в ледяной тюрьме, ей ничего не угрожает. В это дело ее втягивать не станут, — а шепотом, — надеюсь.

Нам предстояла битва. Боги уже спустились, выбрали себе напарника по сражению и разбежались по сторонам. Мне в противники достался тот самый падишах, его вел в бой артефакт, глаза — черные провалы, руки как паучьи лапы вытянуты и в волосах с когтями на пальцах, пасть открыта и порвана по щекам, вываливается длинный язык и с гнилых клыков капает яд. Одержимость темным артефактом, что ли? Говорить я не могу, но петь могу. Атефактов на нем три штуки, значит, три боевые песни и он окончательно мертв.

И я затянула первую боевую мелодию, направленную на разрушение связи артефакт-носитель. Черный кристалл не поддавался так легко, как предыдущие, поработившие детей и морских драконов. Явно усиленный, настроенный против мурен и голоса, уничтожающего связь. Но, и я не пальцем деланная! Сборник мелодий мной выучен, спасибо Шиору и его библиотеке, подарившей такую возможность. А еще была мысль слить боевую мелодию и «Крик души», чтобы проняло и пробило не только носителя, но и создателя.

— Ты решила объединить два умения? — улыбаясь, отбиваясь от небожителей с подавленной волей, спрашивает Урсул. Ему не сладко приходится. В помощниках Шиор, но и он против дуэта небожителей, закованных в артефакты подчинения — не вытягивает. У него ограничитель, он не может сражаться против небесных в полную силу, приходится быть у Урсула, что-то вроде щита, отражающего атаки с обеих сторон, а Урсул в их паре атакующее звено. Из-под руки осьминога, материализованные из чернил вылетали клинки, стрелы, копья, все подряд, атакуя одного из небесных. Против второго Урсул сражается в ближнем бою, с черным трезубцем в руке, при этом умудряется отбивать атаки удаленного противника.

В такой же ситуации остальные защитники. Наги, воздушные драконы, морские и Хотару. Разбившись по парам, они образуют боевой тандем, но, против небесных они долго не протянут. Что же делать в этой ситуации — ума не приложу. У меня своих проблем полно, помимо защиты сына, пылающий гневом падишах, пораженный тьмой и гневом артефактов.

— Что, мурена? Молчишь? — смеется пустынный. А я затянула «Крик души» соединяя его с атакующей мелодией «Удар медузы». Атака заключается в такой же мощной атаке, как у медузы осы, больно, точно и смертельно. Атака направлена не на смерть падишаха, а на уничтожение связи между артефактами.

— Удар медузы? — воскликнул артефактор, — ты полна сюрпризов, мурена, — смотрит на Шиора, с кривой улыбкой говоря: — подготовил и научил, молодец! — смех и его удар по Хотару. Атака какими-то камешками, бросил под ноги, треск и дымка, тянущая щупальца к дракону. Но, на защиту разума Хотару встала Иньзцы, отбивая атаки кристалла голосом, выставляя щит в разуме дракона. А морской дракон не отрицал, на претензии отвечал: да он, да научил, книгу подарил. Слова небожителя не устраивали, как и мои знания, но, сделать он уже ничего не может. Только смотреть, как уничтожается труд, вложенные в него силы и душа, если она у него есть. Но, я справлюсь с падишахом, как быть с остальными поработившими? Мы с Иньзцы так же обезвредим пару, ну четверых, два десятка нам не под силу.

— Сиа! — кричит Сальмир, — мы долго не выдержим. Есть идеи? — и мос

отрицательное мотание головой, сопровождающееся смехом небожителя-артефактора. Мы проиграли! На земле побежденными лежат наги, воздушные драконы, морские, Арона и его отца так оттесняют к дому, еще немного и они упадут без сил. Едва стоит на ногах Урсул и Шиор, еще держатся Хотару и Иньзцы. Под тяжестью моей сдвоенной атаки погибает падишах. Но и я, как только закончу петь и разрушу связь, отправив пустынного Владыку за грань — останусь без сил.

— Вот и все! — говорит артефактор, — надо отдать должное, — смотрит на команду защиты, — вы достойно сражались, — проходит мимо лежащих нагов, воздушных драконов, идет ко мне и Урсулу с Шиором, — но... - небожитель так и не договорил, что именно. Как всех к земле притянуло от дружного «Вопля души». Это сколько же нужно мурен, чтобы так приложить? Три десятка! И вела их она:

— Ями! — воскликнул Шиор.

— Ты!?! — с ненавистью смотрит божок.

— Я, дядя! — такая же, в синем кимоно, перетянутое желтым поясом оби, развивающиеся черные волосы, насыщенного, глубокого оттенка карии глаза, в ее руке кисеру, выдыхаемый дым превращается в морских жителей, атакуя братьев, сестер и кузенов, а мурены ей ведомые продолжают давить и напирать, не давая возможность атаковать.

— Как ты? — но так и не смог спросить, увидел виновника. Мальчик, прятался за ее спиной, выглядывая и виновато смотря на дедушку. У ребенка черные по ушки волосы, такой же восточный, как у Ями разрез карих глаз, курносый нос, держит край рукава кимоно, дрожа или от страха или от холода, все-таки из ледяной тюрьмы ее вызволял, опуская глазки под пристальным взглядом деда, — так, ты освободил тетю Ями? — тот готов ребенка испепелить, но, его защищают, за него отвечают:

— Да, Ешихару меня вызволил. Отец всегда носит ключ от ледяной тюрьмы при себе, — артефактор грубо выругнулся, но Ями продолжала: — Еши не смотря на страх перед тобой и пробирающийся до костей холод, он вытащил меня, рассказал все, что происходит и даже то, что ты дядюшка задумал. Дед не пощадит никого, ни тебя, ни мир, всех и все подчистую уничтожит. Так зачем?

— Ты маленькая и не понимаешь!

— Чего я не понимаю? Вашей с отцом тихой войны за внимание деда? Понимаю. Вашей показушной добротой друг к другу меня и всех нас не проведешь. Вы как грызлись за внимание матери и отца с детства, так и грызетесь. Только масштаб вашей грызни куда больше, чем небесный замок. И дед не оценит!

— Оценит!

— Что ж! — выдохнула облачко дыма, направляя на меня, — Тассия, у тебя пять минут, чтобы сказать, как именно мы вынесем дядюшку и его армию. Говори, это приказ! — слова Ями, дали мне возможность сказать, что именно поможет нам разрушить все артефакты, освободить сестер и братьев Ями, а способ лишь один:

— Объединяем «Вопль души» и «Удар Медузы», бьем не точно, а обширно. Формула такая: — быстро, четко и доходчиво объяснила сестрам структуру заклинания, они меня поняли и дали сигнал, что готовы. Артефактор из последних сил отдавал приказ подчиненным небожителям, а его дети атаковали сами, без приказа. Но и их постиг «Купол Медузы», так я нарекла это умение.

И по сигналу, со мной в роли ведущего и запевающего мы атаковали. Голоса лились и сливались, набирала мощь магия и Ями, ведь мы — русалки-мурены ее подопечные, а

используя свои способности, воспевая покровительницу, призывая ее в свидетели, делаем сильнее. Вера шпука такая, как обоюдоострый меч. Есть вера последователей — есть сила у божества, нет веры — нет и силы. А боги не могут жить без этого, лишь существовать. Наши голоса — это вера, признание и поддержка. И Ями не останется без силы и не перестанет занимать в пантеоне ведущее место, пока жива хоть одна русалка или тритон, даже мурена и та будет поддерживать ее силы и жизненную энергию.

— Надо было тебя убить, а не в тюрьму прятать! — кричит артефактор. А с ним кричат и порабощенные небесные. Покрываются трещинами артефакты, осыпаются осколками, отпуская разум. А мы продолжаем петь так до последнего артефакта, треснувшего под напором наших с муренами голосов. И, кажется, я поняла, что они имели в виду, говоря, что придут и помогут, услышав Зов моря. Ями — она зов моря, она позвала и они откликнулись.

С последним треснувшимся и уничтоженным кристаллом и артефактом началось новое сражение. Дети Владыки против детей Артефактора. Кого-то успели убить раньше вернувшегося сознания, кого-то чуть позже. Но, итог печальный. Льется кровь, слышатся слова проклятия и ненависти. Лязг оружия, магические вспышки, гром, молния, небеса заволкло тучами и сверкают молнии, бой переносится в Небесный замок. Приказ достать последний ингредиент для вызова Мьялайсаша стал не актуальным. Небесные сражаются против небесных. А мы стоим в стороне. Наблюдаем за происходящим.

— Сиа, как ты? — спрашивает Урсул, прижимая меня к себе. а я лишь киваю, мол со мной все нормально. Смотрю на друзей и пришедших на помощь. Все живы, потрепаны, ранены, без сил, но главное живы. А лечить — забота Сателлы и ее лечебницы. Дриада с группой целителей тут как тут, стоило о ней подумать. Первым делом она идет к Шиору. Тому досталось от небожителя.

— Шиор, ты как? — тут же ее руки окружает зеленого цвета магия, направленная исключительно на дракона. Удивленно и шокировано смотрит на дриаду и дракона Ями, а я улыбаюсь, могла бы сказать, сказала, что не там она ему невест искала, и не тем душевное и сердечное здоровье доверяла. Словно услышав эти мысли с казала:

— Все так, не там искала и не тех просила, — Сателла излечила дракона, перешла к остальным пострадавшим. Следующим стал Урсул, не отпускающий мою руку. Сателла улыбалась, поздравляла и спрашивала, когда свадьба. А Урсул шепотом, лишь мне в ухо сказал:

— Хоть сейчас!

— Урсул! — возмутилась я, и не поняла, как так и что со мной, почему я говорю, смотрю на Ями, — а она пожала плечами и показала на небеса, мол, отец постарался. Скорее всего это мне благодарность за помощь и спасение мира. Интересно, а у остальных мурен так же? Каждая из стоящих пробовала говорить, не у всех получалось, лишь у тех, кто не осквернен кровью на руках и смертями людей за спиной. У тех, кто не ел людей. А это пятеро из трех с половиной десятков. У меня, Иньзцы и сестер, и еще у двух молодых, только познавших силу голоса.

— Хотару! — шепчет Иньзцы, — я так рада! — по ее щеке течет слеза и тут же им перехвачена, как и русалка. Прижата к груди, заключена в кольцо рук. Как говориться, совет им, да любовь. И детишек, продлить род «Бледной сакуры» и муреновский, обладающий способностью говорить и магией голоса.

— Инь, — еще крепче прижимает к груди дракон свою русалку, — моя, только моя. Дракон сказал, дракон сделал. Урсул, Тасиия, Шиор, Сателла, вы — приглашенные на

свадьбу. Дату мы скажем позже, выберем. Арон, Маэль, вы тоже. Ями, — поклон богине, — почтем за честь видеть и вас на нашем празднике. Урсул, а ты свидетель! — осьминог кивнул, мол, не проблема.

На мой голос и стихшее пение выходят семья Арона. Сын спит под присмотром сестры Арона. Он переживал за всех нас, рвался ко мне все это время, но успокоился, стоило стихнуть магии и грому небес, а потом просто уснул на руках. Отец семейства пересказывает родне все, что тут произошло. Когда мама Арона увидела Ями, готова была в ноги ей упасть, лицезреть небожителя, не просто в храме, во время какого-то праздника или даты, а в своем доме — честь. Ями улыбается, говорит, что все хорошо и опасность Кешину не угрожает, благодарит за помощь и защиту ребенка.

Все с облегчением выдохнули, успокоились и разошлись. Мурены вернулись в море, выказывая почтение покровительнице. Сальмир, Маэль и Арон ушли в отделение, отчет писать и бардак после атак небесных разгребать. Кроме этого приглашения семьям пострадавших писать и рассылать, на излечение детей. Наги и воздушные драконы вернулись в кланы, Шиор и Артиль к себе на остров, прихватив Сателлу, чтобы познакомить с будущими владениями, а еще достать тот самый корень, способный вылечить глаза детей. Хотару ушел с Иньцзы, провожая ее ко мне на квартиру, сам же вернется к себе, на время покинет возлюбленную, чтобы подготовить дом к ее приходу. А мы с Урсулом остались гостями кентавров. Ями еще раз поздравила нас с Урсулом и поблагодарила за предотвращения катастрофы.

— А твой отец и его дети? А твои кузены и кузины, что с ними будет? И с дядей? Что ему грозит? — она лишь выдохнула облачко дыма, пожала плечами и не ответила, сама не знала. Все закончилось и ладно. Она уверена в одном — отец не простит дяде того, что произошло, не безглазых детей, не плененных небесных, как и убитых. Все припомнит. И тот не отделается Ледяной тюрьмой. Слишком много прегрешений перед миром и жителями.

Нам выделили одну комнату на двоих, в кольце рук, у груди, укрытая одеялом, я почти уснула, как слышатся шаги, открывается дверь и сонный, потирающий глаза сын, идет к нам, говоря:

— Мамочка! Я к тебе хочу, — мы с Урсулом подвинулись, пуская его в кровать, обнимая с обеих сторон, по очереди чмокая в лоб, щеку, макушку, а он сонно приговаривал: — настоящие мама и папа, и не спорьте. Отныне ты, Урсул, мой папа, я так решил! — уткнулся ему в плечо, держа в одной руке длинную, черную прядь, в другой руке мой палец, — мама...папа... — шепот и он спит. Как и мы с Урсулом.

Отступление

— Брат, ты признаешься в содеянном? — спрашивал Владык Небес плененного и побежденного брата, занимавшего пост Верховного Артефактора.

Тот сидел перед Владыкой в цепях, тюремной робе, от прежней роскошной, удобной одежды лишь воспоминания. Ему не светит вернуться в Небесный город, снова стать частью пантеона небожителей. Лишь изгнание и ссылка в Черную крепость. Как и его детей, убивших своих братьев и сестре без зазрения совести. С ними даже разговаривать не стали, сослали в Призрачную долину. На протяжении тысячи лет они будут видеть тех, кто пострадал, погиб по их вине, братьев, сестер, детей, лишившихся семей, зрения и будущего.

— Признаю, — но, он не покорился, лишь смирился с участью. Просчитался, не продумал некоторые детали и проиграл. На всех стоящих он смотрел с улыбкой, и она так

напоминала улыбку его отца, когда-то мудрого, великого Создателя, после ставшего Хаосом и Кошмаром. Именно эти искры и горели в глазах Артефактора.

— Тогда дорога тебе известна, — показал на вихрь закручивающейся энергии у себя за спиной, — и никто, слышишь, никто более в этом мире не будет тебе поклоняться. У тебя больше нет храмов и последователей тоже нет! Ты их не заслужил! Осквернил и опорочил самую суть артефакторики.

— Хватит разглагольствовать, я пошел, — сказал небесный и шагнул в портал, ведущий его в Черную крепость. За ним закрылась воронка портала, все в зале выдохнули и постепенно расходились. Остались лишь Ями и Владыка. Она стояла рядом, держа отца за руку, а он все еще смотрел на то место, где пару минут назад была воронка портала.

— Пап, он это заслужил, — говорит Ями.

— Знаю, — отвечает небесный Владыка, — но, это не значит, что я перестану его любить и им дорожить, — смотрит на девушку, — как с Кешинем. Как бы мне не было больно, я сделал так, как посчитал нужным. Я его казнил за предательство, мог бы, убил и брата, но...

— Знаю, — повторила слово и интонацию Ями, — скажи, как ты отблагодаришь Шиора и морских за помощь? Мурен, некоторых, ты голосом наградил, а драконов? — у Владыки было два варианта или снять ограничения в перемещении или подарить новые земли. Ями сказала: — первый вариант, определенно он. Спасибо, пап. За все.

— Иди, у тебя сегодня праздник. Твой подопечный нашел таки истинную пару. И кого? Дриаду-целителя! Немыслимо. Ладно, Кешин с ним, — махнул рукой, — поздравь от меня Шиора и передай слова о снятии ограничений, о полной свободе перемещения между материками и владениями. А я отдохну, — зевая, сказал небесный, и тут добавил: — и мурене своей передавай привет. Пусть у них с Чернильным все срастется. Детишки там, семейное гнездышко, — засыпая на ходу, желает Владыка, — и за маленьким Кешинем пусть присмотрит, — Ями улыбается, кивает в так его словам и растворяется облаком табачного дыма, оказываясь на празднике лучшего друга покойного брата, ставшего и ей другом, а не подопечным.

Несколько лет спустя...

Остров морского дракона. Ориентиром как всегда служит сакура, тянущая и опускающая ветки, рассыпающая свои лепестки по глади воды. Шиор и Сателла встречали нас как всегда с распростертыми объятиями, рядом их детишки. Два дракона-близнеца, Маирин и Миерин, копия отец с синими, как море волосами и глазами, с узором синих чешуек на руках, шее, щеках, уже заметны раздвоенные рожки, они сдержаны и спокойны, что не скажешь о их младшей дочке Азмари. Она — дриада, как Сателла, неугомонная, шумная и подвижная. Не смотря на то, что ей всего пять лет, а мальчикам десять, магия в ней уже проснулась. Никому не даст покоя, если почувствует царапину, синяк, ссадину или ожог, всех излечит, исцелит добрый доктор Айболит! Так мы о ней говорили.

— Сия, Урсул! — кричит Азмари. Бежит к нам и обнимает. А следом из воды выходят наши с Урсулом детишки. И как совпало, первыми так же близнецы. Плутониус и Ариэль. Только девочка и мальчик. Ари — мурена, копия я, черные волосы, карие глаза и морской облик, а Лу — осьминог, с папой одно лицо, такие же волосы, глаза, морской вид. Но, шутка юмора. В человеческом виде у Лу короткие волосы цвета сирени, едва достают плеч, в воде длинные, у Ари же наоборот — в человеческом виде волосы длинные, черные, как у меня, а в воде короткие, чуть ниже вытянутых ушек.

— Ари, Лу! — поздоровались с ними близнецы-драконы.

— Миер, Маер! — ответили тем же наши дети.

— А Кешин где? — спрашивает Сателла.

— Должен прилететь. Они с Хотару прошли первую ступень обучения, обещал прилететь и поздравить вас с пополнением, — говорю, смотря на сверток, спящий в руках Шиора. Это четвертый ребенок, и снова девочка, но в этот раз унаследовавшая его драконью сущность.

— А Иньзцы? Как их детишки? — спрашивает Шиор, смотря на невысокие, похожие на кустики деревья, с розовыми лепестками, трепещущими на ветру, рассыпающими лепестки. У этой парочки тоже все хорошо. У розового дракона и мурены трое детишек, мальчик Меркурий ему десять, девочка Венера ей восемь и еще девочка Юйши, которой всего три годика.

— Вон они! — кричит Азмари, показывая на летящих розовых драконов. На спине Хотару Иньзцы и дети, а рядом летит Кешин. Как я и говорила сын просто красавец. Первым делом, как только меняется его облик он подходит ко мне и прижимается, говоря: «Мама», а я глажу его по голове, раздвоенным рожкам и отросшим до середины спины волосам. Кешин почти с меня ростом, еще немного и догонит.

— Папа, это тебе, — протягивает Урсула Кешин браслет с жемчужинами, а я смотрю и не понимаю с чего это. Знаю, что это значит, но не понимаю, как проглядела и не заметила. А вот Кешин, стоило меня увидеть, тут же понял, — мама, поздравляю! — прижал меня к себе еще раз сын, а Урсул положил руку на пока еще плоский живот. Тут же подошли и повторили за папой действия дети. Лу и Ари ждали отклик, но его пока нет, рано еще. На нас смотрели Хотару и Иньзцы, Шиор и Сателла, рядом с нами наши дети, как же хорошо, тепло и уютно.

А я ведь могла в тот день отказать подруге и не прийти к ней на свадьбу. Если бы не пришла, всего этого у меня не было бы. Но, как же я рада, что не отказала, пришла и попала сюда, в этот мир, встретила друзей, сына и Урсула, родного и любимого мной осьминога, подарившего мне любовь, детей и семью!

Больше книг на сайте - Knigoed.net